

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический
двухнедельник
ЦК ВКП(б)

ХIII год издания

Адрес редакции:
Москва, Ленинградское
шоссе, ул. „Правды“.
24. Тел. Д 3-05-06

№ 5

1 МАРТА

1936

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ — Стахановская весна	1
П. П. ПОСТЫШЕВ — Итоги проверки партийных документов в КП(б)У и задачи партийной работы	8
В. МЕЖЛАУК — Большевицкий план	29
Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ — На путях к развернутому социалистиче- скому плану	41
К. РАДЕК — Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского	54

Международный обзор

Е. М. — Борьба в правящем лагере Японии	69
---	----

Консультация

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ — О буржуазной и буржуазно-демократической революции	77
---	----

Библиография

И. ЛАПИДУС — Новые материалы из литературного наследия Маркса. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV	84
АЛ. ГРЮН — Воспоминания рабочих о молодом Сталине	92

СТАХАНОВСКАЯ ВЕСНА

Советская страна вступает в период весеннего сева четвертого года второй пятилетки.

В южных районах Таджикистана уже начался сев ранних зерновых культур. О начале весеннего сева сообщают и из других республик Средней Азии. Эти сообщения — первые вестники нового наступления на сельскохозяйственном фронте. В ближайшее время весенний сев развернется в основных зерновых районах страны. Все это заставляет ускорить подготовку к севу, чтобы организованно, во всеоружии встретить весеннюю посевную кампанию.

Новый сельскохозяйственный год начинается под знаком гигантски возросших задач социалистического сельского хозяйства.

Если 1935 год получил заслуженную славу как год крупнейших побед в промышленности и в сельском хозяйстве, то 1936, стахановский год должен дать невиданный подъем производительности сельскохозяйственного труда. Нужно добиться решающих успехов в борьбе за изобилие продуктов, за зажиточную жизнь, за то, чтобы СССР стал самой богатой страной в мире.

У нас есть все основания работать в этом году значительно лучше, чем когда-либо, провести весенний сев по-новому, по-стахановски.

Что отличает весну 1936 года от предыдущих колхозных весен?

На борьбу за дальнейшее укрепление колхозов подняты новые миллионы бойцов — героев колхозного труда. Преимущества коллективного хозяйства, создающего в деревне культурную, зажиточную жизнь, доказаны на практике. Поэтому колхозная деревня переживает сейчас невиданный новый подъем. Неустанными заботами товарища Сталина подняты глубочайшие пласты колхозной деревни, разбужена активность женщин-колхозниц, и женщина-колхозница становится действительно большой силой колхозного строительства. Этот факт имеет крупнейшее значение, и он сыграет свою роль в сельскохозяйственных кампаниях 1936 года. Колхозное казачество сплачивается вокруг партийных организаций и выступает как новая, активная сила колхозного производства. Выросло новое, прекрасное колхозное поколение, молодежь, сознательные трудовые годы которой проходят в колхозах и которая бесконечно предана колхозному делу.

Изменилась техника сельскохозяйственного производства. Количество машин в сельском хозяйстве растет из года в год, но нынешняя весна будет выдающейся и в этом отношении. Вместо 12 миллионов сох, которыми владели крестьянские хозяйства до революции и которые являлись основным орудием производства, весну 1936 года социалистическое земледелие встречает, имея 400 тысяч пятнадцатисильных тракторов. Задача, поставленная Лениным и Сталиным, — посадить крестьянина на трактор — успешно выполняется.

Организация весенних работ в 1936 году будет выглядеть иначе чем в прошлые годы. Почти половина ярового клина (45,5 миллиона гектаров) обеспечена зяблевой вспашкой. Это значит, что при умелой организации полевых работ удастся избежать обычной напряженности с весновспашкой. Наконец, самое главное условие успеха — рост новых кадров, овладевших техникой.

Особенности стахановского года видны прежде всего из того, что началу весенних полевых работ предшествовал ряд совещаний стахановцев сельского хозяйства с товарищем Сталиным, с руководителями партии и правительства. Подготовка к весеннему севу началась по существу уже тогда, когда в Кремле собрался для встречи с вождем партии и народа товарищем Сталиным, с руководителями партии и правительства цвет колхозного движения: колхозницы-пятисотницы, завоевавшие рекордный урожай свеклы, а затем знатные комбайнеры и комбайнерки, передовики хлопковых районов, передовики урожайности по зерну, лучшие трактористы, машинисты молотилок и, наконец, передовики животноводства. Эти совещания явились по существу широкими производственными конференциями, на которых не только подводились итоги истекшего года, но намечался план действий на 1936 год.

В результате этих совещаний и непосредственного общения представителей народа со своими вождями родились сталинские задания сельскому хозяйству на ближайшие годы и на 1936 год. Встреча руководителей пар-

тии и правительства с героинями свекловичных полей позволила определить новый уровень урожайности сахарной свеклы, за который необходимо бороться. Если средний урожай свеклы, например на Украине, составлял 130—132 центнера с гектара, то в 1936 году на основе передового опыта героинь колхозного труда установлен сбор урожая в 200—250 центнеров с гектара.

Опыт колхозниц-пятисотниц и других стахановцев сельского хозяйства позволил внести существенные поправки к «научным» нормам урожайности. Данные практики колхозного труда и преимущества социалистических производственных отношений — вот чего не учитывала, к чему не прислушивалась во многих случаях сельскохозяйственная наука. Теоретические «пределы», устанавливаемые наукой в области сельского хозяйства, опрокинуты практикой, потому что свои предположения и расчеты сельскохозяйственная наука строила, исходя из опыта мелкого крестьянского хозяйства или помещичьего, эксплуататорского хозяйства. Но можно ли сравнивать условия и возможности этих хозяйств с условиями и возможностями коллективного хозяйства! Естественно, что представители социалистического труда — колхозники и колхозницы, вчерашние темные и неграмотные крестьяне — поправляли ученых.

Наука, например, утверждала, что в наших условиях нельзя собирать американского хлопка больше 13—15 центнеров с гектара. А недавно вся страна приветствовала представителей колхозов Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Казахстана, Кара-Калпакии, которые опрокинули эти «ученые» нормы и добились рекордных урожаев хлопка. Например колхозник Файзулла Юнусов из Узбекистана добился невиданного урожая американского хлопка — 57 центнеров с гектара, а колхозник Саибов Куддаш дал по своей бригаде урожай до 53 центнеров с гектара.

Наука утверждала, что в наших условиях урожай египетского хлопка не может превысить 7—8 центнеров с гектара, а передовые колхозники Таджикистана снимали в среднем с гектара по 25—30 центнеров египетского хлопка.

Опыт передовых колхозов и совхозов хлопководческих районов позволил сделать существенные поправки в плане повышения урожайности хлопка. Если в 1935 году хлопка-волокна было собрано 33,5 миллиона пудов, то сталинское задание на 1936 год — увеличить сбор хлопка-волокна до 40 миллионов пудов.

Так, на основе опыта миллионов, приобщившихся к социалистическому труду, рождаются новые технические нормы в нашем сельском хозяйстве, определяется новый уровень сельскохозяйственного производства.

Опыт передовых зерновых колхозов позволил партии поставить перед сельским хозяйством новую, грандиозную задачу. — повысить в ближайшие 3—4 года сбор зерна до 7—8 миллиардов пудов ежегодно.

Лозунг товарища Сталина о 7—8 миллиардах пудов зерна был встречен всей страной, всем колхозным крестьянством с величайшим подъемом. Каждый трудящийся увидел в этом лозунге завтрашний день нашей страны. Речь товарища Сталина на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок

не только определила уровень зернового производства: это программа развития всех отраслей сельского хозяйства, в том числе технических культур и животноводства, это широкий план подготовки кадров, овладевших техникой. Здесь сформулированы основные принципы ведения крупного социалистического механизированного сельского хозяйства. Указания товарища Сталина, данные в этой речи, определили основную линию развития социалистического земледелия на ряд лет.

Десятки лет понадобились Америке для того, чтобы повысить валовой сбор зерна на $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ миллиарда пудов. А мы эту задачу собираемся решить и решим в течение ближайших 3—4 лет, ибо наше земледелие — самое революционное в мире, самое передовое, оснащенное первоклассной техникой — обладает растущими стахановскими кадрами.

Борьба за 7—8 миллиардов пудов зерна, за 40 миллионов пудов хлопка-волокна, за 254 миллиона центнеров сахарной свеклы, за решительное повышение урожайности всех продовольственных и технических культур, за повышение продуктивности животноводства — вот что ложится в основу нашей работы на 1936 год.

Для того чтобы судить о масштабах предстоящей работы в сельском хозяйстве, достаточно сказать, что прирост валовой продукции сельского хозяйства, намечаемый на 1936 год (24,2%), выше чем прирост продукции промышленности (23%). Значительно должна увеличиться продукция животноводства. Если вся валовая продукция сельского хозяйства должна возрасти против 1935 года на 24,2%, то прирост продукции животноводства составит 26,1%.

В процессе социалистической переделки сельского хозяйства происходит переделка мелкособственнической психологии крестьянства. Люди меняют взгляды, навсегда освобождаются от привычек, унаследованных от старого строя. Ростки нового мощно пробиваются вперед, обещая в будущем славную жатву.

Скоро миллионная армия колхозных сеятелей выйдет на поля. Это будет седьмая колхозная весна. Из года в год под руководством рабочего класса и его партии мужает в борьбе колхозное крестьянство; опыт становится все богаче; навыки и привычки коллективного хозяйства все больше входят в плоть и кровь. И с каждой весной все шире и шире становятся задачи, все грандиознее цель, все ярче вырисовывается перспектива зажиточной и культурной жизни.

Но нельзя думать, что все уже сделано для победы. Надо помнить сталинское положение, что «победа никогда не приходит сама — ее обычно притаскивают». Только в упорной борьбе мы можем осуществить грандиозную программу 1936 года.

Высокое качество полевых работ, решительное повышение урожайности по всем культурам, наиболее полное использование сельскохозяйственных машин, смелое и решительное выдвижение новых людей, овладевших техникой, — вот задачи наступившего сельскохозяйственного года.

В ближайшие 3—4 года нам предстоит довести сбор зерна до 7—8

миллиардов пудов. В 1936 году мы должны сделать к этому решающий шаг. Собрать 6380 миллионов пудов зерна—таково задание на 1936 год.

Государственный план весеннего сева с исчерпывающей полнотой указывает средства и пути повышения урожайности. Весной колхозы, совхозы и единоличные хозяйства должны засеять 92 214,5 тысячи гектаров, из них 64 143,6 тысячи гектаров зерновых культур. Правильная агротехника, контроль за качеством полевых работ — вот что выдвинуто на первое место в государственном плане.

Закрепление за колхозами 400 миллионов гектаров земли навечно ставит на твердую почву вопрос о севооборотах. Должны быть прекращены всяческие отрезки и прирезки земель. Правильная разбивка земель по полям севооборота позволит по-настоящему заняться повышением урожайности. В 1936 году надо выполнить требование устава сельскохозяйственной артели — перейти на правильный севооборот.

Крупнейшее значение для повышения урожайности будет иметь обновление семенного материала. Колхозам и совхозам нужно взяться всерьез за налаживание семенного дела, за внедрение в сельское хозяйство наиболее высокоурожайных, устойчивых сортов зерновых и технических культур. В эту весну 28 миллионов гектаров будут засеяны сортовыми семенами. Это — начало осуществления широкой программы замены всего семенного материала высококачественными сортами.

Колхозное и совхозное семеноводство ставится в этом году по-новому. Если в прошлые годы условия классовой борьбы в деревне требовали, чтобы колхозы и совхозы выделяли семенные фонды лишь после выполнения государственного плана хлебозаготовок, то теперь порядок образования семенного фонда целиком подчинен делу повышения урожайности.

Уже с весны в каждом совхозе и колхозе в полях севооборота должны быть выделены особые участки, назначение которых — дать семена для воспроизводства. Эти участки должны быть обработаны самым тщательным образом и засеяны лучшим зерном. Осенью все собранное с этих участков зерно должно быть использовано только как семенной материал. Но колхозное семеноводство станет мощным источником повышения урожайности лишь в том случае, если ему будет уделено необходимое внимание, если будет осуществлено правильное агротехническое руководство этим делом.

Правительство и Центральный комитет партии разработали в этом году для каждой республики, края и области минимальное задание по урожайности в центнерах с гектара. Каждый сельскохозяйственный район получает определенные показатели урожайности, за выполнение и перевыполнение которых он обязан бороться. Плановые задания эти составлены на основе тщательного изучения особенностей и ресурсов всех сельскохозяйственных районов и, бесспорно, будут перевыполнены, если партийные и советские организации мобилизуют опыт и инициативу колхозников.

Этому будет содействовать новый порядок стимулирования производства пшеницы: повышение заготовительных цен и установление прогрессивных премий и надбавок при закупках пшеницы у колхозов и совхозов. При этом нормы обязательных поставок зерна и подсолнуха снижены; в резуль-

тате этих мероприятий повышается заинтересованность колхозов и совхозов в расширении и укреплении зернового хозяйства.

Твердый порядок должен быть установлен в проведении полевых работ. Необходимо окончательно изжить всякую штурмовщину и суету. Сделать все заблаговременно, все подготовить и рассчитать, чтобы весенний сев прошел без задержки, — вот что требуется от местных организаций.

Особое внимание необходимо уделить подготовке семян. Надо ускорить межколхозный обмен и обмен на сортовое зерно со складов Заготзерна. В этом году запрещен посев непротравленными семенами пшеницы, овса и проса. Нужно своевременно очистить и протравить зерно. Протравливание должно вестись под руководством агрономов. Семена должны быть проверены на всхожесть и абсолютно подготовлены к посеву в сроки, указанные правительством и ЦК ВКП(б).

В этом году намечается большая программа яровизации семян. Этот агротехнический прием широко известен колхозам и совхозам и полностью себя оправдал. В 1929 году только полгектара было засеяно яровизированными семенами, а в 1936 году в колхозах намечено засеять яровизированными семенами 4900 тысяч гектаров! Из этого факта видно, что всякое научное достижение, помогающее колхозному и совхозному производству, в Советской стране оценивается по достоинству и широко внедряется в практику.

Ученые капиталистических стран могут позавидовать советским ученым, встречающим такую огромную государственную поддержку, имеющим возможность проводить свои опыты и реализовать свои открытия в гигантских масштабах.

Немалые потери урожая в прошлые годы вызывались запозданием многих районов с началом и концом весеннего сева. В этом году разработаны твердые сроки окончания весенних посевных работ для каждой республики, края и области: для юга и части юго-восточных районов по зерновым культурам — 7 — 10 рабочих дней, для всех остальных республик, краев и областей — 10—12 рабочих дней. Посев хлопка должен быть закончен в поливных районах в 8—12 дней, в неполивных — в 6—8 дней. Посев сахарной свеклы должен начаться одновременно с ранними колосовыми и закончиться в 10—12 дней. Запрещен сверххранний сев и сев с аэроплана; необходимость такого рода мероприятий отпала по мере того, как окрепла техническая база земледелия и возросло количество мощных гусеничных тракторов. Посев поздних культур, требующих более высоких температур, как кукуруза, гречиха и конопля, должен проводиться без чрезмерной торопливости, с учетом особенностей этих культур.

Сев в этом году должен быть проведен лучше чем в прошлые годы. Культивация и боронование, запрещение посева в плохо разработанную почву — вот обязательные условия повышения урожайности.

Весной должна быть заложена прочная основа для получения высокого урожая при любых условиях погоды. А средства для этого — отличная обработка полей, высокое качество семян, тщательное удобрение почвы.

В этом году установлен государственный план внесения навоза и дру-

гих местных удобрений. В деревнях уже развернулся интенсивный сбор извести, торфа, золы. Колхозники проявляют большую инициативу в снабжении полей необходимыми удобрениями. Правительство усиливает завоз минеральных удобрений.

К концу 1936 года в стране будет уже около 5 тысяч машинно-тракторных станций. Одних только гусеничных тракторов сельское хозяйство получает в 1936 году 23 тысячи; тракторов «СТЗ» и «ХТЗ» — 43,8 тысячи; тракторов-пропашников «Универсал» — 17,2 тысячи. МТС получают 51 980 новых комбайнов, в том числе к уборочной кампании — 28 585. Резко увеличивается поступление тракторных плугов, культиваторов, тракторных, хлопковых и свекловичных сеялок, широкозахватных льнотеребилков, свекло-подъемников, сложных молотилок. Нет ни одной отрасли сельского хозяйства, в которой не повышалась бы в 1936 году механизация полевых работ.

В этих условиях подготовка массовых кадров, проверка деятельности различного рода курсов и школ приобретают совершенно исключительное значение. Только в опытных, умелых руках машина даст необходимый эффект; поэтому важнейшей составной частью подготовки к севу должна явиться широкая подготовка колхозных и совхозных кадров, умеющих управлять новейшей техникой.

Тысячи стахановцев сельского хозяйства за успешную работу в 1935 году получили высшую награду Советского союза. Ордена эти получены по заслугам. Высокая награда свидетельствует о том, что колхозы и совхозы выдвинули и воспитали подлинных героев общественного труда. Эти люди сейчас становятся во главе соревнования за высокий урожай в 1936 году. Нужно помочь им в их трудной работе и добиться того, чтобы за каждым таким героем-стахановцем шли новые и новые герои колхозного труда.

Успехи 1935 года прямо и непосредственно связаны с осуществлением сталинского устава. Только там колхозы идут в гору и колхозники становятся зажиточными, где в основу всей их деятельности положен сталинский колхозный устав.

Между тем недавнее совещание передовиков-животноводов показало, что во многих районах республик, краев и областей, например на Украине, в Узбекистане, Азово-Черноморском крае, Восточной Сибири, не ведется по-настоящему борьба за осуществление сталинского устава, за правильное сочетание личного и общественного интереса колхозников.

Все силы, все внимание дальнейшему подъему колхозов и совхозов, победному осуществлению сталинских заданий — вот что требуется от партийных организаций. Активность колхозных масс надо направить на решение практических задач повышения урожайности, увеличения продуктивности животноводства. Не общие резолюции, а проверка качества семян, проверка качества обработки почвы, насаждение лесозащитных полос, подготовка трактора и коня к севу, широкое соревнование в борьбе с потерями, борьба с простоями машин, поощрение опыта передовиков!

Конкретность руководства, великолепное знание техники сельскохозяйственного производства и ее использование решают успех борьбы за урожай.

ИТОГИ ПРОВЕРКИ ПАРТИЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ В КП(б)У И ЗАДАЧИ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ*

П. П. Постышев

Товарищи! Наш Пленум обсудил и разработал ряд важнейших практических мероприятий для осуществления тех новых больших задач строительства социализма, которые поставил перед партией и всей нашей страной Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин.

Наша страна вступила сейчас в полосу быстрого подъема и мощного разбега всех своих производительных сил, всех отраслей народного хозяйства. Борьба за 7—8 миллиардов пудов хлеба, борьба за 14,5 миллионов тонн чугуна в 1936 году, за 135 миллионов тонн угля; за 200 миллионов пудов сахара, борьба за дальнейший крутой подъем на всех участках строительства социализма — вот в чем сейчас наша коренная задача.

Можно ли отделить от этих огромных хозяйственно-политических задач, которые стоят сейчас перед нашей страной, проверку партийных документов, проведенную по замыслу и инициативе товарища Сталина?

Нет, никак нельзя отделить, ибо в свете этих новых задач социалистического строительства становятся все более сложными требования, которые предъявляются к нашей партии, становится все более ответственной ее роль в строительстве социализма. Ответственность нашей партии в целом и каждого отдельного члена партии возрастает еще и потому, что все эти огромные, сложные задачи СССР решает в условиях капиталистического окружения, в условиях, когда и внутри нашей страны классовая борьба еще отнюдь не затухает.

Вот почему, новая обстановка, новые задачи требуют, прежде всего, укрепления наших партийных рядов, дальнейшего повышения боеспособности партии.

Важнейшим организационно-партийным мероприятием, направленным на дальнейшее укрепление партийных рядов, является проверка партийных документов, решение партии о наведении, как говорил товарищ Сталин, большевистского порядка в нашем собственном партийном доме. Для того, чтобы поднять партию на уровень новых задач и новых требований, для того, чтобы поднять еще выше ее боеспособность, для этого необходимо было, прежде всего, очистить партию от всех враждебных, жульнических, авантюристских элементов, примазавшихся к ней, проникших обманном путем в ее ряды.

I. Особенности классовой борьбы на Украине и проверка партийных документов в КП(б)У

Товарищи! Проверка партийных документов, будучи исключительно ответственным делом для всей нашей партии, имела и имеет особое значение для КП(б)У, налагала особую ответственность на большевиков Украины.

Почему? Да потому, что большевикам Украины надо было, проводя проверку партийных документов, все время учитывать и иметь в виду:

* Из доклада на пленуме ЦК КП(б)У 29/1 1936 года.

особенности классовой борьбы на Украине;
особенности развития КП(б)У;
прорыв, имевший место на Украине в 1931—1932 годах.

Вот почему проверка партийных документов налагала на большевиков Украины особую ответственность. Разрешите несколько подробнее остановиться на этих особенностях обстановки на Украине.

В чем особенности классовой борьбы на Украине? И мне и товарищу Косиору уже не раз приходилось говорить об этих особенностях. Напомню вам их.

Первая особенность состоит в том, что на Украине классовый враг ведет свою борьбу против социалистического строительства под националистическим знаменем, под лозунгом борьбы за «освобождение» Украины.

Вторая особенность — та, что украинский кулак прошел большую школу борьбы против Советской власти, ибо здесь, на Украине, гражданская война была особенно ожесточенной, ибо здесь политический бандитизм орудовал особенно долго.

Третья особенность состоит в том, что на Украине больше всего осело обломков разных контрреволюционных организаций и партий, тянувшихся особенно сюда, в силу близости Украины к западным границам.

Четвертая особенность — та, что Украина является объектом притязаний различных интервенционистских штабов и находится под их особо пристальным наблюдением.

Вот эти-то особенности классовой борьбы на Украине мы никак не могли игнорировать, проводя проверку партийных документов в КП(б)У. Мы ни в коем случае не могли и не должны были упускать из виду эти особенности классовой борьбы на Украине, организуя и проводя проверку партийных документов в КП(б)У, ибо они, эти особенности, пока еще окончательно не преодолены, не изжиты нами.

Помимо этих особенностей классовой борьбы на Украине нам, товарищи, все время следовало также иметь в виду своеобразие развития КП(б)У. Всем вам известно, что в КП(б)У борьба с троцкистами, с правыми, с национал-уклонистами, с оппортунизмом во всех его разновидностях была особенно острой. Это отнюдь не случайно.

Это объясняется с одной стороны теми особенностями классовой борьбы на Украине, о которых я вам только что говорил. Это с другой стороны объясняется тем, что в КП(б)У в свое время влилось немало представителей разных мелкобуржуазных партий.

Вы знаете, что КП(б)У пришлось в период гражданской войны выдерживать очень напряженную борьбу со многими буржуазными и мелкобуржуазными, в частности националистическими партиями. Когда гражданская война подошла к концу и Советская власть на Украине окончательно победила, тогда многие боротьбисты, укаписты, бундовцы и члены ряда других мелкобуржуазных партий пришли в наши ряды.

Третий съезд КП(б)У характеризовал этот процесс притока в КП(б)У многих членов мелкобуржуазных партий следующим образом:

«Победоносное развитие пролетарской революции на Украинеывало у мелкой буржуазии всякую надежду на осуществление ее программы, доказало несостоятельность мелкобуржуазных политических партий и ходом событий вынудило эти партии либо стать на платформу Советской власти, либо стремиться к слиянию с нашей партией (украинские эсеры-боротьбисты, левый бунд и друг.)».

Мы не можем сказать, что все эти боротьбисты, укаписты, бундовцы, вошедшие в нашу партию, так сказать, ассимилировались в ней, стали

большевиками. Сплошь обо всех мы этого никак сказать не можем. Вы знаете, что история пролетарской революции и строительства социализма на Украине говорят о другом.

Конечно, товарищи, немало людей из боротьбистов, укапистов переварились в большевистском котле и стали большевиками. Этого отрицать никак нельзя. У нас немало таких людей, бывших боротьбистов, укапистов, бундовцев, которые, повторяю, переварились в большевистском котле и стали хорошими большевиками.

Но с другой стороны вы также знаете, что целый ряд бывших боротьбистов, укапистов и представителей других мелкобуржуазных партий, влившихся в наши ряды, особенно из числа руководителей этих партий, не только не переварились в нашем большевистском котле, не только не стали большевиками, но они пришли в КП(б)У, целиком и полностью сохранив свои позиции, и вели все время двурушническую, подрывную, контрреволюционную работу против партии, против Советской власти. Этого мы также ни в коем случае не можем и не должны забывать, особенно в связи с проверкой партийных документов в КП(б)У.

Я хочу показать вам на примере боротьбистов и укапистов — этих двух националистических партий, влившихся в КП(б)У, что многие руководители этих партий, основная часть их руководства, придя в КП(б)У, оставались на своих позициях и вели двурушническую работу внутри КП(б)У против партии, против Советской власти.

Нельзя обойти молчанием эти факты. Нам нужно знать эту антисоветскую деятельность многих руководителей националистических и иных мелкобуржуазных партий, влившихся в КП(б)У. Это необходимо нам для того, чтобы еще лучше уяснить себе то особо важное значение, которое имело решение ЦК ВКП(б) о проверке партийных документов для нас, большевиков Украины. Знание этих фактов даст нам сейчас возможность еще лучше мобилизовать КП(б)У и еще лучше вооружить ее на разрешение тех сложнейших социалистических задач, которые стоят сейчас перед нашей страной.

Вы, товарищи, хорошо знаете, что боротьбисты, — я останавливаюсь на них потому, что эта партия была одной из наиболее влиятельных националистических партий на Украине, — влились в нашу партию в 1920 году.

Нет сомнения в том, что при той политической обстановке, которая сложилась на Украине в 1920 году, вхождение боротьбистов в КП(б)У имело положительное значение. Это бесспорно. Вы, товарищи, знаете, что боротьбисты питались соками села. Вступление боротьбистов в КП(б)У облегчило нам задачу укрепления связи с селом, задачу усиления пролетарского большевистского влияния на украинское село. Эту положительную сторону вступления боротьбистов в КП(б)У мы умалять и смазывать не должны.

Я считаю необходимым еще раз повторить, что немало боротьбистов переварилось в большевистском котле, стало большевиками. Было бы неправильным и исключительно вредным для нашей партии, это было бы только на пользу врагам нашей партии, если бы кто-либо из коммунистов попытался вешать ярлыки двурушников на каждого члена нашей партии — бывшего боротьбиста или укаписта, только на том основании, что он бывший боротьбист или укапист.

Но наряду с этими людьми, честно ставшими на большевистские позиции, в наши ряды вступило немало членов этой партии, особенно из числа ее руководителей, которые шли в КП(б)У, не меняя своих боротьбистских позиций, и вели все время внутри нашей партии двурушническую тактику борьбы против партии, против Советской власти. Именно в этом разрезе и об этой группе боротьбистов я и буду дальше говорить.

Товарищ Ленин на IX съезде партии по вопросу о вхождении боротьбистов в КП(б)У говорил:

«Когда мы говорили в ЦК о максимальных уступках боротьбистам, над этим смеялись, говорили, что мы не идем прямо; но прямо можно сражаться тогда, когда у неприятелей есть прямая линия. Раз неприятель двигается зигзагами, а не по прямой линии, то мы должны следовать за ним и ловить его на всех зигзагах. Мы обещали боротьбистам максимум уступок, но с тем, что они будут вести коммунистическую политику».

Вы видите, как ставил вопрос товарищ Ленин. Мы шли на уступки боротьбистам в вопросе об условиях вступления их в нашу партию, лишь во имя и для того, чтобы они проводили коммунистическую политику. Мы видели их зигзаги, и Ленин требовал от нас следить за этими их зигзагами, т. е. призывал нас к бдительности в отношении боротьбистов.

Руководители центра подпольной контрреволюционной боротьбистской организации дают сейчас в своих показаниях ясный и исчерпывающий ответ на вопрос о том, с чем же пришла в КП(б)У основная часть руководителей боротьбистской партии.

Вот, что рассказывает, например, Полоз — бывший Наркомфин Украины — один из руководителей недавно раскрытого контрреволюционного подпольного боротьбистского центра на Украине:

«Наша организация внутри партии определялась 'крылатым' выражением, распространявшимся на боротьбистском с'езде и пользовавшимся там большой популярностью — «вольемся, разольемся и зальем большевиков».

Вы видите их тактику: влиться в КП(б)У для того, чтобы залить большевиков. Еще более отчетливо об этой тактике и мотивах вступления в КП(б)У рассказывает другой руководитель подпольного боротьбистского центра, Семко, также занимавший ряд ответственных советских постов на Украине:

«Когда Исполкомом Коминтерна был отвергнут меморандум ЦК боротьбистов о признании боротьбистов самостоятельной секцией Коминтерна и правящей партией на Украине, перед партией боротьбистов встала дилемма — роспуск партии или слияние с КП(б)У. Именно в этот период основная масса боротьбистов и их ЦК приняли решение идти в КП(б)У, но идти, сохраняя свои кадры, сохраняя платформу, с тем, чтобы работой изнутри добиться того, что невозможно было сделать открыто — т. е. захватить власть на Украине в свои руки, сделать партию боротьбистов правящей партией на Украине, вырвать Украину из рук большевиков».

Вот с чем пришли в нашу партию, в ряды КП(б)У многие руководители, вернее даже основная часть руководителей партии боротьбистов.

Факты из истории КП(б)У и классовой борьбы на Украине после гражданской войны целиком подтверждают, что многие руководители боротьбистов, основная их часть, вливаясь в КП(б)У, не разоружились и действительно шли в нашу партию взрывать ее изнутри.

Возьмем шумскизм, открытое выступление которого имело, как вам известно, место в 1926 году. Это был период, когда многие враги наши все еще рассчитывали на то, что НЭП переродит пролетарскую диктатуру и мирным путем произойдет реставрация капитализма. Это был, кроме того, период острой борьбы партии против троцкизма.

Чем было выступление Шумского и шумскистов в 1926 году? Это было, по сути говоря, открытой попыткой боротьбистов, влившихся в КП(б)У: оправдать и предста-

вить в революционном свете свое боротьбистское прошлое, легализовать в КП(б)У свои боротьбистские позиции; значительно усилить свое боротьбистское влияние в руководящих органах КП(б)У.

Я не стану приводить вам документы из этого периода истории КП(б)У. Все вы и без того достаточно хорошо знаете, что именно в этом и ни в чем другом был смысл выступления Шумского и шумкистов — этой первой открытой вылазки группы бывших руководителей партии боротьбистов, влившихся в ряды КП(б)У.

КП(б)У, под руководством тов. Кагановича, с помощью ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина, разгромила шумскизм, разбила его на голову.

Каково же было поведение и тактика этой основной двурушнической части бывших руководителей партии боротьбистов после разгрома шумскизма? Тут, прежде всего, нужно учесть, что обстановка к этому времени уже крепко изменилась. Надежды наших врагов на мирное перерождение Советской власти потерпели полный крах. Партия приступила к осуществлению индустриализации страны.

После разгрома шумскизма намечаются три линии в тактике и работе этой группы боротьбистов, а именно:

а) обволакивание Скрыпника, окружение его своими людьми и обеспечение тем самым себя легальной базой для антисоветской работы;

б) организация именно в этот период подпольной боротьбистской организации и создание тем самым организационной базы для своей нелегальной работы;

в) внедрение своего влияния в таких украинских националистических организациях как «СВУ» (Союз освобождения Украины), «УНЦ» (Украинский национальный центр) и другие.

Это, товарищи, становится совершенно очевидным в свете новых документов и материалов, связанных с раскрытием УВО и боротьбистской контрреволюционной подпольной организации. Сейчас особенно отчетливо видны эти три основные линии тактики, применявшейся этой группой бывших руководителей партии боротьбистов, после разгрома шумскизма.

Посмотрим первую линию их тактики и работы, а именно, линию на обволакивание Скрыпника. В этот период около Скрыпника начинают группироваться такие люди, как Озерский, Приходько, Полоцкий и ряд других боротьбистов, которые играли в его националистическом окружении весьма серьезную роль. Это вполне понятно, товарищи. Им нужна была крупная украинская политическая фигура, которая могла бы быть и прикрытием для них и рычагом в их руках. И именно Скрыпник подходил для этого, ибо он, еще на XII съезде партии, перекликался с боротьбистами, утверждая, что до XII съезда партия вела неправильную национальную политику на Украине, тем самым обвиняя всю КП(б)У, также как и Шумский, Васильков и Турянский, в игнорировании и забвении ею национального вопроса в тот период.

Группируясь вокруг Скрыпника и используя тем самым легальные возможности для своей контрреволюционной работы, эти бывшие боротьбисты вместе с тем становятся после разгрома шумскизма, как я уже говорил, на путь создания подпольной организации.

Вот что рассказывает по этому поводу Микола Любченко:

«Разгромом шумкистской оппозиции были уничтожены надежды на возможность внутрипартийного кабинетного переворота. Организация решила выйти за рамки внутрипартийной борьбы. Потерпев пора-

жение в шумскистской оппозиции, боротьбисты ушли в подполье, учтя опыт первого неудачного этапа борьбы».

А вот что рассказывает другой бывший боротьбист — Лукашенко, который был нами разоблачен в самое последнее время в связи с проверкой партийных документов:

«Примерно в 1926 году в Киеве стала оформляться подпольная контрреволюционная группа, в состав которой входили Николенко, Черняк, Семко, Левицкий и я. Группа стояла на платформе шумскизма».

Именно в этот период, т. е. после неудачной попытки Шумского и шумскистов легализовать свои боротьбистские установки в КП(б)У и продвинуть своих людей на руководящие партийные посты, именно в этот период создается контрреволюционная подпольная организация, в руководство которой входили такие видные боротьбисты как Шумский, Полоз, Максимович, Солодуб, Приходько, Яловой, Озерский, Полоцкий, Семко, Кулиш и другие.

Став на путь обволакивания и использования в своих контрреволюционных целях Скрыпника, создав свою подпольную боротьбистскую организацию, эта группа боротьбистов-двурушников одновременно с этим вступает в теснейший контакт с националистами типа Грушевского, стремясь, как я уже говорил, внедрить свое влияние в такие националистические контрреволюционные организации как СВУ и УНЦ.

Это понятно, товарищи. Раз эта группа бывших руководителей партии боротьбистов — членов КП(б)У стала на путь создания подпольной организации, она неизбежно должна была стыкаться и смыкаться с другими националистическими организациями подполья. Они неизбежно должны были к этому прийти.

Вот что рассказывает по этому поводу боротьбист Кийко-Шелест:

«Боротьбисты поддерживали через Полоза, Шумского и других нелегальные связи с Грушевским, объединявшим «национальные» силы. Боротьбисты были центром притяжения националистических сил. Удельный вес боротьбистов в украинских контрреволюционных кругах был высок, так как боротьбисты обладали сильными легальными позициями в советском аппарате».

Вот, примерно, в основных чертах направление тактики и деятельности боротьбистов после разгрома шумскизма. Вы видите, что после разгрома шумскизма эти боротьбисты-двурушники стали на путь активной нелегальной антисоветской деятельности.

Посмотримте теперь деятельность этой части неразоружившихся руководителей партии боротьбистов, двурушничавших в рядах КП(б)У в период 1930, 1931, 1932 годов.

Что представлял собой этот период с точки зрения основных узлов классовой борьбы в нашей стране? Это был период, когда партия решала самую сложную задачу социалистического строительства — задачу переделки мелкого крестьянского хозяйства на социалистический лад. Решалась задача сплошной коллективизации бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств и ликвидации на этой базе кулачества как класса.

Враг отдавал себе отчет в том, что если большевики справятся с этой задачей, тогда: ликвидируется последний серьезный капиталистический класс в нашей стране — кулачество; сужается база для вражеской, интервенционистской, шпионской работы; терпят крах надежды на восстановление капитализма в России; наносится сокрушительный удар чаяниям на отрыв Украины от Советского Союза. Вот, почему была так остра борьба в

тот период, вот, почему в тот период особенно, враг старался проникнуть в ряды партии, чтобы взрывать ее изнутри.

В этот период боротьбисты активизируют деятельность своей подпольной контрреволюционной организации, готовясь к широкому повстанческому движению, к вооруженному восстанию против Советской власти.

Вот, что рассказывает по этому поводу тот же Семко:

«Обострение классовой борьбы на селе давало надежды нашей организации на возможность массового повстанческого движения, опираясь на которое организация могла бы осуществить свои планы».

А вот, что рассказывает Яловой:

«Начиная с лета 1932 года, в связи с подготовкой организации к общему вооруженному восстанию, практическая деятельность боротьбистского ядра сосредоточилась на организации боротьбистских повстанческих сил».

Вот в чем, товарищи, выражалась в этот период деятельность этой неразоружившейся части бывших руководителей партии боротьбистов, вступивших в ряды КП(б)У.

Именно в этот период, в период подготовки широкого повстанческого движения начинается тесное смыкание боротьбистской подпольной организации с УВО (Украинская военная организация), которая, как вам известно, ставила перед собой, в качестве основной задачи, организацию вооруженного восстания против Советской власти на Украине, как одного из звеньев общего плана интервенции против Советского Союза.

Вот, что рассказывает член УВО Демчук:

«УВО не могла бы так широко развернуть своей организационной и политической работы на Советской Украине, если бы она здесь не нашла соответствующих условий, т. е. всемерной поддержки со стороны других контрреволюционных националистических организаций и групп. Все эти группы, т. е. бывшие боротьбисты, бывш. члены У КП, УСД, УСР и УВО составляли единый националистический блок».

Все эти группы, т. е. бывшие боротьбисты, бывшие члены У КП, УСД, УСР и УВО составляли единый националистический блок против Советской власти. В этот националистический блок входила чрезвычайно разветвленная боротьбистская организация во главе с такими лицами как Полоз, Солодуб, Слипанский, Яловой, Брона, Николенко и ряд других.

Я, товарищи, хочу обратить ваше внимание еще на следующее. Кроме подготовки повстанческого движения боротьбисты занимались в этот период еще очень серьезной вредительской работой, как в культурных, так и в хозяйственных наших органах. Они в частности развернули очень большую вредительскую работу в Наркомземе и во всей системе земельных органов. Когда анализируешь сейчас материалы об этой вредительской работе, то приходишь к выводу, что в период 1930—1932 года в Наркомземе было вредительских элементов, пожалуй, не меньше, чем в Наркомпросе. Это, товарищи, период, в течение которого сменилось не менее чем четыре наркома земледелия Украины. В этот период, в Наркомате земледелия Украины орудовали ряд вредительских организаций, в которых было очень значительно влияние боротьбистов и в частности Слипанского.

Вот, что рассказывает увист Демчук:

«Используя доверие со стороны руководства Наркомзема, группа во главе со Слипанским, сделалась монопольной и бесконтрольной на теоретическом фронте сельского хозяйства, а спустя некоторое время эта группа переходит и к захвату постов в аппарате Наркомзема».

Немудрено поэтому, что именно в Наркомземе могли длительное время безнаказанно орудовать такие вредительские организации, как организация во главе с Резниковым, Димантом и другие.

Вы видите, что в период 1930, 1931, 1932 гг. деятельность этих боротьбистов шла по линии: консолидации боротьбистских кадров в своей подпольной организации; вредительской деятельности в культурных и хозяйственных организациях, в частности в Наркомземе; подготовки к вооруженному восстанию против Советской власти на Украине, в блоке с УВО и другими националистическими организациями.

После разгрома УВО боротьбистская контрреволюционная организация переходит к широкой подготовке террористических актов против руководителей Советской власти на Украине. Если после разгрома шумскизма они перешли в подполье, если в период наиболее острой классовой борьбы, когда партия решала задачу сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, они готовили повстанческий фронт и крепко сомкнулись с увистами, то после разгрома УВО эта часть боротьбистов становится на путь широкой подготовки террористических актов против руководителей партии и советского правительства.

В 1934—1935 гг. была раскрыта в Киеве — Харькове контрреволюционная, террористическая боротьбистская организация. Кто входил в руководство этой организации? В руководство этой организации входили: Семко, Полоцкий, Любченко Микола, Кудря, Ковалев, Кулиш, Эпик.

Таков, товарищи, путь этой неразужившейся части руководителей партии боротьбистов, путь двурушничества и предательства, пройденный этой группой боротьбистов от момента их вступления в КП(б)У и до скамьи подсудимых.

В 1920 году тов. Ленин в своих замечаниях к проекту постановления исполкома Коминтерна о боротьбистах писал:

«Усиленно настаиваю на том, чтобы боротьбистов обвинять не в национализме, а в контрреволюционности и мелкобуржуазности и нельзя не добавить обвинения, что они своих учителей-спильников-украинцев не третируют (не ведут с ними беспощадной борьбы), как мы с нашим мелкобуржуазным ВУС'ом (Всероссийский учительский союз)».

Так оценивал Ленин позиции партии боротьбистов. Вы видите, что эта неразужившаяся часть руководства партии боротьбистов от момента своего вступления в КП(б)У в 1920 году и до самого последнего времени продолжала оставаться на своих контрреволюционных, боротьбистских позициях, двурушничая в рядах нашей партии, используя свое пребывание в КП(б)У для борьбы против партии, против Советской власти.

Почему я так подробно остановился на этой националистической партии, на боротьбистах? Да потому, что остальные мелкобуржуазные и особенно националистические партии, влившиеся в ряды КП(б)У, проделали в основном ту же эволюцию. И вот для большей полноты картины я коротенько остановлюсь на укапистах. Многие из руководящего ядра укапистов, влившиеся в КП(б)У, повторяю, проделали ту же эволюцию, что и неразужившаяся часть бывших руководителей партии боротьбистов.

Известно, что УКП, состоявшая из правых боротьбистов и незалежников, влилась в КП(б)У в 1924 году. С чем вступало основное руководящее ядро укапистов в КП(б)У? Об этом ясно говорит бывший секретарь Киевского губкома УКП, бывший до последнего времени членом нашей партии, Кияныця:

«Будучи секретарем Киевского губкома УКП, я вместе с руководящим ядром бывших укапистов Речицким, Авдеенко, Драгомирецьким, Шусем и др. вступил в КП(б)У с целью подрывной националистической работы. С первых же дней организационного оформления ликвидации УКП нами была выработана соответствующая тактика продолжения своей укапистской деятельности в новых условиях. Эта новая тактика заключалась в том, что деятельность УКП против диктатуры пролетариата и КП(б)У должна быть перенесена в глубокое подполье внутри КП(б)У».

Вы видите, что эти укаписты вступали в КП(б)У по тем же соображениям и с теми же целями, что и приведенные мною выше боротьбисты.

Так же как и приведенная мною выше группа боротьбистов, укаписты в 1930—1932 году блокируются теснейшим образом с увистами, входят в руководящие органы УВО и в едином блоке националистических сил готовят вооруженное восстание против Советской власти на Украине.

Известно, что в состав руководства УВО от укапистов входили Авдеенко, Речицкий и Кияныця.

Вот, что рассказывает тот же Кияныця:

«Вместе с членами Украинской военной организации Бараном и Левицким я принимал участие в собраниях членов контрреволюционного подполья. Эти собрания были посвящены вопросам выдвижения украинских националистических кадров на руководящие посты в партийном и советском аппарате и вопросам организации вооруженных выступлений».

Вот вам та же самая дорога и в те же самые места. Вы видите, что эти укаписты — члены КП(б)У, также как и приведенная мною выше группа двурушников-боротьбистов — членов КП(б)У, блокировались с УВО и готовили вооруженное восстание против Советской власти на Украине. Вы видите, что эти укаписты — члены КП(б)У прошли с момента их вступления в наши ряды, в основном тот же путь, что и основная часть руководителей боротьбистской партии, влившихся в ряды КП(б)У. Конечным пунктом этого пути руководящего ядра укапистов, влившихся в наши ряды и вставших на путь двурушничества и борьбы против партии, является та же скамья подсудимых, на которую укаписты сели, как участники контрреволюционных организаций.

Я попытался в самых общих и кратких чертах набросать перед вами путь двурушничества и предательства, пройденный многими руководителями партий боротьбистов и укапистов, влившихся после гражданской войны в КП(б)У, от момента их прихода в наши ряды и до последних дней своего пребывания в КП(б)У.

Товарищи! Этот кусок истории КП(б)У и Украины мы все должны хорошо знать и помнить. Мы должны добиться того, чтобы каждый член нашей партии, каждый комсомолец знал и понимал эти страницы борьбы большевиков Украины против мелкобуржуазных националистических партий. Это будет залогом еще большего повышения революционной бдительности в наших рядах.

Ясно, товарищи, что этот кусок истории Украины, это своеобразие развития КП(б)У мы никак не могли

упускать из виду, проводя проверку партийных документов в КП(б)У. Если бы мы всего этого не учитывали, мы бы проверку партийных документов по-настоящему, так, как требовал от нас ЦК ВКП(б), не провели бы. Если бы мы это своеобразие развития КП(б)У не учитывали с самого начала проверки партийных документов, той особой остроты и бдительности у членов партии и особенно у руководящих работников Украины, которая требовалась при проверке, — этой особой остроты и бдительности мы не добились бы. Это своеобразие развития КП(б)У мы ни в коем случае не можем и не должны забывать и сейчас, и впредь, подымая революционную бдительность в наших рядах.

Проводя проверку партийных документов, мы, большевики Украины, ни в коем случае не могли также упустить из виду известную вам обстановку в 1931—1932 гг. Прорыв, который был в эти годы на Украине, был прорывом не только в сельском хозяйстве, не только в осуществлении национальной политики партии, а это был также прорыв в смысле особого засорения рядов КП(б)У в эти годы.

1931—1932 годы были годами особого засорения рядов КП(б)У анти-советскими, националистическими, шпионскими, диверсантами, враждебными элементами.

На протяжении 1933 и 1934 годов мы разгромили на Украине скрыпниковщину, увистов, организации боротьбистов, троцкистов, блок националистов с троцкистами, организации польских и немецких националистов. Все эти враги сидели на целом ряде руководящих участков социалистического строительства, пакостя и вредя как в практической работе, так и теоретической. Сельское хозяйство, отдельные предприятия промышленности, школьный участок, издательства, УАН, УАМЛИН, литературные организации — на всех этих и на ряде других участков практической и теоретической работы сидели враги.

Я не стану напоминать вам политические и тактические установки всех этих организаций. Об этих установках мы не мало, не раз говорили и в основном они вам известны. Я хотел только вкратце остановиться на деятельности обломков разгромленного троцкизма на Украине.

Троцкисты в своей контрреволюционной борьбе против партии и Советской власти также имеют здесь на Украине свою специфику. В чем заключается эта специфика? Эта особенность деятельности троцкистов на Украине заключается в том, что троцкисты вели и ведут здесь свою контрреволюционную работу, в блоке с различными националистическими и иными контрреволюционными организациями.

Троцкисты меняли тактику в соответствии с обстановкой на Украине. Когда на Украине главной опасностью был великодержавный шовинизм, они блокировались с великодержавниками. Помните период, когда Зиновьев обвинял партию в политике петлюристизации на Украине. Вы помните его выступление на заседании президиума ЦКК ВКП(б) в 1927 году, где он говорил:

«На Украине проводится такая украинизация, которая явно противоречит нашей национальной политике, бьет по нашей линии в этом вопросе, помогает петлюровщине, а подлинному шовинизму отпора нет».

Вы помните также великодержавные выступления известных на Украине троцкистов Колесникова, Дашковского и других. Ведь Дашковский еще в 1920 году на IV конференции КП(б)У назвал образование украинской республики «игрой» в украинское правительство и говорил, что «99 проц.

украинского крестьянства абсолютно не интересуется вопросом о самостоятельном украинском Совнаркоме».

А когда главной опасностью на Украине стал украинский национализм, троцкисты блокируются с националистами на Украине. Я вам зачитаю показания по этому поводу только двух троцкистов. Это Рапопорт-Дарьин и Наумов.

Вот что говорит Рапопорт-Дарьин о блоке троцкистов с украинскими националистами:

«В своей практической работе за 1933—1934 г. троцкистская организация блокировалась с украинскими национал-уклонистскими элементами. В конце осени 1931 года Коцюбинский сказал мне, что нужно во всей пропагандистской работе учитывать особенности Украины. На Украине, говорил он, мы не только не можем обойти национальный вопрос, но мы должны выработать для себя определенное отношение к этому вопросу. Проводимый партией нажим на национал-уклонистов должен повернуть их лицом к троцкистам. Мы должны всячески способствовать этому и создавать атмосферу доверия к нам».

А вот что говорит Наумов, который тоже входил в состав руководства троцкистов на Украине:

«... Осенью 1931 г. в беседах со мной Ю. М. Коцюбинский указал на необходимость в практической работе группы блокироваться с украинскими национал-уклонистами. Коцюбинский указал, что национал-уклонистские элементы возглавляются Скрыпником, что при всех лично неприязненных отношениях его, Коцюбинского, к Скрыпнику и политически отрицательном отношении троцкистов к теоретическим и политическим установкам Скрыпника, подменяющего интересы и задачи пролетарской революции и социализма задачами и интересами национальными, все же тактически целесообразно и необходимо блокироваться с национал-уклонистскими элементами в КП(б)У».

Вы видите, что все эти увисты, укаписты, боротьбисты, троцкисты, правые — это был, при всех их расхождениях между собой, единый блок, единый фронт против партии большевиков и Советской власти.

Я уже указывал, что при проверке партдокументов мы не могли не учитывать близость Украины к западной границе. И эту особенность мы должны были учитывать.

Таковы те различные контрреволюционные, националистические организации, которые особенно активно орудовали в период 1931—1932 годов на Украине и которые мы погромили на протяжении 1933 — 1934 — 1935 годов. Могли ли мы все это игнорировать при проверке партдокументов? Нет, не могли и не должны были, не этому учил нас ЦК ВКП(б). В своем первом письме о проверке партийных документов от 13-го мая 1935 года ЦК ВКП(б) писал:

«Для того, чтобы облегчить разоблачение и ликвидацию озлобившихся до крайних пределов, в связи с нашими успехами, врагов партии, надо в кратчайший срок преодолеть эту организационную распущенность, полностью выкорчевать проявление всякого ротозейства и благодушия среди коммунистов и навести большевистский порядок в нашем собственном партийном доме».

Ясно, товарищи, что, проводя проверку партийных документов, мы — большевики Украины — должны были все время иметь перед своим взором и ни на минуту не забывать эти особенности классовой борьбы на Украине, это своеобразие развития КП(б)У.

Опыт и результаты проверки показали, что если мы эту работу провели неплохо, то именно потому, что мы все эти особенности Украины и КП(б)У очень тщательно все время учитывали.

* * *

Далее тов. Постышев переходит к итогам проверки партдокументов, анализирует ход проверки в КП(б)У, приводит данные о ее результатах по отдельным партийным организациям и участкам социалистического строительства.

Проверка партийных документов, говорит тов. Постышев, показала, к каким серьезнейшим политическим последствиям приводит забвение партийными организациями учения Ленина — Сталина об организационных принципах большевизма, воплощенных в уставе нашей большевистской партии. Проверка партийных документов вскрыла во многих организациях абсолютно недопустимое для большевиков, пренебрежительное отношение к соблюдению устава — этого основного закона внутренней жизни нашей партии.

Проверка партдокументов, говорит тов. Постышев, была проведена по КП(б)У неплохо. Она дала нам возможность очистить партийные организации Украины от враждебных и чуждых элементов и подняла еще выше боеспособность КП(б)У.

Мы должны заострить сейчас внимание всех партийных организаций Украины на задаче закрепления результатов проверки путем тщательной подготовки и организации обмена партдокументов и развертывания внутрипартийной работы.

II. Задачи партийной работы

В последней части своего доклада я хочу, товарищи, коснуться основных задач партийной работы, в свете итогов и результатов проверки партийных документов. Проверка партийных документов выявила очень много отрицательных явлений в этой важнейшей части нашей работы и поставила перед нами вопросы партийной работы в новом свете, по-новому.

Задача дальнейшего развертывания и повышения качества внутрипартийной работы стоит сейчас перед нами во весь рост. Завершая проверку партдокументов, тщательно подготовляя и проводя обмен партийных документов, как продолжение проверки, сохраняя и улучшая тот порядок в партийном хозяйстве, которого мы добились в результате проверки, мы должны систематически улучшать все стороны внутрипартийной и массово-политической работы наших партийных организаций.

Что должно сейчас быть стержнем во всей внутрипартийной работе наших партийных организаций? Я думаю, что ответ на этот вопрос долго искать не придется. Ответ на этот вопрос вытекает из того, что мы имеем сейчас в нашей стране могучее, массовое, поистине народное движение стахановцев, бусыгинцев, виноградовцев, демченковцев. Именно это движение, именно эти люди должны быть сейчас в центре внимания наших партийных организаций, в центре партийной работы. Именно здесь стержень всей работы наших партийных организаций, всей нашей партийной работы.

Почему? Во-первых, потому, что стахановцы, бусыгинцы, виноградовцы, демченковцы — это те люди, которые, в борьбе за решение стоящих перед нашей страной задач, идут в первых шеренгах борцов, двигая стремительными темпами вперед развитие нашей промышленности и сельского хозяйства.

Во-вторых, потому, что стахановцы, бусыгинцы, кривоносовцы являются приводным ремнем от партии к широчайшим массам рабочих и колхозников, которых эти передовики возглавляют и ведут на борьбу за разрешение задач, стоящих сейчас перед нашей страной социализма. В-третьих, потому, что стахановцы, бусыгинцы, сметанинцы, демченковцы уже сегодня показывают нам прообраз того социалистического гражданина, каким завтра будут все наши рабочие, все наши колхозники.

Вот почему мы должны перезарядить внимание каждого члена нашей партии, каждого комсомольца, всего нашего партийного аппарата снизу доверху на эту лучшую передовую когорту строителей социализма, на этих лучших рабочих и колхозников. Вот почему стержнем, определяющим всю работу наших партийных организаций, должно сейчас быть стахановское движение.

Попробуем, однако, товарищи, хотя бы коротенько расшифровать, что это значит — сделать стахановское движение стержнем всей внутривнутрипартийной работы. Давайте посмотрим на эту задачу с точки зрения отдельных участков и сторон работы наших партийных организаций.

Возьмем, прежде всего, вопрос об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в стахановском движении. В уставе нашей партии, принятом на XVII съезде, черным по белому сказано:

«Как член правящей партии в Советском государстве», член партии должен «быть образцом соблюдения трудовой и государственной дисциплины, овладевать техникой своего дела, непрерывно повышая свою производственную, деловую квалификацию».

Отсюда совершенно очевидно, что мы должны требовать от каждого члена и кандидата партии, а также от каждого комсомольца авангардной роли в стахановском движении.

А как обстоит у нас дело в этом отношении? Вы думаете, больно хорошо? На деле, во многих местах коммунисты и комсомольцы не только не идут в авангарде, а наоборот — плетутся в хвосте стахановского движения. Вот вам, например, завод им. Либкнехта в Днепропетровске. Там из 472 членов партии только 108 коммунистов — стахановцы, из 765 комсомольцев только 105 комсомольцев — стахановцы. Где же тут говорить об авангардной роли коммунистов и комсомольцев при таких цифрах их участия в стахановском движении. Ясно, что такое положение никуда не годится.

Мы, понятно, не можем и не должны уже сегодня ставить вопрос в такой плоскости, что раз ты, мол, не стахановец, значит тебе не место в партии. Ведь стахановское движение, стахановские методы работы являются результатом не только социалистического порыва, но и определенного уровня овладения техникой. Поэтому было бы неверно ставить так вопрос, что раз ты уже сегодня не стахановец, то отдавай партбилет. Так вопрос не стоит.

Но мы должны провести соответствующую работу среди этих членов партии и комсомольцев. Мы должны им показать, что, не идя в ногу и во главе стахановского движения, они не оправдывают высокого звания члена партии Ленина — Сталина, члена ленинского комсомола. Мы должны обязать их поднять свой уровень овладения техникой, свою квалификацию на такую высоту, чтобы они могли не только включиться в стахановское движение, но и идти в первых его шеренгах.

Мы, кроме того, должны напомнить кой-кому из этих отстающих членов партии решение Декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) по докладу тов. Ежова об обмене партийных билетов, в котором сказано:

«Следует иметь в виду, что при обмене партийных билетов партийные организации могут и не выдавать партийный билет кой-кому из членов партии, хотя бы и прошедших проверку партийных документов, если эти члены партии не оправдывают высокого звания членов партии».

Такова, товарищи, первая задача партийной работы в связи со стахановским движением.

После обмена партийных билетов мы вновь откроем прием в партию. Декабрьский Пленум в резолюции по итогам проверки партийных документов записал:

«Партийные организации должны вовлекать в партию действительно передовых, преданных делу рабочего класса, достойных и лучших людей нашей страны. Эта задача тем более выполнима, что за последние три года, с момента прекращения приема в партию, вокруг ВКП(б) выросли новые кадры безаветно преданных нашей партии, проверенных на деле «непартийных большевиков» как среди рабочих, так и среди колхозников и трудовой интеллигенции».

А кто же эти лучшие люди в нашей стране, как не стахановцы, бусыгинцы, кривоносовцы, пятисотники. Кто, как не они, прежде всего, самые достойные люди нашего советского народа. Значит, эти люди, прежде всего, должны стать резервом пополнения рядов нашей партии.

Конечно, мы не можем и не должны принимать в партию только по одному признаку того, что желающий вступить в нашу партию — стахановец. Это опять привело бы к кампанийщине, приему в партию пачками и т. п. отрицательным явлениям, которые имели место до проверки партийных документов. А ведь Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) специально указал в своем решении, что никакие массовые, огульные приемы не могут быть допущены.

Нам нужно принимать в партию людей, во всех отношениях подготовленных к тому, чтобы носить высокое звание и выполнять высокие и почетные обязанности члена большевистской партии. Отсюда, прежде всего, вопрос о группах сочувствующих, о работе с сочувствующими.

Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) записал в своей резолюции о проверке партийных документов:

«Для того, чтобы из числа сочувствующих пришли в ВКП(б) лучшие, парторганизации должны вербовать сочувствующих в строго индивидуальном порядке, привлекать их в соответствии с требованиями устава партии к выполнению отдельных поручений, доводить до их сведения и разъяснять им важнейшие решения партии и правительства, поставить с сочувствующими серьезную политическую работу и выковывать у них навыки большевистской организованности и дисциплины».

Все ли благополучно в отношении работы с сочувствующими, в отношении подготовки проверенных резервов к приему в партию? Я думаю, вы и без всяких материалов согласитесь со мной, что дело тут обстоит из рук вон плохо. Достаточно вам, например, сказать, что за последние полтора года мы по всей Украине вовлекли в сочувствующие всего 23.000 человек и имеем сейчас 63.000 сочувствующих. Даже в Донбассе за второе

полугодие 1935 года вновь принято в группы сочувствующих 2.720 человек и за тот же период «выбыло неизвестно куда» 2.260 сочувствующих.

Но дело не только в общей цифре. Дело в том, что мы далеко не всегда вовлекаем в группы сочувствующих лучших людей. Дело в том, что, создав группы сочувствующих, мы очень часто о них забываем. Дело в том, что мы крайне мало работаем над повышением идейно-политического уровня сочувствующих.

Отсюда вытекает, что группы сочувствующих, их организация, подбор людей в них, работа с сочувствующими — это сейчас один из важнейших узлов партийной работы. Такова, товарищи, вторая актуальная задача партийной работы в свете стахановского движения.

Одной из серьезнейших положительных сторон проверки партийных документов является то, что наши партийные организации лучше стали знать своих людей. В результате проверки выдвинуто на ответственную работу и, в частности, на руководящую партийную работу значительное количество новых кадров. По данным 7 обкомов Украины, в результате проверки партдокументов, выдвинуто на ответственную работу 7.200 человек, из них 2.750 человек на партийную работу. Важно подчеркнуть, что подавляющее большинство выдвинутых — это люди, прошедшие хорошую производственную школу на заводах и в колхозах, в борьбе с врагами. Это тот материал, из которого можно выработать прекрасных организаторов и вожаков работы по-стахановски.

Это очень хорошо. Но с ними надо работать, работать неустанно, систематически. Выходит, что задача подбора и выдвижения руководящих кадров на различные участки советской, хозяйственной и партийной работы, задача систематической работы с ними — таков третий узел партийной работы на данном этапе.

Четвертая задача, на которой я хочу особо заострить ваше внимание, — это задача выдвижения украинских кадров.

Враги все время пытались и пытаются представить дело таким образом, что мы тут на Украине били не националистов, не контрреволюционеров, не шпионов и диверсантов, а якобы украинцев. На то они и враги, чтобы в таком свете изображать и представлять нашу борьбу за подъем Украины.

Мы всегда говорили, что только разгромив националистов, можно по-настоящему открыть дорогу подлинным украинским кадрам. Так оно и получилось. Мы имеем в этом деле за последние пару лет немалые успехи. Разрешите привести вам несколько цифр о выдвижении большевистских украинских кадров за последние годы.

На 1 января 1934 года украинцев — секретарей райкомов было 179 человек, на 1 января 1936 года секретарей райкомов и зам. секретарей райкомов — 431 человек. Заведующих и заместителей отделами обкомов — украинцев было в 1933 году 14 человек, сейчас — 32 человека. Пропагандистов — украинцев в 1933 году было 5.000 человек из общего количества в 13.500, сейчас пропагандистов — украинцев 9.500 из 19.000. Редакторов районных газет — украинцев в 1933 году было 213, сейчас — 319.

Научных работников и аспирантов УАМЛИН'а — украинцев было в 1933 г. — 42, теперь — 58. Слушателей ИКП — украинцев было в 1933 году — 79, теперь — 142. Научных работников и аспирантов УАН украинцев было в 1933 году — 317, теперь — 350. Научных работников и аспирантов — украинцев по линии Наркомздрава было 980, теперь — 1.270; 50 проц. всех научных работников и аспирантов в области педагогики — украинцы.

Членов союза архитекторов — украинцев было в 1933 году — 80 человек, сейчас — 260 человек. Членов союза советских композиторов — украинцев было в 1933 году — 29, сейчас — 37.

Зав. Облземотделов — украинцев в 1933 году был — 1, теперь — 4; зав. РайЗО — украинцев было в 1933 году — 264, сейчас — 291; директоров МТС — украинцев было в 1933 году — 348, сейчас — 604. Старших агрономов МТС — украинцев было в 1933 году — 344, сейчас — 682. Старших механиков МТС — украинцев было в 1933 году — 342, сейчас — 570.

Председателей райисполкомов и горсоветов — украинцев было в 1933 году — 250 чел., сейчас — 332 чел. Заведующих райфинотделами — украинцев было в 1933 году — 212 человек, а сейчас — 321. Заведующих районными и городскими здравоотделами — украинцев было в 1933 году — 145 чел., сейчас — 272 чел.

Управляющих угольными рудоуправлениями — украинцев было в 1933 году — 41 проц., сейчас — 55 проц. Начальников цехов — украинцев по металлургическим заводам «Сталь» было в 1933 году — 26 проц. от всех начальников цехов, а сейчас — 37 проц.

Среди начальников управлений Наркомата местной промышленности Украины было в 1934 году — украинцев — 25 проц., а сейчас — 40 проц. В Наркомздраве из 10 начальников управлений — украинцев в 1934 году было 2 чел., теперь их — 7; директоров научно-исследовательских институтов Наркомздрава и их заместителей — украинцев было 6, теперь — 51. В Наркомюсте из 41 ответственных работников аппарата Наркомата — украинцев в 1934 году было 17, теперь — 32. В Наркомхозе среди ответственных работников было 6 украинцев, теперь — 9. Мало. Тов. Межуев должен этим делом больше заняться. По Управлению Уполнаркомсвязи из 41 ответственного работника было в 1934 году 17 украинцев, теперь — 22.

Я привел вам только некоторые, по сути, отрывочные цифры. Но и они характеризуют ту огромную работу по воспитанию и выдвижению руководящих кадров из украинцев, которую мы за эту пару лет проделали. Даже из этих цифр вы можете заключить о значительном росте количества и удельного веса украинцев на руководящих постах на всех участках строительства социализма на Украине.

Значит ли это, что мы на этом можем успокоиться, что эти цифры нас удовлетворяют, что они уже достаточны? Ни в коем случае. Работы здесь еще непочатый край. Именно сейчас выходят, если можно так выразиться, на поверхность жизни, подлинные украинские кадры. Это наши стахановцы, бусыгинцы, кривоносовцы, демченковцы — украинцы. Это поистине неисчерпаемый резерв для выдвижения большевистских украинских кадров на все участки хозяйственной, советской, партийной работы.

Значит, задача подбора, выдвижения и воспитания большевистских украинских кадров является сейчас одной из узловых задач работы наших партийных организаций. Вы видите, что и эта задача стоит по-новому по сравнению с тем, как она стояла пару лет тому назад. И стоит она по-новому именно потому, что народилось и разрослось новое могучее движение стахановцев, бусыгинцев, кривоносовцев, демченковцев.

Пятая задача партийной работы — это задача улучшения постановки партийной учебы. И этот вопрос выглядит по-новому в свете стахановского движения.

Нашим стахановцам нужно много сейчас работать над расширением своего политического кругозора, над повышением своего идейно-политического уровня, над усвоением революционных традиций победоносного пролетариата СССР, нашей большевистской партии.

Это должна дать всем молодым членам нашей партии и особенно тем непартийным большевикам-стахановцам, которых мы будем теперь прини-

мать в партию, соответствующая постановка партийной учебы, вся система воспитательной работы в наших партийных организациях.

Все ли тут у нас в порядке? Конечно, мы за последний год, после указания товарища Сталина о содержании партийной учебы, об изучении истории партии, крепко продвинулись вперед в этом отношении. Но работы тут непочатый край, особенно в связи с предстоящим открытием приема в партию.

Учтите, что у нас еще немало партийных организаций, где партийная учеба все еще на задворках, где по месяцу и больше срываются занятия, где это ответственнейшее дело целиком передовверено пропагандистам. Учтите также, что украинизация партийной учебы пока что сводится только к языку учебы. Между тем, необходимо, чтобы член партии в совершенстве знал историю Украины, ее экономику, историю ее культуры, историю КП(б)У, чтобы все члены партии знали и понимали происходящие сейчас процессы строительства советской украинской культуры.

Значит, борьба за качество, за украинизацию партийной учебы — это сейчас важнейшая узловая задача работы наших партийных организаций.

Несколько замечаний, товарищи, о массово-политической работе партийных организаций среди широкой беспартийной массы рабочих и колхозников.

Вся наша хозяйственная работа и в промышленности и в сельском хозяйстве проходит сейчас под знаком стахановского движения, движения пятисотниц. Стахановские сутки, пятидневки, декады, стахановские бригады, пролеты, цеха, заводы — вот под какими лозунгами развернулась сейчас борьба за выполнение пятилетки в четыре года в промышленности. Ланки пятисотниц, ланки мастеров льна, ланки мастеров зерна, трактористы и комбайнеры — стахановцы — вот на кого мы в первую очередь опираем сейчас нашу борьбу за 7-8 миллиардов пудов зерна, за 210 центн. свеклы с гектара, за высокие урожаи всех прочих культур.

Но для того, чтобы стахановцы, бусыгинцы, демченковцы могли возглавить, вести за собой и подтягивать до своего уровня всю широкую массу рабочих и колхозников — для этого надо развернуть большую политическую работу среди этих масс.

Вы знаете, что не всюду вокруг стахановцев создана соответствующая общественно-политическая атмосфера. Вы знаете, что кой-где были выпады против стахановцев со стороны врагов и отсталых элементов. Вы знаете, что кой-где пытаются даже поиздеваться над методами ухода за полем пятисотниц. Вы знаете, что не всюду разъяснено широким массам рабочих и колхозников все исключительное значение стахановского движения для роста зажиточности в нашей стране, для полного построения социализма.

Значит, шестая задача партийной работы сейчас — это развертывание массово-политической работы среди рабочих и колхозников вокруг стахановского движения с тем, чтобы подтягивать эти широкие массы к уровню передовиков и тем самым ширить, множить и углублять стахановское движение.

Я хотел бы особенно заострить ваше внимание, товарищи, на вопросе о стиле и методах партийного руководства. Поймите, товарищи, что указание товарища Сталина — «кадры решают все» — ставит по-новому и вопрос о стиле и методах руководства.

Чего стоит, в свете того, что говорил товарищ Сталин о заботе и внимании к живым людям, такой, например, факт.

Науменко В. Г. — председатель Городищенского сельсовета Березнянского района, Черниговской области — член партии с 1926 года, член ком-

сомола с 1921 года, окончил 2-годичную Киевскую совпартшколу, член РПК бессменно с 1930 г. По отзыву Райпарткома, т. Науменко один из лучших председателей сельсоветов. И вот этот-то Науменко только за 2 последних года получил 12 выговоров заочно. Вы слышите — заочно. Вот что он рассказывает:

«Об этих выговорах я узнал лишь в момент проверки партдокументов. Пришел я на проверку партдокументов, вижу: к моей учетной карточке приколоты вторая учетная карточка. Спрашиваю секретаря РПК, откуда у меня взялись две учетные карточки. На это он мне ответил, что я имею 12 выговоров, что они в первой карточке не поместились, поэтому решили завести вторую. (Смех в зале). За один только месяц я получил 4 партвзыскания: за невыполнение хлебосдачи, за неявку на бюро РПК, за срыв занятия политкружка, за невыполнение плана молокопоставок. Из 12 выговоров, записанных в учетной карточке, 7 строгих выговоров, о которых я до последнего времени не знал».

Что же это, товарищи? Ведь если такое руководство у нас будет продолжаться, то мы загубим стахановское движение. Разве мы сможем поднять партийное руководство на уровень этого движения, действуя такими методами? Куда годятся такие методы и приемы руководства?

У нас многие горе-руководители думают, что руководить — это значит требовать, наказывать, карать. Нет, надо воспитывать, прежде всего, воспитывать, надо помогать, прежде всего, помогать. Надо организовывать дело, знать самому обстановку, а то чего-нибудь работник не выполнил — по лбу его. Так легче всего, но это ведь и не партийное и не руководство.

Поймите, товарищи, что те новые люди, подлинные люди эпохи социализма, которые народились за последние годы, требуют иного стиля партийного руководства, чем даже несколько лет тому назад.

Это люди с выросшим сознанием своего собственного достоинства. Это люди, которые переполнены радостью и блаженством, когда их рабочее место, их ланка дают высокую производительность. Это люди, которые понимают, что они своим подлинно-социалистическим трудом решают судьбы нашего дальнейшего развития, нашего дальнейшего движения к зажиточной, счастливой во всех отношениях жизни. Они прекрасно понимают свою значимость в нашем рабоче-крестьянском государстве.

Это люди, которые умеют уважать за дело, которые умеют очень высоко ценить и уважать подлинных руководителей. Но это люди, которые самым нетерпимым образом относятся ко всему бюрократическому, голому администрированию, комчванству, зазнайству, голой шумихе, трескотне и показной мишуре. Это люди дела, люди, которые знают, что они творят новую, большую жизнь, люди, которые сознают себя полноценными хозяевами этой жизни.

Вот почему такие факты нарушений внутрипартийной демократии, какие я вам выше приводел, всегда были недопустимы и особенно недопустимы они сейчас. Вот почему малейшее ущемление и затирание самокритики встречает и должно встречать острейшее реагирование со стороны этих передовых людей.

Вот почему сейчас требуется совершенно иной тип и стиль общения между руководителем и партийной массой, между членом партии и непартийным большевиком и всяким тружеником. И в этом отношении образец и пример показывает нам наш вождь, который на протяжении ряда последних месяцев принимал хлопковиков-стахановцев, пятисотниц, общался и совещался с этими лучшими людьми всех отраслей нашего народного хозяйства.

Иной стиль, иные методы партийного руководства требуются сейчас, и мы должны твердо и неуклонно перестраивать наши руководящие партийные органы в этом направлении.

И последний вопрос партийной работы, на котором я хочу остановиться, — это вопрос о росте самих наших руководящих работников, о работе их над собой.

Поймите, товарищи, что сейчас при таком, поистине стремительном, росте людей, руководитель должен очень много работать над собой, чтобы руководить ими. Поймите, что всякие ссылки на загруженность не стоят выеденного яйца и не спасут того руководителя, который отстаёт: он неизбежно вылетит из тележки.

Я не хотел бы оперировать анекдотами. Но вот приведу вам один случай, на котором легко понять, насколько недопустимо, особенно сейчас, когда руководитель не работает над собой. Вот постановление бюро Летичевского райпарткома от 26.VII-1935 года. Слушали самоотчет коммуниста-одиночки Яволовского. И вот решение по этому самоотчету:

«Читаючи художню літературу, то до прочитаного відноситься не критично, не запоминає автора і змісту написаного, за що Яволовському зауважити. Прочитати до 1.I-1936 року художню літературу: «Чапаєв» — Фурманова, «Бруски» — Бондарева (в залі хохот). В час читання особливу увагу звертати на автора». (Смех в залі).

Пионеры знают, что «Бруски» написал Панферов, а бюро райпарткома приписывает «Бруски» какому-то Бондареву. Ведь сам же этот Яволовский, когда прочтет «Бруски», будет смеяться над бюро райкома. Вы скажете, что это мелочь, что это не характерно. Нет, товарищи, это не мелочь, далеко не мелочь и кой-кого из наших работников это бесспорно характеризует.

Таковы в самых общих и основных чертах те задачи партийной работы в связи со стахановским движением, на которые я хотел обратить ваше внимание.

Стоят ли уже сейчас наши партийные организации на уровне этих задач? Нет, не стоят. Ничем иным, как глупейшим самохвальством следует считать постановления, подобные постановлению Витязевского райкома Одесской области, который по итогам проверки записал в своем решении, что:

«Все задачи, поставленные во время проверки партдокументов, выполнены»...

Грош ломаный цена таким постановлениям. В основном вопросе — вопросе о постановке партийной работы перед нами еще очень много нерешенных задач.

И, в связи с этим, я, товарищи, хотел бы остановиться на районном звене нашей партии. Ведь именно здесь решается дело. Чем занимается наш райком, как правило? Он очень активно занимается семенами, запчастями, суперфосфатом, одним словом, очень большими и сложными хозяйственными и административными вопросами и очень мало, а то и совсем не занимается, живыми людьми, работой над ними, партийной работой. Нет еще и до сих пор у многих наших райкомов вкуса к партийной работе.

По-иному нужно работать сейчас с людьми, с каждым отдельным живым человеком. А у нас больше командуют, а у нас больше администрируют. Большие задачи, сложные задачи поставлены перед нами. Тов. Косиор был прав — 210 центнеров свеклы с га, это не 120 центнеров; 120—130 пудов зерна с гектара — это не 40 или 60 пудов. Мы имеем все необходимое для того, чтобы эти задачи решить не на словах, а на деле. Я уже говорил, и

Станислав Викентьевич говорил в своем выступлении — чего у нас не хватает. Люди у нас есть, да какие люди! Но эти люди требуют внимания к себе, работы с ними, заботы о них, совсем иных методов руководства ими.

Почему, например, у нас завелся такой порядок, что если мы обнаруживаем где-нибудь в колхозе шивую лошадь, или какой-нибудь другой непорядок, так сейчас же к прокурору в суд. Почему? Зачем? Где артель? Почему на собрании артели не выяснить вопрос? Может виноват председатель правления, который проглядел, плохо работал. Может быть собрание снимет председателя правления, может быть выговор даст ему, может быть накажет конюха, снизит его в должности. Пусть артель разберется. А у нас больше командуют.

Не вышла, скажем, колхозница Анна на работу. Почему не поставить на заседании артели вопрос, что вот, мол, Анна не вышла на работу. Почему не узнать причины ее невыхода на работу, — либо детишки у нее малые, либо хлеб надо было спечь, а правление артели не позаботилось о том, чтобы организовать выпечку хлеба, чтобы Анна могла выйти на работу. Кому надо дать выговор в данном случае — председателю правления или Анне? Артель должна обсудить. Во всяком случае выговор от артели будет наказанием более серьезным, чем голо-административные меры со стороны председателя правления или прокурора. Ведь артель Анна уважает, а иных председателей или прокуроров она нередко только боится.

Если мы будем так воспитывать артель, если мы будем в таком духе воспитывать членов артели, командовать артелью, администрировать, если артель будет для правления, а не правление для артели, — мы не приведем в движение многомиллионные массы колхозников, не включим их в движение стахановцев, демченковцев. Если вы не приведете в движение все рычаги, если вы многомиллионные массы колхозников не поднимете, да по-новому, по-стахановски — мы эти задачи не решим.

Товарищи! Советская Украина добилась в 1935 году серьезных достижений. Сельскохозяйственный год мы закончили неплохо. Промышленность Украины союзного и республиканского значения не только перевыполнила свои планы, но и стала накапливать. Мы имеем серьезные достижения в строительстве советской украинской культуры.

Все это так, все это правильно. Но все мы должны хорошо помнить, что сейчас перед нами стоят новые, еще более грандиозные и сложные задачи.

Все растущий фронт стахановцев, демченковцев требует от нас с вами особой работы с тем, чтобы они уверенно и успешно решали задачи быстрого повышения производительности труда, улучшения качества, удешевления себестоимости производимой продукции, задачи дальнейшего крутого подъема всех без исключения отраслей нашего народного хозяйства.

Наш Пленум наметил практическую программу борьбы КП(б)У за решение задач 1936 года. Что угрожает успешному решению поставленных перед нами задач? Это самоуспокоенность, зазнайство. Вы помните замечательные слова товарища Сталина на XV съезде партии? Эти слова нам всегда надо помнить.

Вот что он там говорил:

«Не отмечая и не выявляя открыто и честно, как это подобает большевикам, недочеты и ошибки в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. Ну, а мы хотим двигаться вперед. И именно потому, что мы хотим двигаться вперед, мы должны поставить одной из своих важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперед. Без этого нет развития. Но именно по этой линии у нас все еще хромает дело. Более того, достаточно некоторых успе-

хов, чтобы забыли о недостатках, успокоились и зазнались. Два-три больших успеха... и уже зазнались, шапками закидаем».

Самое опасное было бы сейчас зазнайство, хвастовство, самолюбование успехами, достигнутыми в 1935 году.

Дело, дело и еще раз дело — вот, что нам сейчас необходимо.

Нет сомнения в том, что мы, большевики Украины, с успехом завершив проверку своих рядов, очистив себя от националистических, шпионских, троцкистских элементов и всякой прочей гнуси, еще выше подняв боеспособность КП(б)У и ее революционную бдительность, возглавим армию стахановцев, пятисотниц и всю широкую массу рабочих и колхозников и те большие задачи, которые ставят перед Украиной партия и товарищ Сталин, решим с успехом. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию).

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЛАН

В. Межлаук,

Пятнадцать лет борьбы с огромными трудностями на пути к построению социалистического общества в нашей стране, пятнадцать лет победоносной борьбы, превратившей СССР в социалистическую страну, отделяют нас от 1921 года — даты образования Госплана. Это был год разорения и нищеты, глубокого упадка всех отраслей народного хозяйства, упадка, вызванного империалистической и гражданской войнами. Вместе с тем это был год победоносного окончания гражданской войны, когда рабочий класс и трудящееся крестьянство получили возможность перейти к широкой созидательной работе, к успешному хозяйственному строительству.

После установления диктатуры пролетариата одной из первых забот Ленина было создание плана восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, плана, обеспечивающего построение фундамента социалистической экономики на базе новейшей техники. План ГОЭЛРО явился первым перспективным планом, в котором была воплощена эта ленинская идея. Но единый план ГОЭЛРО, рассчитанный на 10—15 лет, не обеспечивал решения текущих общехозяйственных задач. По предложению Ленина, был создан Госплан как постоянный планирующий центр, который должен был конкретизировать в текущих хозяйственных планах перспективный план, рассчитанный на длительный ряд лет, и обеспечить твердое и неуклонное подчинение каждого конкретного планового задания единому плану.

Организация Госплана была неразрывно связана с переходом страны к новому этапу борьбы за социализм и вместе с тем — к новому этапу планирования, с переходом к единому государственному планированию народного хозяйства, охватывающему как перспективные, так и текущие планы.

Плановое руководство народным хозяйством вытекает из самого существования диктатуры пролетариата. Сосредоточение в руках пролетариата командных высот: национализация промышленности, транспорта, земли, национализация кредитной системы, монополия внешней торговли — с первых же шагов диктатуры пролетариата сделало плановое руководство обязательным и необходимым условием развития народного хозяйства.

Народнохозяйственные планы в переходный период — это могучие рычаги, при помощи которых пролетариат выполняет свою историческую задачу преобразования народного хозяйства на началах социализма.

Вступив в полосу хозяйственного строительства, партия победившего пролетариата не могла ограничиться политической программой действия, а должна была дополнить ее программой хозяйственного строительства.

«Наша программа партии, — говорил Ленин, — не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведения его до современной техники... Мы, говоря о восстановлении земледелия,

промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане. Мы должны прийти к тому, чтобы принять известный план; конечно, это будет план, принятый только в порядке первого приближения»¹.

Политическая программа партии намечает общие пути и направление, условия победы пролетариата. Программа хозяйственного строительства конкретизирует на каждом данном этапе общие политические установки, переводя их на язык цифр и конкретных заданий в деле хозяйственного строительства.

«Эта программа партии, — указывал Ленин, — не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на съездах партии».

В соответствии с особенностями каждого этапа: соотношением классовых сил и очередными хозяйственно-политическими задачами — партия на каждом этапе определяет ведущие звенья, которым подчиняются все стороны плана.

«...Осуществление такого грандиозного плана, — указывал товарищ Сталин в докладе об «Итогах первой пятилетки», — нельзя начинать вразброс, с чего попало. Чтобы осуществить такой план, нужно прежде всего найти основное звено плана, ибо только найдя основное звено и ухватившись за него, — можно было вытянуть все остальные звенья плана».

Наши планы являются планами перспективными, намечают программу действий на известный отрезок времени. Эти планы — «мерило, критерий, маяк, вежа» (Ленин), причем в ходе самого строительства они постоянно дополняются и совершенствуются. Благодаря этим планам пролетариат получает ясную перспективу движения вперед и в то же время этой программой действия увлекает за собой самые широчайшие массы трудящихся.

Определяя перспективы развития всего народного хозяйства на основе реального, достигнутого, и учета перспектив дальнейших путей строительства социализма, народнохозяйственные планы представляют собой не планы-догадки, а планы-директивы.

Противопоставляя попыткам планирования при капитализме планирование в СССР, товарищ Сталин указывал:

«Правда, у них тоже имеется нечто вроде планов. Но это есть планы-прогнозы, планы-догадки, которые ни для кого не обязательны и на основе которых невозможно руководить хозяйством страны. Не то у нас. Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны. Вы видите, что мы имеем здесь принципиальную разницу»².

Наши народнохозяйственные планы — боевые партийные планы, ибо они решают классовые задачи пролетариата, определяемые генеральной линией партии. Отсюда острота классовой борьбы, развертывающейся как в процессе составления планов, так и в ходе их практического осуществления.

Вот почему и Ленин и Сталин всегда так решительно боролись против так называемого «объективного» подхода к действительности, за которым, по существу, скрывается отказ от защиты интересов рабочего класса и переход на сторону враждебных классов. Излюбленным коньком всех «объек-

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 45—46. 3-е изд.

² XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 67. Партиздат. 1935.

тивистов» являлась теория развития производительных сил «вообще», поднятия производительности труда «вообще» и т. д., тогда как единственно правильным, партийным подходом к действительности может быть лишь борьба партии за рост социалистических производительных сил, за рост социалистической производительности труда.

Сила и реальность наших планов состоит в том, что они опираются на опыт и творческую инициативу миллионов рабочих и колхозников. Активность масс является важнейшей гарантией осуществимости наших планов.

* * *

Задолго до эпохи пролетарских революций, в период расцвета капитализма в одних странах и зарождения его в других, Маркс и Энгельс, выковавшие мощное оружие теории научного социализма, дали указания о путях и средствах борьбы рабочего класса против капитализма, о том направлении, в котором будет развиваться деятельность победившего пролетариата в деле революционного преобразования общества.

Намеченное Марксом и Энгельсом общее направление революционной борьбы с замечательной убедительностью оправдывается на примере СССР.

Основным условием развития социализма после установления диктатуры пролетариата Маркс и Энгельс считали обобществление производства и плановое ведение хозяйства:

«Прежде всего управление промышленностью и другими отраслями производства будет отнято у отдельных индивидов, конкурирующих друг с другом. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в управлении всего общества, в его целом, т. е. будут вестись за общественный счет, по общему плану и при участии всех членов общества»¹.

Для стран, в которых мелкокрестьянское хозяйство является преобладающим, особенно ценны и важны указания Маркса и Энгельса о политике пролетариата по отношению к мелкому крестьянству после победы пролетарской революции.

Осуществление союза рабочего класса с беднейшим и средним крестьянством, история коллективизации, проходившей в условиях огромной государственной или, как говорил Энгельс, общественной помощи крестьянину (в форме орудий производства, государственных, машинно-тракторных станций, кредита, помощи кадрами, помощи руководством), блестящая победа коллективизации на основе твердого руководства величайшего мастера строительства социализма — товарища Сталина — полностью подтвердили правильность линии, намечавшейся уже Марксом и Энгельсом и конкретизированной, разработанной и осуществленной в труднейших условиях Лениным и Сталиным.

Ленин гениально развил и обогатил теорию марксизма, соединив научное предвидение с искусством величайшего пролетарского революционного стратега и твердой верой в близкую победу рабочего класса.

В годы империалистической войны Ленин создал теорию возможности построения социализма в одной стране. Эта теория, впоследствии обогащенная и развитая товарищем Сталиным, явилась краеугольным камнем всей практики социалистического строительства, всех планов пролетарского государства.

Указывая на решающее значение вопроса о перспективах нашего строительства, товарищ Сталин на XV всесоюзной партийной конференции в 1926 году говорил:

«Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения. Мы не можем строить без перспектив, без уве-

¹ Маркс и Энгельс. Т. V, стр. 472.

ренности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить. Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. Мы не можем жить по рецепту Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». Мы, наоборот, как революционеры, должны подчинять свое движение вперед, свою практическую работу — основной классовой цели пролетарского строительства. Без этого — в болото оппортунизма, неминуемо и безусловно»¹.

С первых же дней Великой пролетарской революции Ленин практически поставил задачу организации всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов и постепенного перехода к планомерному регулированию всего народного хозяйства.

В своей замечательной работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной накануне Великой пролетарской революции, Ленин уже намечал пути создания конкретного большевистского хозяйственного плана:

«Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. под контролем рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но... мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно в интересах трудящихся»².

Первые же шаги советской власти, руководимой Лениным, были направлены к составлению конкретного хозяйственного плана. В апреле 1918 года Ленин считал необходимым дать Академии наук поручение от ВСНХ образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана организации промышленности и экономического подъема России. В этот план должно было входить:

«...рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабжать себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применения электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию»³.

Наряду с разработкой этого плана, намечавшего широкую перспективу хозяйственного строительства, плана, в котором мы уже ясно различаем черты будущего плана ГОЭЛРО, Владимир Ильич подверг беспощадной

¹ Сталин «Об оппозиции», стр. 361.

² Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 269—270.

³ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 434.

критике «левых» коммунистов, которые предлагали «самое решительное обобществление» как непосредственную программу ближайших дней. Ленин указывал, что «недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению», так как обобществление требует от революционера иного качества — умения правильно учесть и правильно распределить.

Гражданская война отвлекла все силы и все внимание страны на преодоление вооруженного сопротивления классового врага, поддерживаемого иностранными интервентами. Планирование в ту пору приняло характер мобилизационного плана и притом главным образом плана распределения. В конце 1919 года, когда мы добились решающих побед на фронтах гражданской войны, Ленин вновь выдвигает задачу создания единого хозяйственного плана.

IX съезд партии, происходивший в марте—апреле 1920 года, принял, по предложению Ленина, решение о составлении единого народнохозяйственного плана. Результатом этого решения съезда явилось создание Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО). В этом плане, составленном под непосредственным руководством и по указаниям Владимира Ильича, уже была поставлена задача технической реконструкции народного хозяйства и построения фундамента социалистической экономики на базе электрификации.

Первые шаги Госплана, созданного в феврале 1921 года, осуществлялись в условиях огромных хозяйственных трудностей, в условиях топливного, продовольственного и транспортного кризисов. Ленин направил поэтому внимание Госплана на разработку текущих хозяйственных планов.

«Слишком много об электрификации, слишком мало о текущих хозяйственных планах,—писал Ленин Г. М. Кржижановскому.— Не на том сделано глазное ударение, на чем надо.

Когда я имел перед собой коммунистических «вумников», кои, не читав книги «План электрификации» и не поняв ее значения, болтали и писали глупости о плане вообще, я должен был носом тыкать их в эту книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может.

Когда я имею перед собою писавших эту книгу людей, я бы стал носом тыкать их не в эту книгу, а от нее—в вопросы текущих хозяйственных планов... А общеплановая комиссия государства не этим сейчас должна заняться, а немедленно из всех сил взяться за текущие хозяйственные планы...»¹.

Но это ни в какой мере не уменьшало того значения, которое Ленин придавал единому государственному плану. Не даром Владимир Ильич говорил, что «оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между «вчера» и «завтра». Марксизм требует ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле».

Начало деятельности Госплана совпало с переходом к новой экономической политике. «Новая экономическая политика, — говорил Ленин, — не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению». Под новым подходом к осуществлению плана Ленин понимал переход от «главкократического» администрирования к хозяйственному маневрированию.

В восстановительный период на основе роста социалистического уклада расширялась сфера непосредственного планирования и укреплялось пла-

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 296.

новое руководство народным хозяйством. В те же годы были разработаны первые контрольные цифры и развернута большая работа по составлению пятилетнего плана. Планы, охватывавшие в первые годы новой экономической политики лишь отдельные «кусочки» народного хозяйства, стали более всеобъемлющими.

В 1927 году партия и правительство впервые утвердили контрольные цифры в качестве обязательного плана развития нашего народного хозяйства. Опыт составления годовых контрольных цифр позволил ускорить разработку и первого пятилетнего плана, необходимость которого прямо вытекала из завершения процесса восстановления народного хозяйства, из более сложных реконструктивных задач, требовавших более длительного времени для своего разрешения.

В 1928 году начинается новый этап в народнохозяйственном планировании: руководство развитием народного хозяйства с этого года осуществляется на основе пятилетнего плана, наметившего конкретную программу построения фундамента социалистической экономики. Разрабатываются годовые контрольные цифры, превратившиеся с 1931 года в связи с успехами коллективизации в единый народнохозяйственный план. С 1930 года систематически составляются квартальные народнохозяйственные планы.

Многоукладность нашей экономики, ожесточенная классовая борьба не позволяли и в течение первой пятилетки осуществить полностью непосредственное плановое руководство всеми частями народного хозяйства. Необходимо было разрешить огромные задачи по перестройке социальных отношений и прежде всего труднейшую задачу пролетарской революции — задачу перевода крестьянского хозяйства на рельсы социализма.

За годы первой пятилетки мы создали крупную машинную индустрию, завершили в основном коллективизацию сельского хозяйства, вооружив его мощной тракторной техникой, превратили социалистический сектор в безраздельно господствующий в народном хозяйстве и подготовили тем самым возможность охвата непосредственным плановым руководством всех частей народного хозяйства. Эта возможность уже в огромной мере реализована вторым пятилетним планом, планом построения бесклассового, социалистического общества.

Важнейшую роль в повышении уровня планирования народного хозяйства во второй пятилетке сыграло также то обстоятельство, что плановые органы располагают гораздо более надежной статистической базой. Неизмеримо возрос также опыт планирования, и значительно укреплены система плановых органов и плановые кадры.

Все наши планы: планы развития отдельных отраслей народного хозяйства, контрольные цифры, явившиеся первой попыткой создания единого народнохозяйственного плана, последующие годовые народнохозяйственные планы, первый и второй пятилетние планы — все они являлись выражением поставленных партией задач по укреплению позиций социализма, по ограничению, вытеснению, а затем и ликвидации капиталистических элементов в нашей стране. Существо плана на всех этих этапах — то, что он решал задачу построения социализма. Менялись лишь формы и методы осуществления этой задачи.

На всех этапах это были боевые планы пролетарской диктатуры, планы директивы, планы-задания, для выполнения которых мобилизовались массы трудящихся. Это были планы партии рабочего класса, партии большевиков, движущей силы диктатуры пролетариата. Поэтому всякий план был не только и не столько техническим, сколько политическим, государственным планом, дававшим «задание пролетариату» (Ленин), в союзе с крестьянством строящему социализм.

В борьбе за укрепление планового начала нашей партии приходилось

преодолевать сопротивление классовых врагов и их агентуры внутри партии. Против плана ГОЭЛРО, против Ленина и Сталина ополчились оппортунисты всех мастей, бюрократы и беспринципные болтуны.

Еще более ожесточенная классовая борьба велась вокруг первого, а затем и второго пятилетнего плана. Первый пятилетний план был встречен в штыки контрреволюционным троцкистско-зиновьевским блоком, правыми оппортунистами, непосредственными представителями капиталистических элементов, организовавшими вредительские группы в плановых органах.

Решающим условием успешной разработки пятилетнего плана явилась огромная борьба, проведенная партией против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Товарищ Сталин на XVI съезде партии прямо указывал, что без разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции мы не сумели бы развернуть в нашей стране действительного планового руководства, повысить темпы индустриализации и коллективизации.

В первой пятилетке партия развернула социалистическое наступление по всему фронту. Не случайно в этот период особо острую форму приняла классовая борьба и вместе с ней усилилась и внутрипартийная борьба вокруг основной линии партии на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Троцкисты открыто выступали против возможности построения социализма в нашей стране. На ту же позицию, по сути дела, скальзывались и правые, выступившие в лице Рыкова с «двухлеткой», направленной на срыв индустриализации и коллективизации.

Товарищ Сталин, вооруженный непобедимой теорией марксизма-ленинизма, сумел добиться победы в деле решения труднейшей задачи социализма — перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы; разгромив оппортунистов всех мастей, он сумел обеспечить торжество генеральной линии партии, укрепление связи партии с массами, укрепление союза рабочего класса с крестьянством.

Первый пятилетний план был выполнен вместо пяти лет в четыре с четвертью года. В процессе осуществления пятилетнего плана в него были внесены весьма существенные дополнения как по линии развития нашей промышленности, так и особенно по линии ускорения социалистической реорганизации сельского хозяйства, а также по линии повышения материального благосостояния трудящихся города и деревни.

Победоносное осуществление первого пятилетнего плана явилось базой для разработки программы построения бесклассового, социалистического общества и завершения технической реконструкции народного хозяйства, а также коренного подъема материального и культурного уровня трудящихся масс во второй пятилетке.

Партия под руководством товарища Сталина разгромила всех врагов генеральной линии, сплотила трудящиеся массы под знаменем социалистической индустриализации и коллективизации, под знаменем первой и второй пятилеток, и добилась решающих побед социализма.

Борьба за укрепление планового начала в народном хозяйстве все время находилась в центре внимания партии. Вдохновителем наших планов и непосредственным руководителем планирования является Центральный комитет ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным. Им определяются линия дальнейшего развития страны, планы развития отдельных отраслей и крупных заводов, им устанавливаются основные вехи планирования, он указывает ведущие звенья в разрешении поставленных задач. И именно этому мы обязаны высоким уровнем нашего социалистического планирования, его научностью и действительностью.

Главной задачей пролетарской революции после захвата власти рабочим классом является построение социалистической экономики и создание планомерного производства и распределения продуктов.

Решить эту задачу наша партия могла только на основе теории научного социализма, только на основе научного плана развития народного хозяйства. Ленин жестоко высмеивал тех «коммунистов», которые пытались разработку научного плана подменять бюрократическими измышлениями и литературщиной.

Научность наших планов состоит прежде всего в том, что они исходят из самой передовой теории — марксизма-ленинизма, доказавшего, что организованный пролетариат является той единственной силой, которая не только разрушит капиталистическое общество, но и создаст более высокую общественную форму — социализм.

Основоположники марксизма, указав путь к социализму и движущие силы революции, не могли, однако, да и не пытались заранее дать конкретное решение тех отдельных задач, которые могли встать на пути построения социализма.

«Мы не доктринеры, — говорил Ленин... — Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»¹.

На долю нашей партии и пролетариата выпала почетнейшая задача — исходя из общих указаний, данных Марксом и Энгельсом, наметить конкретный путь построения бесклассового, социалистического общества в нашей стране.

Наши планы научны, ибо они строились и строятся с учетом всего передового, что создало человечество в области науки и техники. Перед пролетариатом стояла задача создания крупной передовой промышленности, создания наиболее концентрированного и самого механизированного в мире сельского хозяйства. Естественно, что решить эти задачи можно было, только используя все то лучшее, что создано наукой и техникой.

Научность наших планов состоит также в том, что план развития народного хозяйства мы строим на основе марксистской теории расширенного социалистического воспроизводства, увязывая важнейшие элементы плана через системы материальных и иных балансов и стремясь к тому, чтобы «все планы отдельных отраслей производства» были «строго координированы, связаны между собой» и составляли вместе «тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся» (Ленин).

Научность наших планов заключается также в том, что планирование опирается на значительно окрепшую статистическую базу, на данные прямого учета вместо ранее широко применявшихся так называемых «экспертных оценок».

Народное хозяйство СССР представляет собой невиданный по своей сложности, огромный производственный организм. Сотни тысяч промышленных предприятий, десятки тысяч километров железных дорог, четверть миллиона колхозных хозяйств, вооруженных передовой машинной техникой, сотни тысяч торговых предприятий и различных культурных учреждений — все это охватывается единым государственным планом. Все элементы плана должны быть при этом увязаны не только в отраслевом, но и в территориальном разрезе. Составить план развития такого производственного орга-

¹ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 113.

низма и обеспечить выполнение этого плана — дело величайшей трудности и сложности, посильное лишь могучей большевистской партии, которая отчетливо знает свою цель, пути и средства ее достижения.

Ленин и Сталин решительно боролись против комчванства некоторых наших хозяйственников и плановиков, не понимавших необходимости опереться в разработке планов на широкие научные круги, использовать опыт специалистов.

С первых же дней организации плановой работы Ленин выдвинул задачу привлечения крупнейших работников науки и техники к составлению народнохозяйственных планов. К разработке плана ГОЭЛРО, по указанию Ленина, было привлечено до 200 крупнейших ученых и инженеров.

К составлению плана первой пятилетки также привлекались сотни специалистов наркоматов и центральных учреждений; Госпланом был создан ряд конференций для обсуждения отдельных проблем пятилетки.

В еще больших масштабах были привлечены научные силы страны для разработки плана второй пятилетки. По инициативе товарища Сталина Госплан привлек к работе над пятилеткой Академию наук. 200 научно-исследовательских институтов, 350 крупнейших ученых участвовали в составлении второй пятилетки. Это позволило наметить правильное решение сложных экономических и технических проблем плана. В ряде случаев мы уже сумели пойти в области техники самостоятельными путями развития (синтетический каучук, гидролиз древесины, механизация сельского хозяйства и т. д.). Значительно более полно решена проблема правильного размещения производительных сил, о чем писал Ленин в своем знаменитом наброске схемы работы Академии наук.

С укреплением наркоматов, ростом их кадров усилилось и их участие в составлении планов. Выдающуюся роль в разработке первого пятилетнего плана сыграл ВСНХ, который, под руководством тов. Куйбышева, разработал оптимальный вариант пятилетнего промышленного плана, принятый партией и правительством в качестве пятилетнего плана. Уже в годы первой пятилетки работа наркоматов, объединений, предприятий над составлением планов стала составной и органической частью всей нашей плановой работы.

В разработке второго пятилетнего плана участвовали сотни тысяч предприятий и колхозов. Опыт миллионов строителей социализма в сочетании с использованием достижений мировой техники дал нам возможность составить подлинно научный план, являющийся крупнейшим вкладом в дело построения бесклассового, социалистического общества.

Второй пятилетний план знаменует собой новую веху, новый, более высокий этап в истории планирования. Вторая пятилетка отличается от первого пятилетнего плана широтой охвата планируемых объектов, большей разработкой технических проблем, большей научной обоснованностью.

Во второй пятилетке впервые все народное хозяйство охватывается непосредственным, конкретным планом. Эта полнота охвата находит выражение в возросшем количестве объектов непосредственного планирования, что повышает конкретность, оперативность плана.

Первая пятилетка планировала в общих показателях (объем продукции, число рабочих) лишь крупную, ценовую промышленность; мелкая, кустарная промышленность охвачена не была. По существу же первая пятилетка планировала по развернутому кругу показателей только промышленность бывшего ВСНХ, удельный вес которой в валовой продукции составлял лишь 61%.

Второй пятилетний план охватывает непосредственным планированием всю промышленность — и крупную и мелкую. Им определяются направление и размеры продукции промышленной кооперации и местной про-

мышленности, а также промышленность непромышленных наркоматов: Комитета заготовок СНК, Государственного управления кино-фотопромышленности (ГУКФП), Наркомпроса, общественных организаций.

Первая пятилетка охватывала детально разработанным планом около полусотни отраслей промышленности; второй пятилетний план охватывает уже 120 отраслей. По машиностроению в первой пятилетке даны натуральные показатели по паровозам, вагонам, плугам, сеялкам и тракторам; во второй пятилетке натуральные показатели даны по 36 объектам.

Второй пятилетний план охватывает всю пищевую промышленность, дает детально разработанный план по 15 отраслям, тогда как в первой пятилетке планировалось лишь 6 отраслей.

Еще резче сказывается новый этап планирования, его более совершенная методология, в развернутой программе развития сельского хозяйства во втором пятилетии.

Индивидуальные хозяйства уже в 1932 году занимали не более 15—20% посевных площадей. Возможен и необходим стал не только государственный посевной план, но и государственный план животноводства, конкретный и оперативный, детально разработанный в районном разрезе.

Победа социализма в деревне впервые позволила дать на второе пятилетие подробный, детально разработанный по всем частям план развития сельского хозяйства. Там, где первая пятилетка оперировала собирательным понятием «зерновые», вторая пятилетка дает план культур: пшеницы, ячменя, овса, кукурузы, проса, гречихи, бобовых и риса. Вместо «экспертных оценок» перспектив развития животноводства дан детальный план его развития.

Полнота охвата всего народного хозяйства вторым пятилетним планом нашла свое отражение и в планировании транспорта, товарооборота, финансов.

Лучшей иллюстрацией конкретности второй пятилетки является, пожалуй, программа капитального строительства: при огромном размахе капитальных работ, достигающих за пятилетие 133,4 миллиарда рублей, объекты нового строительства детально разработаны, точно размещены, закреплены за определенными адресатами. Только по тяжелой промышленности второй пятилетний план предусматривает строительство более 1 тысячи объектов, в том числе: 79 электростанций, 151 машиностроительное предприятие, 35 объектов по нефтяной промышленности, 130 мартенов, 45 домен, 108 прокатных станов, 258 шахт, 37 крупных рудников, 24 комбината цветной металлургии, 20 цементных заводов и т. д. По легкой промышленности строительная программа охватывает около 250 объектов, по пищевой промышленности — 300, по лесной промышленности — до 150 и по железнодорожному транспорту — свыше 200 объектов.

Взросшая широта охвата усложнила планирование. Нужна разработанная система балансов, материальных и синтетических, чтобы обеспечить правильную увязку различных частей и отраслей народного хозяйства, производства и потребления, промышленности и сельского хозяйства, потребности в рабочей силе и подготовки кадров и т. д. Метод балансов дает возможность выявить наиболее «узкие места» в народном хозяйстве и в каждой отдельной его отрасли, с тем чтобы соответствующими мероприятиями, мобилизацией имеющихся ресурсов преодолеть эти «узкие места». Если материальные балансы вскрывают внутри- и межотраслевые связи и зависимости, то балансы синтетические определяют единство различных сторон расширенного социалистического воспроизводства. Система балансов дает возможность установить правильные масштабы развития каждой отрасли, каждого элемента народного хозяйства в полном соответствии с темпами развития народного хозяйства в целом.

Научность второго пятилетнего плана раскрывается в его глубоко и основательно разработанных балансах: балансы машин и оборудования, черных и цветных металлов, строительных материалов, топлива, электроэнергии, тяги для сельского хозяйства, сырья для легкой и пищевой промышленности, производства и распределения народного дохода, и т. д.

Разработка этих балансов потребовала применения, проверки и установления сотен технико-производственных показателей, что означает гораздо большее внедрение плана в технику, включение в план задач освоения.

Сложная, широко разработанная система технико-производственных показателей—вот отличительная черта второго пятилетнего плана, его методологическая заслуга. Все эти производственно-технические показатели (во второй пятилетке их около 300) даны не в качестве расчетных величин, а как прямые плановые задания. Это—лучшее доказательство глубочайшей научной обоснованности второго пятилетнего плана.

Несмотря на наличие в разработке технических показателей ряда недостатков, вскрытых ходом выполнения пятилетки, огромное значение этой работы состоит в том, что она подготовила условия для того, чтобы в третьем пятилетнем плане вопросы техники заняли еще большее место, чтобы народнохозяйственные планы в еще большей мере стали технико-производственными планами.

«...Производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана—это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь» (Сталин).

План не может предусмотреть всего. Однако план, планирование, становится все более точной «вехой» развития. Победоносное выполнение первой пятилетки в четыре года, успешное выполнение второго пятилетнего плана являются практическим свидетельством побед планового начала. Этими победами мы обязаны тому, что партия на каждом этапе не только определяла наши планы и руководила планированием, но и создавала рычаги осуществления плана. Исторические шесть условий товарища Сталина, лозунг о необходимости пафос строительства дополнить пафосом освоения, великий лозунг «Кадры решают все», сталинский устав сельскохозяйственной артели—вот те рычаги, которые определили успехи нашего планирования и вовлечение широчайших масс трудящихся в социалистическое строительство, подьем их классового сознания, их творческой производственной активности.

Рабочий контроль, коммунистические субботники, производственные совещания, встречные планы, ударничество, социалистическое соревнование—таковы те конкретные исторические формы, в которые выливалось активное участие масс в производственной жизни страны. Каждая из этих форм была выражением роста сознательности в отношении к труду, все большего превращения труда из тяжелой обязанности в естественную необходимость человека.

1935 год ознаменовался возникновением и развитием нового замечательного движения рабочего класса нашей страны—стахановского движения. Стахановское движение охватило и колхозное крестьянство. Стахановское движение—это несравненно более высокий чем все предыдущие этап развития социалистического соревнования. Появление его свидетельствует о громадных победах, достигнутых в коммунистическом воспитании трудящихся нашей страны, осуществляемом партией, оно означает мощный подьем производственной активности рабочего класса.

От лишения и нищеты первых лет хозяйственного строительства, через величайшие трудности, в жестокой борьбе с классовыми врагами и их аген-

турой внутри партии трудящиеся нашей страны под мудрым ленинским руководством своего кормчего, товарища Сталина, добились решающих побед социализма. «Жить стало лучше... Жить стало веселее».

Великое стахановское движение открыло новую полосу нашего хозяйственного развития и культурно-технического подъема трудящихся; приближающего нас к изживанию противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, подводящего нас к решению коренной задачи социализма — созданию более высокой чем при капитализме производительности труда.

От первых набросков общего плана построения социализма, сделанных основоположниками марксизма, от первых планов развития народного хозяйства, еще несовершенных, но всегда являвшихся боевой большевистской директивой, мобилизующей массы, успешно выполняя великий план второй пятилетки, мы пришли к составлению еще более грандиозного по своим задачам и масштабам плана третьей пятилетки, который должен полностью охватить все стороны хозяйственной и культурной жизни трудящихся нашей страны.

Высокая оценка, которую получил Госплан от партии и правительства в день пятнадцатой годовщины ленинского декрета об образовании Госплана, задачи составления третьей пятилетки требуют резкого улучшения всей работы плановых органов и устранения целого ряда недостатков, имеющих в работе плановой системы. Работники плановых органов должны еще более углубленно вникнуть в технику производства, чтобы на основе освоения передовых достижений мировой техники добиться превращения нашей страны в ведущую в техническом отношении. В наших планах должно найти наиболее полное отражение и полностью должно быть учтено все то новое, что вытекает из развернувшегося в стране стахановского движения. Более глубоко, более тщательно должны быть изучены все богатства нашей страны, ибо только на основе этого можно составить научный план размещения производительных сил и полного использования всех тех естественных ресурсов, какими так богата советская страна. Решительно должна быть усилена и улучшена работа по составлению отдельных балансов, с тем чтобы уже в ближайшее время составить синтетический баланс народного хозяйства.

Третий пятилетний план, который должен собрать в себе творческий опыт миллионов строителей социализма, соревнующихся между собой в борьбе за овладение самой новой и совершенной техникой на заводах, полях, в исследовательских лабораториях, — большевистский план, который будет составлен под руководством великого мастера социалистического строительства, товарища Сталина, — станет знаменем миллионов в их борьбе за коммунизм.

НА ПУТЯХ К РАЗВЕРНУТОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПЛАНУ

Г. Кржижановский

С каждым годом мы все более и более научаемся ценить великое наследство, оставленное нам Владимиром Ильичем. Изучая документы жизни этого великого человека, его переписку, его бессмертные литературные произведения, мы не перестаем удивляться целеустремленной глубине его громадных замыслов, его стальной воле в реализации этих замыслов.

Уже на первом году широкой государственной деятельности Владимира Ильича, в знаменательном 1918 году, его кипучая энергия мощно развернулась в самых разнообразных направлениях борьбы за укрепление пролетарской диктатуры, за закладку основ нового социального строя; как раз в 1918 году было уже намечено и предрешиено многое из того, что было развито в нашей социалистической стройке лишь в последующие годы. Мысль о создании планового органа совпадает по времени с организацией Высшего совета народного хозяйства. В конце мая 1918 года происходил, как известно, I всероссийский съезд советов народного хозяйства. Вступительное слово сделал Владимир Ильич; в своем выступлении он подчеркнул, что у этой государственной организации — великая будущность:

«...Аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, — говорил он, — аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего Совета Народного Хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»¹.

В начале апреля 1918 года Владимир Ильич составляет свой известный «набросок плана научно-технических работ». В этом наброске он предлагает Высшему совету народного хозяйства поручить Академии наук «образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического под'ема России»².

В этом наброске Ленин уже отмечает особенности социалистической организации всего общественного производства, базирующегося на электрификации и на правильном комбинировании технологических процессов. Тогдашняя Академия наук была не в силах взять на свои плечи эту почетную государственную нагрузку. Первый перспективный план нашего хозяйства на базе электрификации был выработан специальной государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО), и основная группа работников этой комиссии как раз и составила первое ядро работников Госплана.

Напряженная работа над материалами плана ГОЭЛРО, подготовка к выступлению на VIII съезде советов и самое это выступление так отразились на моем физическом состоянии, что к концу января 1921 года Владимир Ильич принудительным порядком выселил меня из Москвы в Архангельское, находящееся примерно в 30 километрах от московского центра. Сюда-то я

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 36. 3-е изд.

² Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 434.

один из светлых, солнечных дней половины февраля 1921 года совершенно неожиданно для меня приехал Владимир Ильич. Год был трудный, тяжелый; озабоченность Владимира Ильича была исключительна, а по дорожным условиям того времени поездка в Архангельское была не так легка, как в наши дни; примитивное шоссе было все занесено снегом, и ехать Владимиру Ильичу пришлось на малосовершенных автосанях. В этом доме отдыха, в его комнате № 5, 15 лет назад мы с Владимиром Ильичем составили первый список работников Госплана, основываясь на том опыте, который только что был проделан с группой работников ГОЭЛРО. Здесь же было намечено Владимиром Ильичем в основных чертах то положение о Госплане, которое 22/II 1921 года уже получило силу закона, причем, согласно пункту 6-му этого положения, назначение членов Госплана совершалось Советом труда и обороны, а председателю Госплана предоставлялось право непосредственного доклада председателю Совета труда и обороны.

Припоминаю, что в беседе Владимир Ильич предостерегал меня, указывая, что на первых порах Госплану будет нелегко пробивать свои пути, что самая идея Госплана отнюдь не пользуется всеобщей поддержкой в наших администрирующих советских верхах.

Помню, как месяца через два, в одной из записочек во время заседания СТО, Владимир Ильич писал мне, что надо спешно упорядочить обстановку работы Госплана, чрезвычайно усложняемую наличием многочисленных ведомственных плановых комиссий, которые непрочь жить «своим домком», отнюдь не считаясь с Госпланом.

С особой яркостью запомнились мне ленинские словечки, которыми он в этой интимной записке характеризовал возникающие в таких условиях порядки:

«Бюрократизм, хаос, ляпанье!»

Каким далеким кажется теперь это сравнительно недавнее время!

Связь работ ГОЭЛРО с памятным 1920 годом отнюдь не случайна. 1920 годом датируется завершение военной полосы Великой пролетарской революции. Именно начиная с этого года центр тяжести борьбы за социализм переносится на громадный плацдарм наших хозяйственных работ.

В знаменательном акте ВЦИК 7-го созыва, положившем в марте 1920 года начало ГОЭЛРО, говорилось, что для Советской России ныне «впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства».

Историческое выступление Владимира Ильича на VIII съезде советов дало не только исчерпывающую характеристику всей тогдашней политической ситуации, но и поставило вехи для всей нашей последующей борьбы за социалистическую реконструкцию хозяйства. Одним из особенно ярких и сильных мест этого выступления Владимира Ильича был как раз тот пункт, в котором он утверждал, что принимаемый на VIII съезде советов план ГОЭЛРО является как бы второй программой нашей партии.

Программа партии — это своего рода концентрат основных положений научного социализма, необходимый и достаточный для построения тактики и стратегии борьбы за социализм в конкретных условиях данной страны. Выработка такой программы действий уже сама по себе является величайшим действием.

В знаменитой брошюре Владимира Ильича «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» с особой силой подчеркивается, что программа нашей партии явилась результатом долгих лет исканий революционной мысли, напряженных, мучительных исканий, сопровождающихся громадными жертвами со стороны революционного авангарда.

Трудный путь исканий неизбежен был для нас и в области плановой работы.

Не забудем прежде всего, что наши планы отнюдь не являются просто письменными документами некоторого целевого назначения. Чеканную и исчерпывающую характеристику особенностей наших планов дал товарищ Сталин:

«Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»¹.

При изучении истории нашего планирования приходится на одно из первых мест выдвигать вопросы о самом активе плановых работников, о подборе и группировке необходимых сил. В этом отношении итоги за истекшее пятнадцатилетие особенно велики, особенно знаменательны. Первая попытка Владимира Ильича привлечь к плановой работе Академию наук не увенчалась успехом. Это обстоятельство отнюдь не было случайным. Невольно вспоминается письмо Энгельса Бебелю, в котором он предупреждает Бебеля, что если социалисты придут к власти в результате войны, то с технической интеллигенцией поладить будет весьма трудно:

«...Техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только смогут; нам придется прибегать к устрашению их, и нас все-таки будут обманывать. Во французской революции это случилось в малом размере постоянно»².

Если деятелям Французской буржуазной революции 1789 года пришлось считаться с сопротивлением тех слоев тогдашней интеллигенции, которые были связаны с феодальной верхушкой, то наша Великая пролетарская революция должна была неизбежно воспроизвести на еще более расширенном основании конфликт новаторов-коммунистов с тем интеллигентским окружением, которое было связано с этим прошлым крепкой пуповиной. Социалистическая мобилизация Академии наук тогда не удалась. Мобилизация работников ГОЭЛРО явилась как бы мобилизацией «второго призыва». Преобладающее большинство этих работников так или иначе было связано с инженерной практикой, и в этой среде мы нашли уже гораздо больший отклик. Однако и они в своем большинстве отнюдь не были советски настроенными людьми, что неоднократно подчеркивалось Владимиром Ильичем как в отдельных выступлениях, так и в его записках ко мне. Однако другого выбора не было, и приходилось ставить своей задачей привлечение как раз из круга этих специалистов максимального количества соратников для нужд социалистического планирования. В письме ко мне от 25/II 1921 года, в котором Владимир Ильич давал указания о формировании первого Госплана, мы читаем такие характерные строки:

«Вы должны быть «душой» этого дела и руководителем идейным (в особенности отшибать, отгонять нетактичных коммунистов, способных разогнать спецов). Ваша задача выловить, выделить, представить к работе способных организаторов, администраторов...»³.

¹ Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года. «Вопросы ленинизма», стр. 466. 10-е изд.

² Карл Маркс и Ф. Энгельс. «Письма», стр. 391. Партиздат, 1932.

³ Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 445.

Однако потребность в дельных администраторах и организаторах была чрезвычайно велика не только по линии плановой работы, но и — в еще большей степени — по линии оперативно-хозяйственной работы. Ведь как раз в эти годы только что начинал складываться и принимать все более и более устойчивые формы весь наш государственный и хозяйственный аппарат. 1920 год, когда развернулась деятельность ГОЭЛРО, был кануном перехода к новой экономической политике. Надежды на возможность лобовой атаки позиций капитализма, связанные с полосой военного коммунизма и с расчетами на близкую пролетарскую победу в целом ряде стран, еще не были утеряны. Значение такой общей обстановки для всего хода работ ГОЭЛРО было исключительно велико. Между тем росла послевоенная экономическая разруха. Нарастала потребность в плановом государственном центре. Знакомясь с работами ГОЭЛРО, Владимир Ильич все более и более приходил к тому выводу, что как раз группа работников ГОЭЛРО должна составить основное ядро работников такого планового центра. Однако среди работников наркоматов настроения были не таковы, и для большинства из них Комиссия ГОЭЛРО была, так сказать, незванным гостем. Как характерна записочка Владимира Ильича от 6 ноября 1920 года по поводу проекта создания планового центра без участия работников ГОЭЛРО:

«6 ноября 1920 г. Москва.

Г. М.!

Это очень важная вещь. Комиссия наша (куда ведь Вы вызваны? постановлением предыдущим?) состоится завтра (или 8 ноября утром).

Надо внимательнее обсудить заранее проект (прилагаемый) подкомиссии.

Не вошло вовсе ГОЭЛРО!

По моему, это неправильно: чего стоят все «планы» (и все «плановые комиссии» и «плановые программы») без плана электрификации? Ничего не стоят. Собственно говоря, ГОЭЛРО и должно быть единым плановым органом при С. Н. К., но так прямо и грубо это не пройдет, да и неверно будет. Надо обдумать (спешно, до завтра), как следует поставить вопрос.

Может быть, 1) В экономический отдел малого Совнаркома ввести с совещательным голосом председателя ГОЭЛРО?

2) ГОЭЛРО сделать постоянной комиссией при С. Н. К., ибо она готовит и проводит, должна проводить, электрификацию и для В. С. Н. Х., и для НКЗема, и для Н. К. П. С., и т. д.

3) все плановые комиссии при всех наркоматах связать, соподчинить с ГОЭЛРО. Но как? Создать еще одну комиссию при ГОЭЛРО из председателей всех отдельных плановых комиссий? Или как иначе? Позвоните мне, прочитав сие.

А протокол (подкомиссии 5 ноября) верните сегодня не позже 10 час. вечера.

Ваш Ленин»¹.

Вот в какой обстановке приходилось Госплану прокладывать начальные пути своей работы! 1921—1922 годы были годами величайшей экономической разрухи. Кризисы продовольствия, топлива, транспорта, рабочей силы и валюты соревновались друг с другом по своей глубине и ширине. В таких условиях вопросы широкого строительства, вопросы реконструкции, весь размах плана электрификации на время должны были отойти как бы на задний план, уступая место конкретным задачам отчаянной борьбы за такой

¹ Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 393.

хозяйственный минимум, ниже которого была уже потеря всякой возможности маневрирования.

Вот одно из писем Владимира Ильича, относящихся к особо тяжкому времени, когда выяснился весь размер бедствий, связанных с голодом 1921 года:

«Мы нищие. Голодные, разоренные нищие.

Целый, целый, настоящий план для нас теперь = «бюрократическая утопия».

Не гоняйтесь за ней.

Тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам выделить важнейшее, минимум предприятий, и их поставить.

Поговорим об этом лично до Вашего доклада. Подумайте.

Ленин»¹.

В своем письме от 4 июля 1921 года Владимир Ильич предлагает 70% членов Госплана засадить за работу «по четырнадцать часов в сутки», дав каждому индивидуальное задание по наблюдению за отдельными, наиболее крупными и жизнеспособными предприятиями.

«Все остальное — в аренду или кому угодно отдать, или закрыть или «бросить», забыть до прочного улучшения, позволяющего абсолютно рассчитывать не на 200 миллионов пудов хлеба + X миллионов пудов топлива, а на 300 миллионов пудов хлеба + 150% X топлива»².

Как видим, уже 300 миллионов пудов хлеба, находящегося в распоряжении пролетарского государства, по тем временам представлялось «прочным улучшением»

С ликвидацией военной полосы страна наша получала двойной выигрыш. Одновременно с ликвидацией прямых военных тягот оказалось возможным поставить на хозяйственную работу отборный человеческий состав, выкованный грандиозной военной борьбой. Но из этого круга работников лишь весьма немногие попали на плановый участок. Нужда в кадрах была так остра, что на оперативную хозяйственную работу Госплану приходилось уделять работников даже из своих собственных немногочисленных рядов.

«Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки», — говорил Карл Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала». Начало нашей «плановой науки», трудное само по себе, протекало, как видим, в исключительно тяжелых условиях. Успешным преодолением этих трудностей мы прежде всего были обязаны Владимиру Ильичу.

Ныне, оглядываясь назад, на целое пятнадцатилетие, хотелось бы с особой силой подчеркнуть громадный размах его работ, гениальную глубину замысла, чеканную остроту его мысли и его роль истинного основоположника социалистического хозяйственного плана. Каждая встреча с ним учила и поднимала, ободряла и воодушевляла нас. Он был прекрасно знаком с характерными особенностями основных работников Госплана и ясно видел все слабые стороны и тогдашних кадров и всего аппарата Госплана. Вспоминая эти беседы и изучая те записочки Владимира Ильича, которые относятся к первым этапам социалистического планирования, до сих пор не перестаешь удивляться поразительной меткости его суждений и его удивительному умению в самой трудной хозяйственной обстановке быстро находить ведущее, решающее звено.

¹ Ленин, Соч. Т. XXIX, стр. 444.

² Ленин, Соч. Т. XXVI, стр. 467.

Шел год за годом, и поворот колеса истории был благоприятен для наших расчетов, а не для расчетов наших врагов.

Несмотря на всю слабость персонального состава Госплана на его первом этапе и на еще большую слабость первичных плановых организаций в наркоматах, краях и республиках, росли и крепили общая сеть плановых органов, единство их работы и самая школа социалистического планирования. Максимальное сочетание научно-исследовательской теоретической мысли в самых разнообразных отраслях экономики и хозяйства с фактическим строительным и хозяйственным опытом проснувшихся к новой жизни многомиллионных масс трудящихся — вот что было центральной установкой нашего планирования. Сама великая, быстростремительная послеоктябрьская действительность учила нас трудной науке диалектического охвата событий на хозяйственном фронте, и этой учебе помогала неустанная энергия такого мастера социалистической стройки, каким был Владимир Ильич.

1921 год был годом начала новой экономической политики. По непосредственным указаниям Ленина Госплану в этом году приходилось развить целый ряд кампаний за максимальную экономию расходов, за хозяйственную дисциплину, за переход к действительному хозяйственному расчету. Вопросы планового характера нередко уступали место вопросам экспертной работы. Первый хозяйственный план, разработанный Госпланом в 1921—1922 году, был планом продовольственным.

Кризис 1921 года с особой ясностью показал, какую роль во всем нашем хозяйстве играют продовольственная и топливная базы. Вот одно из характерных писем Владимира Ильича, относящихся к 13 апреля 1921 года:

«Глеб Максимилианович!

Ясно ли задание?

Надо предположить, что мы имеем 1921—1922 такой же или сильнее неурожай, топливный голод (из-за недостатка продовольствия и корма лошадям).

С этой точки зрения рассчитать, какие закупки за границей необходимы, чтобы во что бы то ни стало победить самую острую нужду, т.-е. непременно дополучить недостающее продовольствие (прямой закупкой за границей предметов питания и обменом на хлеб в окраинах России) и дополучить необходимый минимум топлива.

Только те заявки оправдать можно и должно, кои необходимы с этой точки зрения.

Не все электрические заявки сюда подходят. Недостаточно доказывать, что электричество экономит топливо.

Надо доказать еще, что необходим данный расход на 1921—22 год при условии максимального хлебного и топливного голода

Ленин»¹.

Наш первый продовольственный план сократил 35 миллионов тогдашних государственных издержек ровно в 5 раз. В марте 1921 года организуется в Госплане специальная топливная секция, начавшая работать в теснейшей увязке своих наметок с показателями оперативной деятельности Главтопа, этого реорганизованного к тому времени топливного центра страны. Это сотрудничество привело к значительному улучшению топливоснабжения страны. Но победа дается нелегко: уровень топливдобычи начинает подходить к довоенному лишь в 1925—1926 году.

Выработанные Промышленной секцией Госплана «Основные положения по составлению промышленного плана» на 1923—1924 год впервые устанавли-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 452.

ливают некоторый минимум отчетности, безусловно необходимый для хозяйственных предприятий. Госплан начинает пристально следить за операциями по калькуляции цен хозяйственных наркоматов, устанавливая некоторые нормы для такой калькуляции.

Весной 1922 года Госплан подготавливает материалы для известной Генуэзской конференции и пробует дать первый набросок перспектив развертывания промышленности. В этом наброске, хотя и в грубых чертах, уже намечаются общие масштабы нового капитального строительства. К концу ноября 1923 года в Госплане впервые заслушивается черновой набросок пятилетнего перспективного плана по всем отраслям промышленности. Просматривая эти материалы, мы видим, как по мере восстановительного процесса со все большей остротой выдвигаются вопросы капитального переоборудования, вопросы реконструкции промышленности. Материалы этой первой пятилетки весьма отрывочны, весьма разнокачественны и скорее представляют собой лишь подход к постановке относящихся сюда вопросов, чем их хотя бы приблизительное решение.

В 1921 году Госплан публикует на русском и английском языках специальный трактат о проблемах восстановления сельского хозяйства на нашем засушливом юговостоке. Страна наша в то время была по преимуществу аграрной, и поэтому вопросы сельского хозяйства должны были особенно занимать нас. Но здесь-то нас и ждали особые трудности. Довоенная индустриальная отсталость находилась в прямой связи с недоброкачественной сельскохозяйственной базой того времени. Но сельскохозяйственная отсталость в свою очередь находилась в прямой зависимости от недугов нашей индустриализации. Здесь как бы замыкался «порочный круг», причем лишь пролетарская победа могла разорвать этот Гордиев узел.

Уже в портфеле ГОЭЛРО мы находим интересную рукопись профессора Сельскохозяйственной академии В. Р. Вильямса (ныне академика), в которой развиваются основы его замечательного учения о структурной почве и травопольном земледелии. В плане ГОЭЛРО уже делается определенная ставка и на государственные совхозы, и на ведущую роль тракторов, и на производственную кооперацию сельскохозяйственного труда. Однако до нынешнего, сталинского колхозного устава предстоял еще огромный подъемный путь.

В 1922—1923 годах составляется детальный перспективный план восстановления сельского хозяйства в районах, пострадавших от голода в 1921 году. Этот план был утвержден Советом труда и обороны и много лет являлся отправным материалом в наших работах по рационализации сельского хозяйства.

1921 год был годом максимальной транспортной разрухи. Общий размер грузооборота железных дорог составлял в 1913 году 132,4 миллиона тонн. В 1921 году он снизился до 59 миллионов тонн. Количество здоровых паровозов и действующего вагонного состава уменьшилось по сравнению с довоенным временем почти в 3 раза. Количество аварий возросло за тот же период в 6 раз. Персонал железнодорожного транспорта вдвое превышал довоенные нормы при объеме транспортной работы, в 4 раза меньшем. Транспортная секция Госплана того времени работала в теснейшем контакте с тов. Ф. Дзержинским, тогдашним наркомом путей сообщения. Подытоживая ход работы по первоначальному подъему транспорта на пленуме Госплана в январе 1923 года, тов. Дзержинский подчеркнул:

«Я должен здесь перед лицом этого собрания засвидетельствовать, что работы Госплана и Транспортной секции в работах НКПС играли огромную роль. Что касается меня лично, то я работами Госплана руководствовался во многих моих помыслах, и эти работы меня вдохновляли».

Борьба с неиспользованием вместимости вагонов, с недоиспользованием силы паровозов и со всякого рода простоями (борьба с «мертвым весом», «мертвой работой» и «мертвым временем») происходила под непрерывным наблюдением Транспортной секции Госплана.

Работа над бюджетом 1922 года, приведшая к составлению первого 9-месячного бюджета с твердым курсом на денежное хозяйство, и тщательная выработка оптового товарного индекса Госплана являются первыми крупными вехами работ Госплана в финансово-бюджетной области. Два года ушло на восстановление государственного бюджета, на составление таких бюджетных планов, которые на первых порах имели лишь ориентировочное значение. Все более и более нарастала потребность связать бюджетную работу с некоторой схемой годового оперативного хозяйственного плана.

Так зарождается идея контрольных цифр Госплана. Летом 1925 года Госплан впервые делает попытку построения годового хозяйственного перспективного плана. «Комиссия по контрольным цифрам» становится одной из основных организаций Госплана. Контрольные цифры на 1925—1926 годы — первый опыт выработки системы основных показателей, дающих достаточную характеристику основных хозяйственных расчетов годичного масштаба.

Эти первые контрольные цифры, как и первые проекты пятилетнего перспективного плана, с нашей нынешней точки зрения представляются крайне несовершенными. Тем не менее каждая из этих работ являлась своеобразной вехой в нашем движении вперед на путях социалистического планирования, которое с каждым пройденным этапом принимало характер все более и более развернутых и все более и более приближающихся к нуждам действительности социалистических планов.

Появление первых контрольных цифр Госплана на 1925—1926 годы отнюдь не было случайным. В 1922 году мы могли составлять только частичные планы по обрабатывающей промышленности: по металлу, резине и сахару. Как видим, довольно случайный набор. Потребовалось целое трехлетие — от 1921 до 1924 года, — пока мы подошли в области промышленности к составлению промфинплана в полном объеме.

С 1925 года наступает бурный подъем строительства и темпов восстановления промышленности. Наступает такая обстановка, когда промышленность начинает чувствовать себя неуверенной, если она неясно себе представляет общее хозяйственное положение страны.

На XV съезде ВКП(б) автор этой статьи характеризовал положение следующим образом:

«Наступает такое время, когда нужна сводка не только планов всех видов промышленности, но и планов по основным разделам нашего народного хозяйства. И вот вы видите, что как раз с 1925—1926 года у нас впервые появляются контрольные цифры народного хозяйства, удовлетворяющие этой задаче».

Эти цифры были составлены силами работников Госплана; лишь в следующем, 1926—1927 году мы работали в некотором сотрудничестве с ВСНХ и имели некоторое представительство республик. В этих контрольных цифрах появляются такие общие статьи, как характеристика индустриализации, подсчет соотношения сил между общественным и частным сектором нашего хозяйства, появляются прикидки по районам. Наконец, в контрольных цифрах 1927—1928 годов работа ведется обширным коллективом, в котором сплочены усилия не только работников Госплана и Госпланов, но и многих тысяч хозяйственных работников всей нашей страны, всех ее республик. В этих цифрах бюджет, промфинплан, экспортно-импортный план являются лишь частями единого хозяйственного плана.

Еще более трудна была дорога к компоновке пятилетних планов. Попытка составления первого пятилетнего плана на срок с 1923—1924 по 1927—1928 годы оказалась явно несостоятельной. Основные докладчики этих первоначальных материалов, касавшихся перспектив промышленности, транспорта и некоторых основных элементов перспективного планирования, в своих выступлениях перед президиумом Госплана единодушно признавали, что и по их мнению предлагаемые проекты недостаточно обоснованы и что главная трудность — в отсутствии надлежащей увязки «между теоретической обобщающей мыслью и практическим опытом самих трудящихся». Госплан тех дней еще не врос органически в систему наших хозяйственных наркоматов и еще не создал в стране надлежащей связи с огромной хозяйственной периферией. В выступлении на XV съезде партии, характеризуя дальнейшие этапы работы по пятилетнему плану, автор этой статьи говорил:

«...Когда мы впервые, два года тому назад в Госплане сделали пятилетнюю прикидку на период от 1925/26 года до 1929/30 года, то на первом плановом съезде мы констатировали такой разброд мнений, что нам пришлось еще сговариваться о самых основных вехах плановых работ, причем были споры, нужны ли даже такие пятилетние планы... Когда в прошлом году мы составили следующую прикидку пятилетних перспектив на период от 1926/27 г. до 1930/31 г., мы уже на втором плановом съезде встретили значительный актив работников. Первый толстый том материалов, который главным образом сейчас подвергается широкой критике, встретил полновзвучные отклики в стране».

На V съезде Госпланов (март 1929 года) уже подчеркивалось, что окончательная компоновка пятилетнего плана (на этот раз на период 1928/29 — 1932/33 годов) опирается на четкие директивы по построению народно-хозяйственного плана, которые были даны XV съездом ВКП(б). Труднейший начальный этап планирования был уже пройден.

Общая обстановка на хозяйственном фронте резко изменилась. Тяжкая болезнь Владимира Ильича уже в 1923 году лишила нас прежнего с ним сотрудничества. Но росла и крепла созданная Лениным могучая партия большевиков. В суровых боях за рост и укрепление великого ленинского наследства ленинский Центральный комитет партии как никогда сплотился вокруг товарища Сталина.

Уже при выходе в свет плана ГОЭЛРО товарищ Сталин дал исчерпывающую оценку этого плана и нанес сокрушающий удар всем его явным и тайным противникам. С каждым последующим годом роль товарища Сталина в руководстве всей социалистической стройкой в стране советов становилась все более решающей.

Уже первая восстановительная полоса наших хозяйственных работ должна была, по выражению Ленина, законным образом приковывать к себе внимание всего мира. Но еще большее значение не только для нас, но и для всего мира имел тот период, который охватывался нашей первой пятилеткой.

Объем нашей хозяйственной работы резко возрос в этот период как в своих количественных масштабах, так и в своем «социальном качестве». Не даром мы характеризуем эту первую пятилетку как «план великих работ и развернутого социалистического наступления». Успех технической и социальной реконструкции страны должен был показать всему миру, что партия большевиков и руководимый ею революционный авангард трудящихся способны обеспечить построение социализма в громадной стране, осуществить фактический переход от мира старого, от мира эксплуатации человека человеком, к миру новому, к светлой и радостной жизни миллионов масс трудящихся.

Всем нам памятно, какую гигантскую борьбу за генеральную линию

партии пришлось вести в эти годы товарищу Сталину и ленинскому Центральному комитету, как многочисленны были попытки оппортунистических группировок совлечь партию с ее ленинского пути как в области политической, так и в области хозяйственной.

Всем известно, какой отклик в нашей стране и за рубежом нашла первая пятилетка. На историческом V съезде советов, заканчивая доклад о первой пятилетке, автор этой статьи говорил:

«Товарищи, работая большим коллективом, памятуя те указания, которые делал нам наш великий вождь, руководствуясь прямыми директивами нашей партии, обращаясь ко всем доступным нам достояниям научной мысли, мы старались честно исполнить задачи разработки пятилетнего плана. Мы думаем, что в нем мы идем по ленинским вехам. Мы помогаем, таким образом, разуму и воле рабочих и крестьян подняться до высот строительной мысли их великого вождя. Владимир Ильич говорил, что только одно условие необходимо для полной победы на экономическом фронте. Он говорил, что для этого нужно создать здесь такое же единство мысли и воли, какое создавалось у нас во время войны. Мы надеемся, что этот план поможет создать такое единство воли. Творческая мысль рабочих и крестьян поднимается по ленинским вехам на огромную высоту, и оттуда, как могучий энергетический поток, она будет мчаться на гигантское поле нашего труда — наподобие великой энергетической установки, сокрушающей организованной работой все препятствия».

Ныне, оглядываясь назад, мы видим, что действительность более чем оправдала наши ожидания. Годы первой пятилетки явились годами великой раскачки масс самих трудящихся. Именно отсюда идет гигантская волна социалистического соревнования, переключки работников фабрик и заводов с работниками наших полей, то шефство города над деревней, которое предвидел Владимир Ильич. Именно с этого периода непрерывным широким потоком растет активность трудящихся, что привело на наших глазах к рождению героического стахановского движения.

И на всем этом великом пути нас ведет гениальный Сталин, этот человек, который вслед за Лениным дал миру лучший образец того, что является сущностью вождя пролетариев мира. Ставка на индустриализацию, громадный размах металлургии и машиностроения, всестороннее укрепление тяжелой промышленности, колоссальный размах нового строительства — всюду мы шли по прямым указаниям партии, ее Центрального комитета и товарища Сталина.

Особенно велика была роль товарища Сталина в радикальном решении векового крестьянского вопроса, в темпах создания социалистической сельскохозяйственной цитадели — сети колхозов и совхозов — с опорой на новую энергетику сельского хозяйства, которая шла от мощного парка тракторов и развитой сети межселенных тракторных станций (МТС).

Рост и укрепление социалистического строительства должны были неизбежно сопровождаться растущим сопротивлением врагов этого строительства, терявших вместе с нашими успехами свои последние надежды. Размежевка сил шла вширь и вглубь. Всем нам памятны шатания и измены в рядах той технической интеллигенции, которая на первых этапах социалистической стройки была в рядах наших попутчиков. Процесс «Промпартии» показал, с какой энергией велась атака и на позиции Госплана. Однако враги наши просчитались: они не учли тех огромных сил, которые стоят за нашими планами и решают их судьбы. Большевики отнюдь не делают фетиша из пла-

новых документов и не являются сторонниками бюрократической самодовлеющей машины планирования.

Уже Энгельс в свое время подчеркивал, что социалистическое общество будет располагать особыми производственными ресурсами, являющимися прямым результатом нового уклада «ассоциированных производителей». Энгельс пророчески предвидел, что лишь в недрах такого общества будет рождаться «новое поколение всесторонне развитых производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и изучающих практически, каждый в отдельности, весь ряд отраслей производства с начала до конца...»¹ Эти строки невольно приходят на память, когда приглядываешься к отличительным чертам стахановского движения.

Таким образом, наша учеба в плановом деле есть лишь часть той великой школы социалистического труда, той тяги к сочетанию теории и практики, которые являются такими характерными показателями для нас.

Шли великие послеоктябрьские годы. С последовательной железной энергией партия отбирала в действующий состав своей государственной и хозяйственной армии достойные кадры, где наряду с борцами, закаленными в многолетних боях, все более и более заметную роль начинает играть молодое поколение, целиком выросшее в советских условиях, являющееся прямым представителем мощного рабочего-колхозного коллектива страны.

Вместе со старым Госпланом подверглась изменению и сеть наших наркоматов, их структура и персональный состав. Ныне, в четвертом году второй пятилетки, задания первой пятилетки, в свое время поражавшие мир своей дерзостью, представляются нам уже весьма скромными. И тот актив работников, для которого первая пятилетка была знаменем его работ, представляется нам весьма скромным по сравнению с тем активом, который на наших глазах спланируется вокруг нашей партии и правительства на изумляющих мир совещаниях по всем направлениям нашей хозяйственной периферии.

Никогда еще страна наша не была страной такого монолитного единства, какой она является в нынешнем великом, стахановском году. Однако мы не должны недооценивать и этапов прошлого. К вопросам фундаментального завершения нашей стройки, к новым этапам борьбы за командные высоты культуры мы не могли подойти сразу. Борьба за высококвалифицированные кадры «ассоциированных производителей», борьба за новую «силу человека» требует своих предпосылок. Невольно при этом вспоминаются вещи слова Маркса:

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 302.

достойных и адекватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»¹.

Из этих положений Маркса мы можем почерпнуть указания для правильной периодизации всей истории нашего хозяйственного строительства, всей нашей борьбы за социалистический хозяйственный план. Коммунизм пришел в мир не для того, чтобы ограничиться философскими обобщениями порядков этого мира, а для того, чтобы преобразовать мир. Социалистический план, следовательно, по самому своему существу должен быть целевым планом. Он как бы апеллирует к свободе, однако, его целевые ставки отнюдь не могут быть произвольными. На первых порах нам приходилось ограничиться некоторым общим контролем за общественным «обменом веществ с природой», стремясь отвоевать для «ассоциированных производителей» условия, «наиболее достойные и адекватные их человеческой природе».

Приходится так или иначе определять самую меру действительного общественного контроля над всем механизмом производства и воспроизводства хозяйственных ценностей. Задача упрощается по мере роста производительных сил, сопровождающегося последовательным разрывом многочисленных цепей необходимости. Таким образом, масштаб общественного контроля за производственным процессом связан с ростом масштаба производительных сил общества. Поиски относящихся сюда показателей хозяйственного плана — дело отнюдь не легкое. При этом мы не должны ни на минуту упускать из виду, что из всех материальных производительных сил величайшей силой является сам человек, и в особенности в том случае, когда он входит в состав «ассоциированных производителей». Именно отсюда происходили ударные темпы наших планов и те их «чудеса», тайну которых не могут постигнуть апологеты капиталистических порядков.

Оглядываясь назад, мы видим, как труден был путь к развернутому социалистическому плану, т. е. к такому плану, где венчающая ставка на «силу человека» развита с надлежащей определенностью и полнотой.

Выше мы видели, что первейшие этапы нашего планирования проходили в обстановке острейшей хозяйственной разрухи и что целые годы нам пришлось идти даже не просто под знаком необходимости, а под знаком острейшей необходимости.

Труднейшее начало сделано, пройдена поучительная для мира школа социалистического планирования. На гранях третьей пятилетки наступает новый переломный момент, нарастает новое качество нашего социалистического плана. Оно идет от мощного нарастания наших производительных сил, сказывающегося между прочим в подъеме наших хозяйственных калькуляций от уровня «миллионов» до уровня «миллиардов», оно дает себя знать и в гигантски растущем на наших глазах удельном весе нашей родины на международной арене и в том, что «жить стало лучше... Жить стало веселее».

И вот уже тех сил, которые смогли бы вычеркнуть эти наши достижения, которые могли бы остановить нас на путях борьбы за переход из царства необходимости в царство свободы.

¹ К. Маркс «Капитал», Т. III, стр. 591—592, Партиздат, 1932.

НЕДОСТАТКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА И ОШИБКИ ШКОЛЫ ПОКРОВСКОГО

К. Радек

I

Решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по поводу учебников истории имеет громадное значение, выходящее далеко за пределы вопроса об учебниках для наших школ. Затруднения, с которыми пришлось встретиться при составлении этих учебников, вытекают из состояния нашего исторического фронта, из его недостатков. Необходимо осознание недостатков работы на историческом фронте, ибо только тогда можно будет поднять эту работу на необходимую высоту.

Уже тот простой факт, что учебники истории должны охватить весь процесс исторического развития человечества, показать нашей молодежи движущие силы всей истории, поставил перед нашими историками большие задачи. Буржуазные историки, как Кареев, Виноградов, Виппер или во Франции Лавис, Рамбо, Сеньобос, приступали к писанию учебников после десятилетий работы над историческими монографиями, накопив громадное знание исторических фактов. Наши молодые историки на такое большое «первоначальное накопление» опереться не могли. В период, когда складывались первые шеренги наших молодых историков, приблизительно с 1919 по 1923 год, они ставили себе целью дать рабочей молодежи и нашим пропагандистам общие сведения по истории революций. Историческая продукция этого периода сводится, по существу, к истории революционных движений. Но эту задачу они выполняли очень своеобразно: концентрируя внимание на периоде непосредственных революционных боев, они отрывали революцию от подготовившей ее предыдущей истории. Вследствие этого не получалось ни конкретной картины развития экономики, классов и государственной организации, состояние которых вызвало революцию, ни конкретной картины результатов самой революции. Получалось абстрактное действие «движущих сил», мертвая схема результатов работы этих сил. Взявшись за самостоятельную разработку истории буржуазных революций, в первую очередь французской революции 1789 года и истории Парижской коммуны, наши молодые историки опирались главным образом на работы Маркса, меньше — на работы Ленина (полное собрание сочинений которого стало выходить лишь после 1920 года и не скоро было ими освоено). Но немалое влияние на них оказывала социал-демократическая литература Запада (особенно Каутский, Куно, Конради).

Когда очередь дошла до составления общих исторических учебников для школы и эту задачу пришлось решать поколению молодых историков, о котором мы говорили, то недостаток накопленного знания толкал их в направлении замены конкретной истории учением об исторических формациях, т. е. общими социологическими рассуждениями, в которые вкраплялись в качестве иллюстраций конкретные факты. Только М. Н. Покровский, историк, сложившийся еще в период перед революцией 1905—1907 годов и непосредственно после нее, опирался в своих работах на громадный исторический материал. Но и он вследствие особенностей своего исторического пути и своего метода — о чем речь будет дальше — не только не боролся против склонности наших молодых историков к замене изучения

фактов общими «социологическими» рассуждениями, но, наоборот, культивировал эту склонность.

Особое влияние на развитие нашей исторической науки оказал период внутрипартийной борьбы, которая в особенно острых формах развернулась после смерти Ленина. Борьба партии во главе с товарищем Сталиным против троцкистов, троцкистско-зиновьевского блока, а позже против правых оппортунистов имела громадное положительное влияние на поднятие марксистско-ленинского уровня членов нашей партии, на поднятие уровня их исторических знаний и требований.

Распространяемые в сотнях тысяч экземпляров издание сочинений Ленина и «Об основах ленинизма» Сталина дали широчайшей партийной массе ключ к пониманию Ленина. Изучение ленинских работ показало марксизм в новом свете, бросило новый свет на громадное количество исторических вопросов и могло стать исходным пунктом для нового этапа развития нашей исторической науки.

Но тут отрицательно сказалось то направление, которое дал нашим историкам возглавлявший в то время исторический фронт М. Н. Покровский. Не поняв того, что борьба за генеральную линию партии требует поднятия исторического фронта на новый уровень в освещении всей истории с точки зрения марксизма-ленинизма, Покровский пришел к убеждению, что эта борьба требует сужения фронта, требует только борьбы с уклонами с исторической точки зрения, изучения только наиболее актуальных вопросов в области современной истории, в особенности истории периода империализма и социалистической революции. Но даже когда внутрипартийная борьба касалась исторических вопросов более далекого прошлого, Покровский не сумел удовлетворить потребности в более глубоком изучении истории, которую эта борьба вызывала.

Как известно, Троцкий, обосновывая свою теорию перманентной революции, выступил со взглядами на возникновение царизма, являющимися перефразировкой Ключевского и Милюкова. Правильно отклоняя теорию Троцкого и показывая классовый характер царизма, Покровский сузил задачи историков-марксистов до изучения схем русских дворянских и буржуазных историков. Двухтомник «Русская историческая литература в классовом освещении», изданный под руководством Покровского его учениками, представляет наиболее ценный результат этого периода, ибо он углубляет такие работы Покровского, как «Борьба классов и русская историческая литература», и разрушает исторические легенды дворянских и буржуазных историков. Разрушение этих легенд остается исторической заслугой М. Н. Покровского.

Но разрушение этих легенд означало только расчистку поля для будущих историков-марксистов, обязанных взяться за детальное изучение конкретного исторического процесса в целом; нужна была детальная разработка русской истории. К этому школа Покровского оказалась неспособной, главным образом из-за так называемой схемы Покровского, т. е. из-за созданной им картины исторического развития России. Картина эта—результат применения метода, в значительной мере являющегося вулгаризацией марксизма, — находилась в противоречии с теми результатами, к которым пришел Ленин, блестяще применяя марксову диалектику к русской истории.

По мере изучения сочинений Ленина это становилось более или менее ясным и ученикам Покровского и самому Покровскому, и эти разрушители исторических легенд стали перед задачей—или радикально разрушить легенду Покровского или барахтаться среди развалин, пытаясь склеить их заново. У М. Н. Покровского и его школы на хватало мужества для радикальной ревизии своих взглядов, для возвращения к Марксу и Ленину, и поэтому начался про-

должительный кризис этой школы, наиболее ярким выражением которого была книга С. М. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства феодализма, крепостничества и торгового капитала».

Разрешение спорных вопросов не в ленинском духе, попытки штопания трещин, обнаружившихся в исторической схеме Покровского (смотри его статью «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», журнал «Борьба классов» № 2 за 1931 год), привели к задержке развития нашей исторической науки. Понятно, что как в предыдущие годы (см. работы по развитию монополистического капитализма в России), так и в последние пять лет на историческом фронте производилась полезная работа (тут надо в первую очередь назвать труды по истории заводов, по истории крестьянского движения). Но общего курса русской истории, соответствующего учению Маркса и Ленина, мы не получили.

В области международной истории руководители исторического фронта повернули к изучению новой истории рабочего движения, к разработке истории оппортунизма и дали ряд ценных исследований. Но именно эта часть исторического фронта стала убежищем троцкистов и полутроцкистов, пытавшихся при помощи замазывания ошибок лево-радикальных элементов во II интернационале, а часто даже с помощью непосредственной фальсификации истории большевизма отнять у большевизма роль единственного последовательного борца против оппортунизма.

Письмо товарища Сталина в 1931 году в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» положило конец этой троцкистской контрабанде. Но руководители исторического фронта не сумели выполнить задач, поставленных перед ними письмом товарища Сталина. Даже в области истории современного рабочего движения они ограничились набором исторических иллюстраций к положениям товарища Сталина, не умея дать развернутой картины истории I и II интернационалов. Кроме того все их работы страдали отрывом истории рабочего класса от общей истории и особенно от экономической истории. Еще меньше сумели историки-западники организовать изучение истории Запада вообще и особенно империалистического ее периода.

Опыт китайской революции, дискуссия, вызванная ею и связанная с общей борьбой партии против оппортунизма, дали толчок дискуссии о так называемом азиатском способе производства и о китайском феодализме. Эта дискуссия вместе с дискуссией о крепостничестве и о роли торгового капитала могла иметь очень плодотворное влияние, могла дать правильную марксистско-ленинскую периодизацию истории, нащупать наиболее слабые участки исторического фронта и дать толчок конкретным исследованиям. Из-за ошибок руководителей исторического фронта этого не получилось. Место конкретного изучения истории заняло сопоставление цитат основоположников марксизма-ленинизма, причем обе дискутирующие стороны, размахивая цитатами, забыли обратиться к изучению фактов. Этот схоластический подход не мог привести к окончательному выяснению вопроса о формациях и разработке определенного плана работ.

Рассматривая конкретно результаты развития исторического фронта, в особенности после смерти Покровского, мы можем дать следующую картину этого фронта: в области предьстории, играющей особо важную роль в марксистском понимании истории человечества, наша историческая наука не дала никакого обобщающего труда, ограничившись рядом отдельных ценных работ, особенно в области археологии. В области древней истории мы также имеем ряд ценных работ (например Тюменева по греческой истории), ряд работ о роли восстания рабов, но у нас еще нет обобщающей марксистской работы, которую можно было бы противопоста-

вить работам Моммизена, Белоха, Майера и Фарреро. В области истории Древнего Востока мы имеем работы крупного ученого, профессора Струве, владеющего громадным материалом, но еще не сумевшего последовательно проработать этот материал с точки зрения марксизма. По древней истории Индии, Китая и Японии у нас нет никаких самостоятельных работ.

Дискуссия о феодализме и крепостничестве, которая кончилась правильным отклонением попытки тов. Дубровского создать новую «крепостническую формацию», не дала, однако, никаких ценных обобщающих работ ни по истории феодализма в России, ни по истории феодализма на Западе и Востоке. Работы по истории крестьянских восстаний Разина и Пугачева, изданный Государственной академией материальной культуры сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества» (Москва. 1934 год) надо приветствовать как первые шаги к выполнению этой задачи. К сожалению, наши историки не взялись за разработку истории Золотой Орды, крымских татар, за историю Польши и Швеции, без чего невозможно дать историю России; они не отнеслись серьезно к изучению истории народов СССР.

Что касается истории феодализма на Востоке, то надо указать на работу покойного академика Б. Я. Владимирцева «Общественный строй монголов» (Ленинград. 1934 год), которая несмотря на ее незаконченность представляет крупный шаг вперед в научной трактовке истории монголов и использовании первоисточников. Надо указать также на работы И. М. Рейснера по истории Индии.

Переходя к истории революций у колыбели капитализма, надо указать на отсутствие марксистской разработки нидерландской революции и английской революции. Что касается Французской буржуазной революции, то мы имеем работу Фридлянда «Марат», представляющую значительный шаг вперед по сравнению с его предыдущими работами, ряд работ о Термидоре, ряд работ по истории промышленности во Франции в период революции и реставрации. Но и по сегодняшний день у нас нет работы, дающей цельное представление о Французской буржуазной революции.

История революционных движений в Англии, Италии, Германии, Австрии в период до 1848 года не разрабатывалась самостоятельно нашими историками. Они не разрабатывали также историю утопического социализма, социалистического движения ремесленников. Особенно приходится сожалеть об отсутствии разработки истории крестьянства в тот период. Важнейшие высказывания Маркса и Энгельса о роли крестьянства в 1848 году нашими историками просто повторяются. Ленинское же освещение этого исторического периода и его стратегических проблем, данное в первую очередь в «Двух тактиках», совсем не подвергалось разработке на большом историческом материале.

История революции «сверху», столь важная для понимания отношения буржуазии к демократии, для понимания отношения буржуазии к национальному вопросу, для понимания разницы между революционно-демократическим и либерально-соглашательским путями развития, осталась вне внимания наших историков.

Мы не имеем ни марксистской истории воссоединения Италии, Германии, ни марксистской истории национального вопроса в Австрии и на Балканах. Возникновение современного империализма нашими историками конкретно не изучалось. У нас нет истории ни английского, ни французского, ни германского, ни итальянского, ни американского капитализма. Излагая историю рабочего класса в эти периоды, наши историки повторяют формально марксистско-ленинское учение о роли рабочей аристократии и бюрократии как проводника оппортунистической политики, но не могут

показать эту роль на фоне анализа положения рабочего класса, существующих в нем прослоек, на фоне анализа особенностей социальной структуры каждой империалистской державы. Поэтому вместо конкретной истории II интернационала по странам они в состоянии дать только общую схему.

Наши историки не дали общей истории империалистической войны.

Научно не разработаны послевоенная история капиталистических стран, колониальных стран, история СССР, история Коминтерна. Мы имеем целый ряд публицистических работ в этой области, но нет ни одной работы, показывающей в полной конкретности кризис капитализма, рисующей историю отношений классов, взаимные отношения империалистских держав и их отношение к колониальному миру и к СССР. Достаточно указать, что наши историки даже не попытались дать историю фашизма.

Характерным образцом всех недостатков наших историков, занимающихся послевоенной историей, является работа Серебрянского о послевоенной истории, написанная в качестве третьего тома учебника «Новой истории» Фридлянда, Лукина и других. Автор не умеет, во-первых, показать подоплеку и фон этой истории, а именно неравномерность развития послевоенного капитализма и его загнивание: он дает по главам сведения о состоянии производства, о безработице, но никакого цельного образа, характеризующего эти противоречия, он дать не в состоянии. Читатель не видит роста капиталистической монополии при одновременном суживании мирового рынка, не видит роста техники, не укрепляющего капитализм, а, наоборот, увеличивающего его противоречия; читатель не видит, как одновременно с общим ростом эксплуатации рабочего класса загнивающий капитализм в ряде стран (особенно в Англии и Германии) пытается путем уступок в пользу одной части рабочего класса удержать массы от революции. Поэтому становится непонятным, как могла социал-демократия сохранить влияние на большинство рабочего класса.

Показывая загнивание демократии, парламентаризма, автор не умеет одновременно показать, что, например, веймарская демократия была шагом вперед по сравнению с вильгельмовским режимом и что поэтому несмотря на удары, которые она наносила авангарду пролетариата, вызывая в нем глубокую ненависть, ее поддерживали отсталые массы пролетариата.

Недооценка буржуазной демократии приводит к непониманию того перелома, который означает для широких масс рабочего класса смена хотя бы убудочной буржуазной демократии в Германии и Италии фашизмом. Поэтому читателю остается непонятным новое применение Коминтерна на VII всемирном конгрессе тактики единого фронта.

Исходя из схемы, в которой имеют место только пролетариат и крупная буржуазия, автор не может показать роли мелкой буржуазии как союзника пролетариата или как пушечного мяса для фашизма.

Отсутствие конкретного показа методов колониальной эксплуатации, их роли в сохранении капитализма мешает автору дать убедительную картину роли колониального вопроса. Для характеристики отношения автора к крестьянскому вопросу достаточно указать, что у него в послевоенной истории отсутствует показ попыток создания самостоятельных крестьянских правительств, что, например, история болгарского правительства Стамбулийского, имеющая для нас такое громадное показательное значение, не излагается в книге.

Мы подробно остановились на этой работе Серебрянского, ибо она является примером того, что недостаточно на словах отрицать люксембургизм, чтобы дать марксистско-ленинскую историю.

Результаты работы историков-марксистов в области истории ВКП(б), работы, имеющей такое громадное значение не только для нас, но и для всего международного пролетариата, тоже неудовлетворительные. Под

влиянием критики товарища Сталина исчезли вылазки троцкистских контрбандистов, устранена отсебятина. Но недостаточно, что наши историки, опираясь на Ленина и Сталина, дают нам в пересказе в общем правильно историю партии. Мы не говорим уже о том, что налицо — отрыв истории партии от анализа движения пролетариата, от истории России, и часто кажется, будто история величайшей в мире революционной партии состояла из одних резолюций. Еще важнее то, что в изучении фактов из прошлого нашей партии историки мало подвинулись за пределы уже известного. Как красочно говорит об этом недостатке то обстоятельство, что пришлось взяться за работу секретарю ЦК КП(б) Грузии тов. Берия, человеку, занятому 13 часов в сутки практической работой, чтобы откопать важнейшие документы о роли товарища Сталина в возникновении социал-демократического движения в Закавказье, документы, имеющие громадное историческое значение! А сколько таких документов имеется в архивах!

Только теперь опубликованы материалы о том, как тов. Киров, этот талантливейший большевик, проводил самостоятельно и искусно в 1918 году линию Ленина на Кавказе, зажатым между очагами контрреволюции, применял тактику единого фронта с мелкобуржуазной демократией. Эта тактическая подвижность Кирова есть образец того, как рано ученики Ленина учились самостоятельно маневрировать в сложной обстановке. Таких образцов в истории партии много, но мы их не знаем.

Дело не в том только, что мы должны знать действительную роль великой когорты ленинских учеников — незачем доказывать политическое значение этого знания, — а в том, что без этого конкретного знания развития борьбы, развития каждого из крупных большевистских вождей (и историю нашей партии делали конкретные люди) история нашей партии выступает не такой богатой мыслью, подвигом, какой она действительно была.

Надо указать на отсутствие даже попыток проследить, как город за городом, область за областью большевики в борьбе с меньшевиками и т. д. завоевывали большинство рабочего класса. Эта сторона истории нашей партии еще не затронута, а ведь без этого не видно, как правильная политика Ленина и Сталина собирала, сплачивала пролетариат вокруг нашей партии.

Наиболее важный шаг вперед в работе наших историков-марксистов в области русской истории и истории ВКП(б) — это первый том «Истории гражданской войны в СССР». Он сделан не только по инициативе, но и под непосредственным руководством товарища Сталина. Эта работа показывает, какое богатство нового материала спит в пыли архивов, сколько нового света этот материал может бросить даже на самые важные и поэтому самые знакомые страницы нашей истории. Он показывает, сколько может дать коллективная работа под правильным руководством.

II

Неприглядная картина исторического фронта (не зная всех книг, появившихся у нас по истории за последнее время, я упустил, быть может, ряд явлений, которые смягчили бы эту картину) ставит вопрос: что же дальше?

Общий ответ на этот вопрос мы найдем у Фридриха Энгельса в его письме к Конраду Шмидту (5 августа 1890 года):

«Вообще для многих более молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит звуком, который применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не

рычаг конструкции на манер гегелианства. Всю историю надо начать изучать сызнова. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногих людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна массовая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может много создать и отличиться. Вместо этого фразеология исторического материализма (а все можно сделать фразой) служит многим немцам из молодого поколения только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма небольшие, исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках) и далее храбро двигаться вперед»¹.

Первое, что надо потребовать от наших историков, — это чтобы они перестали считать марксизм-ленинизм «универсальной отмычкой», чтобы они взялись за разработку всей совокупности исторического материала с той тщательностью, с которой его изучали Маркс, Энгельс, Ленин, с той тщательностью, которой требует от нас Сталин.

Объектом работы наших историков должен быть весь исторический процесс в целом. В известные моменты интересы борьбы против наших классовых врагов могут требовать концентрации сил на определенном участке исторического фронта, но никогда мы не должны забывать, что в мировом масштабе существуют еще почти все исторические уклады и что поэтому большевики могут быть вооружены для решения международных задач, только изучая все исторические уклады, т. е. всю историю.

Изучение это не может быть предоставлено самотеку. Пролетариат не может решить ни одной своей задачи без общего плана. В данном случае нужен план исторических исследований, разработанный нашими историческими научными учреждениями, и мы должны расставить силы наших историков для выполнения этого плана так же, как мы это делаем для решения всякой другой задачи. Создание такого плана и правильная расстановка наличных подготовленных сил наших историков, подготовка кадров историков под углом зрения выполнения этого плана позволят в продолжение нескольких лет преодолеть недостатки нашего исторического фронта и поднять этот фронт на требуемую высоту.

Но выполнение этой задачи, намечение плана исторических работ и проведение его в жизнь требуют ликвидации того наследства Покровского, которое задержало развитие исторического фронта и способно его задерживать в дальнейшем. Чтобы понять, о чем идет речь, надо дать себе отчет в том, что являлось источником ошибок Покровского.

М. Н. Покровский складывался как историк не в рядах большевистской партии, а в среде левых демократических историков, чувствующих ненаучность дворянско-буржуазной историографии, всей ее философии, роли «героев» в истории вообще, роли государства и царей в частности. Он был демократическим историком, не имеющим понятия о марксизме, а затем примкнул к «легальному марксизму». Опираясь вначале на позитивистическую философию и в дальнейшем на марксизм, Покровский, Рожков и другие молодые историки, складывавшиеся в период революции 1905 года и считавшие себя марксистами, противопоставляли субъективной истории помещичье-буржуазных историков значение развития обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 372. Партиздат. 1932 (разрядка моя. — К. Р.).

ства на основе развития производительных сил. Но Маркса они воспринимали через схему Богданова, а не через диалектику Ленина. Поэтому место диалектического материализма у них занял так называемый экономический материализм. Дело шло не о другом названии во избежание цензурных трудностей, как пытается представить это Покровский, а о содержании, отличающемся от диалектического материализма, от марксизма. Покойный Покровский сам сказал в 1930 году в докладе «Ленинизм и русская история»:

«Вы знаете очень хорошо, что «экономический материализм» — это был цензурный термин для марксизма, такая цензурная наклейка, которой мы пользовались в дни первой революции. Я тогда назвал свою брошюру «Экономический материализм» именно потому, что ни марксизма, ни даже исторического материализма, по всей вероятности, цензура не пропустила бы. Она уже разбиралась в терминах. Почему этот термин был приемлем? Потому, что это — марксизм минус диалектика, т. е. марксизм минус революция (значит дело не в цензурном названии, а в выхолащивании марксизма, в лишении его живой революционной души! — К. Р.). Такая чисто экономическая интерпретация исторического процесса сама по себе приемлема для любого буржуа, и она была приемлема для царской цензуры. При такой постановке марксизм оказывался «одним из течений» в объяснении исторического процесса. Есть разные течения, это — одно из течений и больше ничего. Кто прошел через легальный марксизм, тот обычно долго носил на себе след такой установки, известный пережиток, болезненный пережиток этого недиалектического, хотя и материалистического объяснения»¹.

Что это был марксизм минус диалектика, видно не только из работы Покровского против Риккерта, написанной в 1904 году, в которой нет и следа марксистской диалектики, а есть следы махизма, не только из его брошюры об экономическом материализме, написанной в 1906 году, не только из его предисловия к «Новой биологии» Энчмена, написанного уже после Великой пролетарской революции 1917 года, где он усматривает в механическом материализме Энчмена развитие марксизма, но и из того, что Покровский не сумел ни в одной из своих исторических работ освободиться от экономического, механистического материализма, с которым так боролись Маркс, Энгельс и Ленин. Мы покажем это на одном основном вопросе.

В работе «Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия» (напечатана в «Вестнике социалистической академии»), которую он считал теоретическим обобщением своих взглядов и переиздал в сборнике «Марксизм и особенности исторического развития России» (Ленинград, 1925 год), М. Н. Покровский открыто атаковал Энгельса за его борьбу с механистами. Как бы осторожно ни формулировал он свою атаку, она показывает неспособность Покровского понять один из основных вопросов истории, а именно взгляд Маркса — Энгельса на отношение между экономикой и политикой.

«Не только возникновение явлений «идеальной области» обусловлено экономически (Ватерлоо было бы бессмыслицей без англо-французского экономического соперничества), но их последствия хватают лишь так далеко, как позволяют экономические условия.

Все это неоднократно излагал Энгельс в своих других писаниях.

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 267 — 268. Соцэкгиз, 1933 (разрядка моя. — К. Р.).

Повторяю, он восставал лишь против историко-материалистического педантизма, который старался отыскать непосредственно экономическое основание для каждой мелочной (!! — К. Р.) исторической перемены, доводя свой собственный метод до абсурда и помогая противникам делать его смешным. К сожалению, дурное настроение от неудачной критики Морица Вирта у Энгельса не проходило и, приблизительно через месяц (письмо от 21 сентября 1890 г.), он разразился настоящей палинодией, где можно прочесть и упрек «молодым» за то, что они «иногда придавали больше значения экономической стороне, чем следует», и даже фразы, которые при беглом чтении могут быть поняты так, что в деле возвышения Пруссии главную роль играли неэкономические принципы.

Можно опасаться, что письмо Энгельса оказало большую услугу противникам марксизма, нежели книга Пауля Барта. Энгельс был сильно разгневан на Морица Вирта, а гнев — плохой советчик. Но было бы минимумом справедливости прилагать к самому Энгельсу и его высказываниям тот метод, которого он требует от исследователя в применении к сложному комплексу исторических явлений. Нельзя выдергивать отдельное письмо или даже отдельные фразы из письма и утверждать: вот как думал Энгельс. Нужно брать все письмо, — а в нем есть не только то, что нами сейчас отмечено, — и всю совокупность писаний Энгельса на эту тему, — а она совершенно исключает всякую возможность того толкования «неосторожных» фраз письма, которое склонен был бы дать, повторяем, лишь не очень осторожный читатель. Прошел еще месяц, неудача Морица Вирта успела сгладиться в памяти Энгельса, и он (в письме от 27 октября 1890 г.) дает такую великолепную материалистическую характеристику «эпохи открытий», что читать ее — истинное наслаждение после письма от 21 сентября¹.

Борясь против положения Энгельса, что «если материальные условия существования являются основной причиной, то это не исключает того, что идеальные области могут опять-таки оказывать на материальные условия существования обратное, но второстепенное влияние», Покровский доходит до таких «геркулесовых столпов», как недооценка диктатуры пролетариата и советской власти, ибо именно к этому сводится следующая его критика Рожкова; в своих лекциях «Борьба классов и русская историческая литература», читанных в мае 1923 года, Покровский пишет, упрекая Рожкова в том, что он отделяет политический строй от социального:

«Это выделение политического строя на особую ступень, хотя и кажется мелочным, но все же характерно, и особенно оно характерно при свете последних событий, которые сорвали много завес, между прочим и с этого секрета — связи политического и социального лозунга. В «мирные» времена социальный материк власти действительно скрыт для непосвященного взгляда — «под политической надстройкой». Но общественные катастрофы грубо обнажают материк, и мы тогда видим, много ли значат политические формы как таковые. Ну, какую роль играл у нас в 1917 г. лозунг монархии или республики? А лозунг Учредительного собрания? Когда его разогнали, то иные обыватели думали: «Батюшки, что будет — оскорбили народную волю», — а народ даже не почесался. Политический лозунг отступил на задний план, а социальная природа выступила на передний план. Важно было, в чьих руках, в руках какого класса власть, а то, как она

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 169—170 (разрядка моя. — К. Р.).

организована, — вопрос второстепенный. Это дает ключ к целому ряду явлений, например, к тому, почему одна из самых сознательных буржуазных демократий — английская — мирится и с королем и с палатой лордов. Политический момент есть второстепенный, а у Рожкова он равноправный»¹.

Механистичность и метафизичность этого противопоставления экономики как решающей и политики как второстепенной прямо бьют в глаза. Стремление пролетариата России к диктатуре вытекало, понятно, из экономических условий развития России, которые создали монополистический капитализм еще при существовании царской власти как власти полукрепостной; это облегчало союз рабочего класса и крестьянства; экономическое развитие толкнуло царизм на участие в империалистической войне; неспособность же русской буржуазии найти выход из войны, решить вопрос о земле создала благоприятную обстановку для борьбы за диктатуру пролетариата. Но в ноябре 1917 года борьба за диктатуру и завоевание ее пролетариатом совсем не были «второстепенным вопросом», а были решающим вопросом для дальнейшего экономического развития России. В январе 1918 года решение о разгоне Учредительного собрания тоже не было второстепенным вопросом. Вопрос не только о том, в чьих руках находится власть, но и как она организована, оказался вопреки Покровскому не второстепенным, а первостепенным для победы социализма.

Покойный Покровский в последней своей статье «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», пытаясь согласовать свою схему с учением марксизма-ленинизма, признал свою ошибку и в этом капитальном вопросе:

«Наконец, не приходится и этого скрывать, в первых редакциях моей схемы был недостаточно учтен и факт относительной независимости политической надстройки от экономического базиса — позабыты были слова Энгельса: «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) это есть точно так же экономическое могущество... «Экономический материализм» не был еще мною изжит на все сто процентов, когда я писал и «Русскую историю», и «Очерк истории культуры» и даже «Сжатый очерк». Вы увидите, как мне придется теперь на этих же словах Энгельса настаивать (в другой комбинации их повторяет и Ленин), отстаивая мою схему в ее окончательном виде.

Свободна ли эта «окончательная» схема от ошибок. Никак не могу этого обещать. Она свободна от тех ошибок, которые я успел заметить и исправить, но могут быть ошибки, которых я еще не заметил»².

К сожалению, признав эту ошибку, Покровский ударился в другую крайность. В прессе уже цитировалось его сносшибательное откровение, что «при чисто экономическом объяснении при апелляции исключительно к законам экономики, игнорируя все остальное, нельзя было предсказать того, что действительно случилось — что мы прорвемся к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 94 (разрядка моя. — К. Р.).

² Там же, стр. 289 (разрядка моя. — К. Р.).

экономическим законам»¹. Великая пролетарская революция рождена, таким образом, вопреки всяким законам, тем более узко экономическим законам! Мало того, она должна, по Покровскому, нарушать эти законы и в дальнейшем! «Если диктатура пролетариата не может перевернуть «стихийного» экономического развития, — на что диктатура пролетариата? В конце концов законы экономики возьмут свое», — так излагает Покровский взгляды наших противников. И дальше Покровский говорит: «Энгельс и Ленин нам отвечают: не возьмут свое. Политическая власть, — говорит Энгельс —... есть тоже экономическая потенция»².

Покровский не понимает, что диктатура пролетариата есть экономическая потенция потому, что она опирается на мощнейшие экономические интересы, на интересы большинства населения, что она открывает путь производительным силам, находившимся при царизме в тупике. Говоря, что у нас есть все для развития социализма, что нам только недостает культуры, призывая пролетариат к социалистической переделке крестьянства, Ленин не шел наперекор экономическим законам, а опирался на них. Сталин повел рабочий класс на борьбу за индустриализацию и коллективизацию не на основе просто волевого акта, а на основе глубокого понимания экономических интересов и экономических законов. Когда Покровский говорит, что якобы, по Ленину и Энгельсу, «законы экономики... не возьмут свое», то он так же не понимает Энгельса и Ленина, как тогда, когда он делал из экономики самодовлеющую силу, действующую непосредственно, без всяких промежуточных звеньев.

При этом он даже не замечает, что повторяет меньшевистские мелодии; ведь его слова напоминают изречение Отто Бауэра, что диктатура пролетариата есть «насилие над социальными факторами силы» — то изречение, которое так высмеял Ленин на II конгрессе Коминтерна.

Он не замечает, что повторяет крики Данов о том, что пятилетка есть попытка перескочить через законы хозяйства. То, что Покровский приветствовал пятилетку, показывает, что он несмотря на свои ошибки был пролетарским революционером. Но это ничуть не уменьшает вреда, приносимого путаницей в основных его взглядах на историю.

Мы так подробно остановились на трактовке у Покровского одного из основных исторических вопросов — об отношении экономики и политики, ибо отсутствие у него марксистской диалектики, марксистских взглядов в ряде основных вопросов не могло не отразиться убийственно на всех его работах, несмотря на громадные его знания и незаурядный талант. Его «марксизм» был всегда марксизм минус диалектика, ибо для него, ученика Богданова, гегелевская диалектика, поставленная Марксом с головы на ноги, осталась до конца жизни книгой за семью печатями. Поэтому даже когда М. Н. Покровский хотел исправить свои ошибки, он не мог этого сделать, ибо это требовало коренной ломки его мировоззрения, его метода.

Не владея методом марксизма, Покровский не мог дать правильной исторической «схемы» (чего стоит это излюбленное им и его учениками слово!), ибо вместо марковского учения о формациях он усвоил учение Богданова. Его ошибка в вопросе о роли торгового капитала не была частичной ошибкой, — она вытекала из его немарксистской методологии. Так как об этом вопросе у нас писалось неоднократно, мы можем на нем задержаться очень коротко. В своих лекциях о борьбе классов и русской исторической литературе Покровский

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 269.

² Там же, стр. 271.

поставил пресловутый «торговый капитал» в центре русской истории. Он писал:

«Если вы подойдете с этим ключом к Карамзину, вы не только поймете его «Историю», поймете, почему «торговый капитал», о котором ни слова не говорится в «Истории», вел эту «Историю» к соби- ранию земли, но вы поймете и физиономию Карамзина, как обществен- ного типа, вы поймете, почему он был сторонником крепостного пра- ва, почему он был противником освобождения крестьян: потому что торговый капитал у нас в России создал барщинное хозяйство как средство выжимать из крепостных крестьян прибавочный продукт для рынка. Торговому капиталу необходим был аппарат в виде крепостно- го права,—торговый капитал был настоящий царь, который стоял за коронованным, в сущности, призраком, или, если хотите, за коронованным манекеном, был настоящей руководящей силой, которая создала и русскую империю и крепо- стное право»¹.

Поставив в центре своей схемы так называемый торговый капитал как властелина и рассматривая феодально-крепостное правительство как приз- рак, Покровский, понятно, не мог не запутать всех исторических вопро- сов. Попытка объявить эту «схему» в основе ленинской, пожертвовав толь- ко словами «торговый капитализм», как он это сделал в предсмертной статье, не могла ничего исправить, а вносила только новую путаницу. Не- обходимость полной ликвидации этой схемы и восстановления тех вех, которые установил Ленин в своих работах по рус- ской истории, выступает с полной очевидностью при разборе послед- ней попытки Покровского спрятаться за Ленина.

«Та концепция русской истории,—пишет Покровский,—которую я выше назвал марксистской, в основном, конечно, никогда не расходилась с ленинской — иначе был бы совершенно непонятен отзыв Владимира Ильича о «Русской истории в самом сжатом очерке», книге, где в очень популярной — именно поэтому очень заостренной—форме эта концепция изложена. Но совершенно ясно, что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения этой концепции звучали весьма не по- ленински, а иногда были попросту теоретически ма- лограмотны. Так например безграмотным является выражение «торговый капитализм»: капитализм есть система производ- ства, а торговый капитал ничего не производит»².

Попытка Покровского отказаться от ряда формулировок и «безграмот- ных выражений» не может заслонить того факта, что все его исторические работы пронизаны не марксистскими экономическими понятиями, а эконо- мическими понятиями Богданова. И так же, как Покровский не усвоил мар- ксистского учения об экономических формациях, он не усвоил ленинско- го учения об империализме. Поэтому его работы по истории внешней политики, несмотря на то что в них использован богатейший материал, чужды ленинизму.

Когда Покровский утверждает в своей работе «Русский империализм в прошлом и настоящем», что «России первой половины XIX в. был знаком империализм в самом подлинном его виде»³, то это определение не

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I, стр. 28 (разрядка моя.—К. Р.).

² Там же, стр. 287.

³ М. Н. Покровский «Дипломатия и войны царской России в XIX столе- тии», стр. 383. Москва. 1924.

имеет ничего общего даже с теми понятиями об империализме, которые существовали во II интернационале перед войной. Но когда он в 1924 году пишет, что концепции Гильфердинга и Ленина различны в «чрезвычайно существенных деталях», и утверждает, что до прочтения рукописи ленинского «Империализма» он «отрицал империалистический характер войны по Гильфердингу»¹, то мы видим, что он не понимал в 1915 году войны и «по Гильфердингу», ибо она была и по Гильфердингу империалистической, так же как не понимал в 1925 году, что между ленинской теорией империализма и теорией Гильфердинга разница не в «существенных деталях», а в основе.

Неправильный метод, механистический подход к историческим явлениям—все это, понятно, должно было отразиться очень отрицательно даже на лучших исторических работах Покровского. Покровский был историком громадного знания и блестящего писательского таланта. Достаточно прочесть портреты трех Александров в «Большой советской энциклопедии», чтобы понять, какую красочную, живую историю России мог бы он написать, если бы не был связан по рукам и ногам механистическим методом. Но раз история является просто результатом механически действующих экономических сил, то какой интерес у историка может быть к изображению людей, которые эту историю делали, их чаяний, их чувств, их идеологии, — коротко, всего того, что входит в так называемую гражданскую историю? Как тот анекдотический ученик, который на вопрос: «кто была Екатерина II?», ответил: «продукт»,—так и наш историк довольствуется тем, что вся гражданская история есть «продукт торгового капитала».

Исчезает громадная фигура Петра I, помещичьего царя, который в лампадном смраде царских теремов сумел не только сохранить свой острый ум, но и понять значение физического труда, больше того — подняться на неслыханный для царского сына подвиг — учиться этому труду. Наше отношение ни к феодализму вообще, ни к русскому царизму в частности не требовало ни на момент отказа от понимания величины этой исторической фигуры. Покровский же оставил из нее только жестокость и сифилис, так как в его концепции нет места живым людям. Поэтому Ломоносов, Радищев у него появляются как неясные тени на экране, поэтому, посвятив столько труда изучению декабристов, он в них увидел, в конце концов, только еще одну иллюстрацию роли торгового капитала.

«Какие были объективные корни всей этой истории? — спрашивает он. — Тут нам приходится с этих высот (дело идет о заговоре декабристов и их трагической гибели.—К. Р.) ...спуститься довольно глубоко к факту чрезвычайно тривиальному. Этим тривиальным фактом, который лежит в основе первой сознательной революции против самодержавия, какая была в России, первой попытки низвергнуть самодержавие, — этим тривиальным фактом был русский хлебный вывоз»².

Индустриальный переворот в Англии увеличил хлебный вывоз России, особенно после наполеоновских войн.

«Вывоз пшеницы — и то же самое с рожью и со всеми другими хлебами — рос с катастрофической быстротой. Он в пять раз вырос на протяжении четырех лет... и как раз в эти самые годы начинают расти, как грибы, тайные общества. Два факта, которые нельзя не сблизить между собой»³.

¹ М. Н. Покровский «Марксизм и особенности исторического развития России», стр. 138—139. 1925.

² М. Н. Покровский «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», стр. 14. 1927.

³ Там же, стр. 14—15.

Что об этом сказать? Понятно, что декабристы не с неба упали, а рождены историей русского общества, через товарное и денежное хозяйство развивавшегося в феодальной оболочке к капитализму. Русский вывоз хлеба, льна и пеньки, наверное, сыграл свою роль в подготовке движения декабристов. Но в этой подготовке сыграли громадную роль и наполеоновские войны, все то, что русское дворянское офицерство видело в Европе, все то, что оно пережило в годы наполеоновского нашествия и в последующие годы. Между скачком русского вывоза после наполеоновских войн, желанием прогрессивных помещиков создать более благоприятные условия для этого вывоза через ликвидацию крепостного права и восстанием декабристов, наверное, меньше связи чем между обострившейся после победы над Наполеоном аракчеевской реакцией и заговором декабристов. Прогрессивное дворянство лелеяло надежды на реформы после изгнания Наполеона. Эти иллюзии были разбиты, и тогда наиболее чуткие, наиболее отзывчивые из дворянских либералов прибегли к заговору. Известное влияние оказали испанские и греческие события.

Роль экономики в заговоре декабристов очевидна, но она выражалась через множество посредствующих звеньев. Если из роста вывоза пшеницы и полезности устранения крепостного права для прогрессивных помещиков так непосредственно вытекало вооруженное восстание, то непонятно, почему этого восстания не подняли прогрессивные помещики в продолжение следующих 30 лет, отделяющих их от крестьянской реформы? Покровский знал это великолепно и говорил в других работах; но там, где он давал простор своему вульгарному механистическому методу, он доходил до несуразностей, компрометирующих марксизм, — их можно найти в сочинениях Покровского сотни. Все они вытекали из механистичности усвоенного им метода, которым были парализованы блестящий талант и большие знания этого историка.

Нашим историкам предстоит ликвидировать наследие Покровского не только через отречение от того или другого его неверного взгляда, а через глубокое усвоение марксовой диалектики и марксистско-ленинского учения об исторических формациях.

Не случайно Покровский и его ученики не принимали никакого участия в дискуссии на философском фронте, которая касалась основ марксовой диалектики; не случайно «Историк-марксист», главный журнал нашего исторического фронта, даже не считал нужным информировать своих читателей о борьбе на философском фронте. Весь исторический фронт был воспитан Покровским в полном методологическом нигилизме. Теперь дело идет не только об исправлении частичных ошибок, а о марксистско-ленинском философском воспитании наших историков.

Всемирную экономическую историю Покровский заменил схемой, и ликвидация ошибок схемы Покровского здесь не исчерпывает вопроса, а только открывает путь для усвоения марксистско-ленинского учения о формациях и для разработки громадного исторического материала при помощи этого учения.

III

Ближайшая наша задача — выполнить поручение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по составлению учебников, отвечающих марксистскому пониманию истории и той роли, которую играет история как наука в марксистско-ленинском воспитании молодежи. Именно выполняя эту задачу, мы сумеем конкретно нащупать проблемы, над которыми должен работать наш исторический коллектив, наметить новые задачи и составить план их решения.

Мы должны овладеть большим историческим материалом и поднять наш исторический метод к тем высотам, на которые подняли его Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Овладение материалом и методом — неотделимые друг от друга задачи. Овладение методом может быть плодотворно только в непосредственной связи с изучением материала.

Марксистско-ленинский метод можно понять, только изучая работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В том, как Маркс создает свои экономические категории, уясняется метод Маркса не менее чем во вступлении «К критике политической экономии». В том, как Ленин изучает развитие капитализма в России, возникновение империализма или как он анализирует форму, в которой исторически осуществилось его учение о революционно-демократической диктатуре рабочих и крестьян, — не менее уясняется метод марксистско-ленинской диалектики чем в его методологических замечаниях о Фейербахе, о диалектике Гегеля.

Изучение методологии Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина невозможно изолированно от изучения всего их наследства. Но это не значит, что не нужно изучение этого наследства особенно под философски-методологическим углом зрения. Покровский писал в 1930 году: «А у нас историческим материализмом занимаются кто угодно, но всего меньше — историки по профессии»¹. Без серьезной разработки проблем диалектического материализма нельзя создать кадров историков, сознательно владеющих марксистско-ленинским методом.

Без глубокого изучения всех работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина нельзя наверстать упущенное нашим историческим фронтом. Метод Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, примененный к совокупности исторического процесса, даст нам громадные новые результаты. Этот метод позволил Сталину не только правильно наметить великий новый этап социалистического наступления, но и выработать тактику, точно учитывающую соотношение сил, и намечать каждое очередное звено, за которое надо было ухватиться пролетариату, чтобы в продолжение нескольких лет привести страну нашу к тем победам, к той мощи, которые позволяют нам сказать, что страна неповская, какой оставил ее Ленин, превратилась в страну социализма.

Блестящее овладение марксистским методом позволило Ленину, как и Сталину, поставить важнейшие исторические вопросы, а правильная постановка вопросов — это ведь и ответ на них! Поэтому так комично звучит теперь то место из речи покойного Покровского на I всесоюзной конференции историков-марксистов, где он спрашивает: «Были ли Ленин специалистом по русской истории?» и отвечает: «Нет, не был»². Покровский больше всего в жизни ненавидел профессоров, но в такой постановке вопроса и в ответе на него — весь старый профессор, как его мать родила. Ленин, автор «Развития капитализма в России», видите ли, — не специалист по русской истории! Ленин был бы величайшим специалистом по русской истории, даже если бы он не написал ни одного специально исторического исследования, ибо все его политические работы пронизаны глубочайшим пониманием всех основных вопросов русской и всеобщей истории. То же самое относится к Сталину. Всякий, кто исторически продумал хотя бы сталинские «Об основах ленинизма», может заявить всем профессорам, вместе взятым: вы бились над вопросом о том, самобытна ли история России, или она развивалась на основе общих законов человеческой истории; вы запутывались в этом вопросе в продолжение десятилетий. Все ваши ответы сбиваются либо на отрицание своеобразия русской

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 348. (разрядка моя. — К. Р.).

² М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 283.

истории либо на отрицание того факта, что Россия развивалась на основе общих законов истории. Сталинский ответ на вопрос, почему в России победил большевизм, является образцом применения марксистско-ленинской диалектики, образцом показа того, как общеисторические законы должны были пробить себе путь в особенных условиях русской исторической действительности.

Когда китайская революция и борьба оппозиции поставили ряд принципиальных вопросов по очень мало известной, не разработанной истории Востока, ответ Сталина на вопрос о соотношении китайского феодализма и роли торгового капитала (ответ, который по существу ликвидировал всю историческую схему Покровского с ее неправильным решением вопроса об отношении торгового капитала к феодализму)¹ был дан Сталиным на основе применения марксистско-ленинского учения об экономических формациях к тому скудному материалу, который был тогда известен. Все дальнейшее изучение китайской истории только подтверждает правильность сталинской постановки вопроса и ответа.

Ленин, лучший ученик Маркса, и Сталин, лучший ученик Ленина, благодаря мастерскому овладению учением основоположников марксизма и его дальнейшему развитию,—в состоянии одновременно и руководить исторической борьбой пролетариата и бросать яркий свет на историческое прошлое человечества, ставя важнейшие вопросы перед «историками-специалистами» (в узком смысле этого слова, т. е. перед людьми, посвящающими свои силы в первую очередь изучению истории).

На основе учения Маркса и Ленина, под руководством Сталина мы должны проделать большую, плодотворнейшую работу, выполняя указания, данные Центральным комитетом партии. Много лет партия, занятая решением основных экономическо-политических вопросов, не могла посвятить достаточно внимания работе историков-марксистов. Теперь, когда партия дала основные указания, все историки должны с величайшей энергией взяться за работу, зная, что среди них нет ни одного, который бы в своих работах не совершил тех или других ошибок. Необходима величайшая самокритическая честность каждого работника нашего исторического фронта по отношению к совершенным ошибкам, необходимо понимание того, что партии нужно не голое формальное признание этих ошибок, а овладение марксистско-ленинским методом и разработка при помощи этого метода гор исторического материала, ждущих нас, не тронутых до сего времени рукой историка-марксиста.

Эту работу мы должны проделать дружно, коллективно, совместно, по выработанному плану, исправляя друг друга и участь у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина—наших руководителей на историческом фронте, как и на всех других фронтах классовой борьбы.

¹ Сталин. Беседа со студентами университета им. Сун Ят-сена 13 мая 1927 года.

Борьба в правящем лагере Японии

26 февраля 1936 года в Токио произошло выступление фашистской военщины, в результате которого было, по утверждениям английской печати, убито около 80 человек, в числе которых министр финансов Такахаши и хранитель императорской печати, бывший премьер, виконт Сайто.

Эти события чрезвычайно ярко иллюстрируют остроту внутренней борьбы, происходящей в лагере японских правящих классов, и остроту классовых противоречий в стране, что, в частности, нашло свое выражение в состоявшихся недавно парламентских выборах.

Политические убийства не являются редкостью в Японии: за короткий сравнительно промежуток времени — 1931—1932 годы — в Японии были убиты премьер-министры Хамагути, Инукаи, министр финансов Иноуэ и еще ряд лиц, принадлежавших к узкой правящей верхушке японской буржуазии. В 1935 году крупной сенсацией явилось убийство генерала Нагата, занимавшего руководящее положение в военном министерстве.

Уже простой перечень этих фактов показывает, что внутренние противоречия в правящих классах Японии проявляются с особой резкостью.

Определяя расстановку важнейших политических сил в правящем лагере Японии, можно установить в основном борьбу двух политических тенденций, сталкивающихся на политической арене.

Эти две политические тенденции воплощены, во-первых, в так называемом военно-фашистском движении, которое стремится захватить господствующие позиции, и, во-вторых, в умеренно консервативном реакционном лагере, который расходится с военно-фашистским лагерем лишь в отношении сроков проведения фашистской внешнеполитической программы.

Военно-фашистское движение в Японии имеет своей базой армию и в особенности так называемое молодое офицерство, идейно возглавляемое генералом Араки. По своему социальному составу это молодое офицерство в значительной мере представляет средних и мелких помещиков, а также городскую мелкую буржуазию, которые недовольны тем, что всеми материальными благами военно-инфляционной конъюнктуры безраздельно пользуется монополистический капитал, и которые болезненно ощущают на себе воздействие экономического кризиса. За последнее время с полной ясностью обнаружилась связь этого военно-фашистского лагеря с отдельными группировками крупного финансового капитала (концерн Кухара).

Антикапиталистические лозунги, щедро разбрасываемые японскими фашистами, должны служить прикрытием того, что на деле фашисты служат кровным интересам самых реакционных кругов буржуазии. Программа внешней агрессии, проведение политики новых колониальных захватов и, в частности, реализация планов антисоветской войны являются основными в политической платформе японского фашизма. Но именно это направление военно-фашистских авантюристических замыслов в полной мере соответствует сокровенным интересам японской империалистической буржуазии.

Поэтому, позволяя себе антикапиталистическую демагогию во внутренних вопросах, доходя до террора против видных представителей господствующих классов, японский фашизм остается слугою самых реакционных слоев финансового капитала, проводником его разбойничьей агрессивной политики.

Кроме мелких помещиков и мелких буржуа фашистская часть японской военщины привлекает на свою сторону определенные слои офицерских и унтер-офицерских кадров, которые недовольны медленностью «продвижения» по службе в мирных условиях и засилием старого генералитета, занимающего все лучшие посты в силу своих сословных связей.

Не все японские военные разделяют фашистскую идеологию генерала Араки. Среди старого генералитета и среди более трезвых и осторожных офицеров есть немало людей, которые понимают всю опасность войны с Советским союзом для судеб империалистической Японии. Внутри японской армии имеется группа военных, более или менее открыто выступающих против аракистов, т. е. не считающих целесообразным сейчас установление военно-фашистской диктатуры и немедленное начало антисоветской военной авантюры. Эту группировку идейно возглавляет отставной генерал Угаки, занимающий пост генерал-губернатора в Корее. К ней принадлежат члены Высшего военного совета генералы Тераути и Абэ.

Имеется и промежуточная группа, которая не идет целиком за Араки, но в то же время враждебно относится к старому генералитету и тоже настаивает на «очищении армии от сословных связей», выставляя программу более смелого и решительного выдвижения «молодежи». К этой группе относятся генерал Коиси (командующий войсками в Корее) и генерал-лейтенант Татекава.

Следует еще упомянуть о так называемой нейтральной группе военных, или «группе контроля», которая исходит из тех взглядов, что армия не должна непосредственно вмешиваться в политику, дабы избежать внутренней борьбы, ведущей к ослаблению дисциплины и боеспособности армии. Выразителем взглядов этой группы является генерал Хаяси, бывший военный министр в кабинете Саито и Окада, назначенный на этот пост после вынужденного ухода Араки, в январе 1934 года.

Хаяси считался одним из крупных генералов, имеющих репутацию «беспристрастного» вождя армии. Вместе с тем он не занимал враждебной позиции к Араки, и последний сам рекомендовал его кандидатуру как наиболее приемлемую в той обстановке, которая привела к уходу Араки. Со своей стороны и умеренно-консервативный лагерь принял эту кандидатуру благожелательно, имея в виду сравнительную умеренность Хаяси.

Однако в дальнейшем Хаяси, проводя свою линию на повышение дисциплины и единства армии, стал противодействовать работе нелегальных организаций фашистской военщины и с этой целью предпринял ряд перемещений в командном составе. Особое значение имело увольнение командира 2-й дивизии Хата, виднейшего организатора нелегальных фашистских организаций в армии, ближайшего соратника Араки. Это увольнение вызвало резкий конфликт в высшем командовании. Главный инспектор военного образования (один из трех руководящих постов японской армии наряду с начальником генштаба и военным министром) Мадзаки отказался санкционировать увольнение Хата, и тогда Хаяси настоял на увольнении Мадзаки, вместо которого был назначен Ватанабэ, «нейтральный» генерал, также убитый фашистскими заговорщиками 26 февраля 1936 года.

Обострение борьбы привело летом 1935 года к новому террористическому акту со стороны фашистских групп (убийство ближайшего соратника Хаяси генерал-майора Нагата), и Хаяси был вынужден уйти в отставку. На пост военного министра был назначен генерал Кавасима, пользующийся репутацией «умеренного» соратника Араки.

Таким образом, в политическом отношении японская армия (как и флот) не едина. Но тем не менее в армии задают тон фашистские элементы, и по целому ряду вопросов агрессивная военщина выступает единым фронтом против умеренно-консервативного лагеря, до событий 26 февраля преобладавшего в правительстве.

Если опорой военно-фашистского движения в Японии является армия, то противостоящий ему умеренно-консервативный лагерь состоит в основном из представителей крупной бюрократии, дворцовых сановников и крупных банковских деятелей, занимающих командное положение в правящем буржуазно-помещичьем блоке.

Весьма характерна, например, фигура убитого фашистами Такахаши, 82-летнего старца, занимавшего пост министра финансов в правительстве Окада, но фактически руководившего и правительством и всем умеренно-консервативным лагерем.

Такахаши родился в 1854 году в семье рядового самурая (дворянина, принадлежащего к воинскому сословию). Почти вся его жизнь проходила непосредственно на службе у финансовых магнатов Японии. Он служил почти во всех крупнейших банках Японии и в течение многих лет руководил Государственным японским банком. Выполняя самые ответственные поручения японской буржуазии, Такахаши имел широкие связи в среде международных банкиров и, в частности, содействовал получению Японией иностранных займов на военные цели. Впервые став министром финансов в 1913 году, Такахаши в течение многих лет руководил финансовой политикой японского империализма и являлся наиболее авторитетным лидером старейшей буржуазно-помещичьей партии сейюкай.

Когда военно-фашистские круги, добиваясь передачи им полноты власти, осуществили в 1931—1932 годах ряд террористических актов против видных представителей правящего лагеря и для разрядки атмосферы был создан внепарламентский кабинет во главе с Саито (имевшим репутацию «нейтральной фигуры») с участием вождя фашистской военщины Араки,— в этот кабинет в качестве непосредственного представителя финансовых кругов вошел Такахаши. Он стал активно сопротивляться домогательствам военного министра Араки, настаивавшего на ускорении начала антисоветской войны. Такахаши утверждал, что без финансовой и солидной дипломатической подготовки Япония не должна рисковать началом войны.

Недовольство военщины якобы умеренной политикой правительства Саито, осуществлявшего курс постоянного лавирования между требованиями агрессивных элементов и соображениями осторожности, привело к взрыву кабинета в результате обвинения трех его членов во взяточничестве. Пришедшее на смену (летом 1934 года) правительство адмирала Окада продолжало в основном политическую линию Саито. Первоначально Такахаши, вождь умеренно-консервативного лагеря, не вошел в кабинет Окада. Когда же выяснилось, что его преемник на посту министра финансов не в силах противостоять постоянному нажиму военщины, Такахаши в конце 1934 года снова лично вступил в правительство и взял на себя фактическое руководство всей его политикой.

Другой убитый фашистами представитель умеренно-консервативных кругов — виконт Саито, отставной адмирал, который еще в бытность свою на действительной военной службе и в качестве морского министра установил близкие отношения с магнатами судостроительной промышленности Японии, также пользовался большой популярностью в так называемых деловых кругах. Дважды занимая пост генерал-губернатора Кореи, Саито проявил себя энергичным колониальным «администратором». Когда буржуазии пришлось подыскивать фигуру на пост премьера взамен убитого фашистами «партийного премьера» Инукаи, кандидатура Саито оказалась

наиболее подходящей, так как, будучи формально беспартийным и принадлежа к военной касте, он мог до известной степени импонировать реакционной военщине. Однако политика компромиссного правительства Саито, внутри которого и разыгралась впервые борьба между лидером фашистов Араки и Такахаси, не могла удовлетворить агрессивную военщину, поставившуюся дискредитировать отдельных членов кабинета Саито, что привело к падению этого кабинета.

В конце 1935 года Саито был призван на высокий государственный пост хранителя императорской печати — фактически главного советника императора по важнейшим политическим делам. Это назначение Саито последовало в результате вынужденного ухода его предшественника графа Макино, который оказался не в состоянии выполнять свои функции ввиду крайне испорченных отношений с фашистской военщиной. Но, конечно, с точки зрения последней, Саито был отнюдь не лучше чем Макино. И, несомненно, устраняя Саито, фашистские заговорщики целили в одну из наиболее видных фигур правительственного лагеря.

Убийства 26 февраля произошли через два дня после опубликования результатов выборов в нижнюю палату японского парламента, которые на этот раз имели серьезное политическое значение.

Дело в том, что начиная с 1932 года, т. е. с того момента, как были устранены правительства парламентского большинства (убитый фашистами 15 мая 1932 года премьер-министр Инукаи возглавлял ненавистное фашистам «партийное правительство», опиравшееся на партию сейюкай, обладавшую подавляющим большинством в парламенте), соотношение сил политических партий совершенно не принималось в расчет при формировании так называемых надпартийных, национальных кабинетов Саито и Окада. Напуганные фашистами и дискредитированные в массах, основные буржуазно-помещичьи партии воздерживались от каких-либо претензий на активное вмешательство в политическую жизнь страны.

Партия минсейто, отражающая интересы банков и тяжелой промышленности, оказывала постоянную поддержку «надпартийным» кабинетам и даже участвовала в их составе.

Партия сейюкай, которая также отражает интересы определенных групп финансового капитала, но в большей степени чем минсейто связана с помещиками, занимала позицию враждебного нейтралитета по отношению к последнему правительству Окада, и отдельные члены сейюкай, пожелавшие остаться министрами, формально вышли из партии. Несмотря на то что партия сейюкай имела подавляющее большинство в нижней палате японского парламента до момента последних выборов, она не рисковала голосовать против правительства, будучи не в силах претендовать на власть, опираясь только на парламентское влияние. Лишь с конца 1935 года, по прямой инициативе крупного капиталиста Кухара, представляющего те слои монополистического капитала, которые полностью поддерживают фашистов, эта реакционная партия решила «забыть», что против нее был направлен фашистский путч в мае 1932 года (приведший к убийству Инукаи), и взять на себя защиту военно-фашистской политической программы.

Такой программой послужили требования военно-фашистских кругов об ускорении нападения на СССР, о проведении политики широкой инфляции в целях финансирования большой войны, о расширении вооружений и о борьбе с так называемыми либеральными антигосударственными теориями, которые выдвигаются сторонниками конституционной политики против идеи военной диктатуры.

Партия сейюкай не впервые устанавливала контакт с реакционной военщиной. В 1925 году на пост лидера сейюкай был приглашен один из

наиболее реакционных представителей агрессивной японской военщины, генерал Танака (автор «знаменитого» меморандума о всемирных планах японской агрессии). Под руководством Танака партия сейюкай деятельно проводила планы японского империализма в отношении нападения на Китай и подготовки войны против СССР. И хотя сейюкай в период 1932—1934 годов подвергалась нападкам молодых офицеров за свою связь с монополистическими концернами (в частности с концерном Мицуи), фашистская военщина после переговоров Араки с Кухара согласилась пойти на блок с партией сейюкай, чтобы при ее поддержке попытаться легальным путем добиться падения правительства Окада—Такахаси.

Если партия сейюкай, будучи изолированной, боялась открыто выступить против правительства, то, имея за спиной столь мощную поддержку, как фашистская военщина, сейюкай заявила, что будет голосовать против правительства. Учитывая это, кабинет Окада назначил досрочные выборы, которые и состоялись 20 февраля 1936 года.

Исход этих выборов оказался совершенно неожиданным не только для реакционного блока военщины и сейюкай, но и для правительственного лагеря (умеренно-консервативных кругов).

Минсейто получила 205 мандатов (вместо 146 на прошлых выборах), сейюкай — 174 (вместо 304), сиовакай — 20 (на прошлых выборах не выступала), кокумин-домэй — 15 (вместо 5), сякай тайсюто (правореформистская социал-демократическая партия) — 18 (вместо 5), отдельные рабоче-крестьянские группировки — 5, фашисты — 4 и остальные кандидаты, не принадлежащие ни к каким партиям, — 25 (вместо 6).

Таким образом, минсейто и сиовакай имеют вместе 225 мандатов из 466, и в вопросах борьбы против военно-фашистского лагеря могли бы рассчитывать на поддержку 23 депутатов рабоче-крестьянских партий. Фашистско-военные группировки оказались в парламенте в меньшинстве.

Чем объяснить такой исход выборов?

Формально «надпартийное» правительство Окада в последней избирательной кампании поддерживало кандидатов минсейто и сиовакай.

Партия минсейто, вожди которой (Матида и Кавасаки) входили в правительство, выступала против сейюкайских кандидатов под лозунгом борьбы с фашистской опасностью, прямо указывая в своих предвыборных выступлениях, что она против политики немедленной войны и против военной диктатуры.

Партия сиовакай, организованная непосредственно перед самыми выборами из бывших сейюкайцев, сторонников поддержки правительства Окада, выдвинула на выборах лозунг «безоговорочной поддержки финансовой политики Такахаси», также демонстрируя боязнь немедленных авантюр и призывая к умеренности.

Результаты выборов 20 февраля показали, что вопреки бешеной пропаганде, развернутой военно-сейюкайским фашистским блоком, вопреки максимальному использованию этим блоком провокаций японской военщины на советских и монгольских границах, что должно было послужить также средством возбуждения «патриотического» духа у избирателей, — выборы принесли поражение реакционным силам, демонстрируя силу антифашистских лозунгов даже в среде буржуазных японских избирателей.

Характерно, что правоконсервативная английская газета «Морнинг пост» (22 февраля) в первых комментариях к предварительным итогам выборов отмечает, что небывалый успех сякай тайсюто вызван тем, что «она резко выступила против фашизма».

Ограничение избирательного права в Японии (правом избирать пользуется лишь мужское население, достигшее 25-летнего возраста, а правом

быть избранными пользуются лишь достигшие 30-летнего возраста; существуют также ценз оседлости, высокий денежный залог и прочие ограничения, направленные против пролетарских слоев населения) препятствует превращению выборов в подлинное волеизъявление основных трудящихся масс населения. Но тем не менее даже «профильтрованные» законом японские избиратели, голосуя против сейюкай и тем самым против военно-фашистского курса, показали, что самые широкие слои японского народа не одобряют политики военных авантюр.

Разумеется, победившие на выборах партии правительственного блока, в первую очередь минсейто, ни в какой степени не могут быть названы представителями и защитниками народных масс. Но понятие «фашизм» очевидно вызывает такую ненависть самых широких слоев населения Японии, что даже столь явно империалистическая партия, как минсейто, используя лозунг борьбы с фашизмом, значительно увеличила число поданных за нее голосов.

Весьма показателен рост числа мандатов, полученных реформистскими рабочими организациями, организованно выступавшими против фашизма. Впервые в истории японского парламента избрано 23 депутата от различных рабоче-крестьянских организаций (до сих пор максимальное количество было — в 1928 году — 8 мандатов). Успех этих организаций произвел огромное впечатление.

Несмотря на бешеную военно-шовинистическую пропаганду фашистам не удалось создать массовый военный психоз.

Но поражение военно-сейюкайского блока на выборах не ослабило напряженности внутренней борьбы в лагере господствующих классов. Наоборот, для военно-фашистских элементов исход этих выборов послужил толчком к решительному внепарламентскому выступлению. «Прямые» действия, к которым уже неоднократно и раньше прибегала фашистская военщина, были пущены в ход, чтобы обезглавить умеренно-консервативный лагерь и расчистить фашизму путь к власти.

Происходящий сейчас в Токио процесс подполковника Айдзава, убившего летом прошлого года генерала Нагата, начальника военного департамента военного министерства, известного своей враждебностью к молодому фашистскому офицерству, послужил мобилизирующим средством для того, чтобы показать, что фашистская часть японской военщины отстаивает «право» на прямые действия.

Подсудимый Айдзава, пользуясь благодушием военных судей, сочувствующих фашистским убийцам, произносил длинные пропагандистские речи, в которых обосновывал необходимость «очищения армии» от предателей и продажных деятелей, забывающих «самурайские добродетели» и вступающих в близкие отношения с капиталистами.

Эта линия вождей военно-фашистской группировки, предоставляющих «молодым офицерам» предпринимать «самостоятельные» прямые действия и затем выступающих с их оправданием во имя идеи «выполнения обязанностей перед троном», полностью была проведена и во время событий 26 февраля.

Масштаб и значение этих событий значительно превосходят все то, что до сих пор было известно в обычной японской практике. Своим выступлением заговорщики устранили наиболее видных руководителей умеренно-консервативного лагеря. Для той атмосферы безнаказанности фашистских убийц, которая прочно установилась в Японии, весьма характерны все поведение властей, их переговоры с заговорщиками и коммюнике военного министерства — первое официальное сообщение о фашистском выступлении 26 февраля. Военное министерство, в эпическом тоне излагая факты убийства, тут же спешит привести мотивы заговорщиков и закан-

чивает свое сообщение двусмысленной фразой: «В связи с инцидентом военное министерство заявило, что оно дало инструкции токийскому гарнизону в этом отношении».

Внутренняя борьба правящих кругов Японии является отражением структурной слабости японского империализма. Классовые противоречия с особой силой и резкостью выступают наружу в виде фашистских заговоров, и политика безудержных военных авантюр создает для Японии все новые трудности, грозящие катастрофой.

Политические организации в Японии

Прилагаем краткую характеристику основных политических партий и группировок японского империализма и их вождей.

«Блок сановников» — так называют в Японии руководящую группу высших бюрократов и дворцовых сановников, которая выражает интересы решающих кругов финансового капитала, не считающих своевременным на данном этапе установление военно-фашистской диктатуры и немедленное развязывание войны. Ее вождями были ныне убитые министр финансов Такахаши и бывший премьер-министр виконт Сайто. К числу ее виднейших руководителей принадлежат: старейший государственный деятель (ему сейчас 87 лет) князь Сайондзи, обладающий в силу феодалных традиций громадным личным авторитетом и пользующийся прерогативой рекомендовать императору кандидатуру премьера; граф Макино, один из ближайших приближенных императора (он также подвергся нападению во время путча 26 февраля); президент тайного совета Икки, министр императорского двора Юаса. К этому же блоку принадлежит и подвергшийся нападению фашистов премьер-министр Окада.

Партия минсейто — одна из двух основных партий японского империализма, связанная с важнейшим концерном Мицубиси, поддерживающая «блок сановников» и входящая в умеренно-консервативный лагерь. Лидер партии — Матида, министр торговли и промышленности в кабинете Окада; один из ее видных вождей — Кавасаки, министр просвещения в том же кабинете.

Партия сейюкай — старейшая партия японского империализма, связанная с концерном Мицуи. В отличие от минсейто она теснее связана с кругами аграриев. Одна из группировок этой партии, возглавляемая крупным промышленным магнатом Кухара, ориентируется на фашистскую военщину. За последнее время эта группировка получила преобладающее значение внутри партии, и на последних выборах сейюкай выступала с лозунгами фашистской военщины. Официальный лидер партии Судзуки не пользуется популярностью, и уход его с этого поста предreshен. У него имеются связи с «блоком сановников». В числе вождей партии следует упомянуть Ямамото Дзиотаро — сторонника Судзуки — и Ямамото Тейдзиро — единомышленника Кухара.

Партия сиовакай — небольшая группа выходцев из партии сейюкай, активно поддерживающая политику «блока сановников» и группировавшаяся вокруг Такахаши. Лидер партии — Утида, министр железных дорог в правительстве Окада. В кабинет Окада входили также инициаторы создания сиовакай: министр земледелия Ямадзаки и министр связи Мотидзуки.

Партия кокумин-домей — полуфашистская партия, состоящая из депутатов, отколовшихся от минсейто, но не порвавшая связи с «блоком сановников». Лидер партии — Адаги.

Группировки среди военных

Группировка Угаки, генерал-губернатора Кореи, наиболее тесно связана с «блоком сановников». К ней принадлежат члены Высшего военного совета генерал Тераути и Абэ.

Так называемая группа контроля. Ее вождем является член Высшего военного совета генерал Хаяси, который в своей деятельности в качестве военного министра (до августа 1935 года), выступая против военно-фашистских группировок в армии, нарушающих дисциплину и единство армии, оказался в резком конфликте с аракистами. К ней примыкали и убитый летом 1935 года генерал-майор Нагата и убитый 26 февраля главный инспектор военного образования Ватанабэ. К ней принадлежат также заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Сугияма и бывший заместитель военного министра Хасимото, ушедший в отставку вместе с Хаяси.

Указанные выше две группировки, особенно первая, имеют сторонников преимущественно среди старого генералитета и высшего командного состава.

Так называемая группировка «очищения армии» занимает промежуточную позицию между «группой контроля» и сторонниками Араки. Ее руководителями являются генерал-лейтенант Коисо (командующий войсками в Корее) и Татекава. Эта группа имеет большое влияние среди молодого офицерства.

Военно-фашистские группировки. Их идейным вождем является генерал Араки (был военным министром с конца 1931 по январь 1934 года, сейчас член Высшего военного совета, активный участник японской интервенции в Сибири). К числу виднейших представителей фашистских группировок относятся член Высшего военного совета генерал Мадзаки, командующий войсками на Формозе генерал Янагава и во флоте—адмирал Суэцугу. К более умеренному крылу аракистов примыкает военный министр кабинета Окада генерал Кавасима.

С военно-фашистскими группировками тесно связаны вице-председатель тайного совета барон Хиранума и один из вождей сейюкай—Кухара.

Из числа видных политических деятелей, формально не связанных с политическими партиями, следует упомянуть:

Гото—министр внутренних дел, являющийся виднейшим представителем клики высших чиновников. Будучи министром земледелия в кабинете Сайто, Гото поддерживал Араки до ухода последнего. Впоследствии проводил политику «блока сановников».

Хирота—министр иностранных дел с конца 1933 года. Не примыкает формально ни к одной из групп.

Осуми—адмирал, морской министр. Его имя связано с осуществлением разрыва вашингтонского морского договора. В большинстве вопросов блокировался с агрессивной частью военщины.

Киноэ—князь, председатель верхней палаты, один из представителей титулованной знати, близок к буржуазным кругам и одновременно поддерживает связь с военными кругами и в частности с молодым офицерством.

Из числа военных деятелей, не примыкающих формально к упомянутым группировкам, следует упомянуть генерала Минами—члена Высшего военного совета, командующего квантунской армией (японские оккупационные войска в Манчжурии), генералов Уэда и Ниси — членов Высшего военного совета.

Е. М.

О буржуазной и буржуазно-демократической революции

Существует ли разница между понятиями буржуазной и буржуазно-демократической революции? Надо ли делать между ними разграничение? Имеет ли какую-нибудь научную, политическую ценность это разграничение? Такие вопросы не раз возникали у изучающих историю революционного движения в России и в других странах.

На эти вопросы и у Маркса, и у Энгельса, и у Ленина, и у Сталина можно найти исчерпывающий ответ. Марксист, ленинец обязан конкретно анализировать характер, социальное содержание, движущие силы всякой революции. Он обязан определить место каждой революции в истории других революций. Стоит только поставить вопрос: «Всякая ли буржуазная революция является в то же время буржуазно-демократической?», чтобы по-марксистски, по-ленински, по-сталински мыслящий историк ответил: «Нет, не всякая». По этому вопросу товарищ Сталин давал в свое время указания историкам, что могут быть и были буржуазные революции, которые не являются демократическими. Несомненно, что революции «сверху» и подобные им могут быть буржуазными, не будучи демократическими. Это относится к прошлым революциям, но имеет серьезное значение и для революционного движения наших дней в буржуазных странах. Теперь, после появления советской власти, к тому же в условиях монополистического капитализма, буржуазия *только в редких случаях* (например в некоторых колониях) может сыграть некоторую революционную роль, и то не надолго. И, стало быть, руководящая роль в революции выпадет на долю пролетариата.

Следует отметить, что наши учебники по истории до сих пор не всегда делали это разграничение, не придавали серьезного значения этому вопросу. В этом повинны, конечно, больше всего историки-марксисты. Повышенный интерес к изучению истории не мирится с таким отношением к вопросу, имеющему глубокое политическое значение. В «Замечаниях» товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» как один из недостатков представленного группой тов. Ванана конспекта отмечено, что в нем «свалены в одну кучу понятия реакция и контрреволюция, революция «вообще», революция буржуазная и революция буржуазно-демократическая».

Между тем такое смешение понятий, такое сваливание в одну кучу, повидимому, практикуется достаточно широко. До сих пор не получила, например, отпора статья Д. Фруга, опубликованная в журнале «Коммунистическая революция» (№ 23 — 24 за 1932 год). В этой статье Д. Фруг отвечает на вопрос о том, существует ли разница между буржуазной и буржуазно-демократической революцией. Ответ Д. Фруга являет пример осужденного партией верхоглядства, самоуверенности,

различия, незнакомства с вопросом, о котором он толкует «с видом знатока». «Ни Ленин, ни Сталин, — заявляет он, — нигде не проводят различия между буржуазной и буржуазно-демократической революцией... Определение революции как буржуазно-демократической является лишь более полным, развернутым». Д. Фрут поясняет, что «всякая (разрядка моя. — Ем. Я.) более или менее последовательная буржуазная революция предполагает проведение демократических преобразований в политическом и социально-экономическом строе...» «По своему социально-экономическому содержанию буржуазно-демократическая революция ничем не отличается от революции буржуазной. По движущим силам также нельзя проводить различия между буржуазно-демократической и буржуазной революцией».

Прямо удивительно, что эту антиленинскую статью редакция «Коммунистической революции» поместила в качестве разъяснения ленинских взглядов на вопрос!

А между тем Ленин и Сталин не только поставили этот вопрос в своих работах, но и дали на него четкий ответ. Ленин проводил глубокое различие между буржуазной революцией вообще и демократической, «народной» революцией. Из общего понятия «буржуазной революции» большевики обязаны были выделить понятие «демократической», народной революции, в которой участвуют широкие народные массы. Меньшевикам было выгодно говорить о революции «вообще», о буржуазной революции вообще, чтобы доказать необходимость руководящей роли буржуазии. Ленин же неоднократно подчеркивает различие между буржуазно-демократической, народной революцией и революцией буржуазной.

Возьмем более позднюю работу — «Государство и революция», которую Ленин заканчивал на пути к октябрьскому штурму, к Великой пролетарской революции, мимоходом доделавшей буржуазно-демократическую революцию.

Останавливаясь на выражении Маркса, что пролетариату необходимо «сломать бюрократически-военную государственную машину», созданную эксплуататорскими классами, Ленин указывает:

«...особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной народной революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмоткой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противопоставления буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противопоставление понимается ими донельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905 — 1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих

требований, своих попыток по своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»¹.

Ленин прямо называет «убого-либеральным извращением» марксизма, если для историка-марксиста, для политического деятеля рабочей партии не существует ничего, «кроме противопоставления буржуазной и пролетарской революции... да и это противопоставление понимается ими мертвенно». Ленин бичует тех, кто утверждает, что существует только буржуазная и пролетарская революция, тех, кто не делает попытки более серьезно проанализировать в каждом отдельном случае содержание буржуазной революции. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин учат нас выделять из общего понятия буржуазной революции понятие народной, демократической революции, какой была революция 1905 года в России.

Как на пример мертвенно-схематического противопоставления буржуазной и пролетарской революции, неверного, антиленинского понимания движущих сил и характера русской буржуазно-демократической революции надо указать на троцкистскую оценку первой русской революции.

Как известно, меньшевик Троцкий проповедывал меньшевистско-парvusовскую теорию «перманентной революции». Он не понимал и не видел наличия в царской России «двух войн».

Он отрицал революционную роль крестьянства и поэтому отрицал значение союза рабочего класса и крестьянства, утверждал, что на другой день после революции пролетариат будет иметь против себя как враждебную силу большинство крестьянства. Вместе с тем Троцкий не верил в силу российского пролетариата, в возможность самостоятельной социалистической революции в России. Он доказывал, что без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не удержит власть.

Троцкий не мог поэтому дать правильной, марксистской оценки революции 1905 года. Троцкий утверждал в 1905 году, что революция может перепрыгнуть через этап буржуазно-демократической революции (его пресловутый лозунг: «Без царя, а правительство рабочих»), причем он понимал это рабочее правительство так, как его представляли меньшевики. Как и все меньшевики, под «рабочим правительством» Троцкий понимал не диктатуру пролетариата, а такое правительство, которое помогло бы буржуазии развивать производительные силы на капиталистической основе. Он в этом отношении ничем не отличался от английских лейбористов или германских меньшевиков, «рабочее правительство» которых творило волю буржуазии. Словом, для создания «рабочего правительства» Троцкого нужна была отнюдь не социалистическая революция, а буржуазная. Впрочем, Троцкий сам признавал, что в этой формуле он отнюдь не имел в виду диктатуры пролетариата, социалистической революции. Еще на II съезде РСДРП Троцкий выступал против лозунга диктатуры пролетариата.

Такая постановка вопроса Троцким в корне противоречила марксистско-ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, противоречила марксистско-ленинскому пониманию перманентной революции. Троцкий выступал против ленинского лозунга о необходимости в период буржуазно-демократической революции союза со всем крестьянством несмотря на наличие в нем различных прослоек с различными интересами. Теория Троцкого представляет образчик высмеянного Лениным «убого-либерального извращения» мар-

¹ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 395 — 396, 3-е изд.

ксизма, согласно которому существует только буржуазная и пролетарская революции.

Ленин дает в приведенном отрывке конкретный пример для сравнения революций 1905—1907 годов в России с буржуазными революциями XX века в Португалии и Турции¹.

Он разъясняет: «Народной» (т. е. демократической. — Ем. Я.) ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции не выступают».

Если бы даже у Ленина не было никаких других указаний по этому вопросу, недопустимо игнорировать это прямое указание на различие между общим понятием буржуазной революции и понятием народной, демократической революции. Такое игнорирование политически вредно, ибо оно означает несерьезное отношение к анализу классовых движущих сил революции, ведет к путанице в определении различных путей революции, к смазыванию вопроса о тактике пролетариата. Меншевикам эта путаница была выгодна: она помогала их попыткам подчинить революцию 1905 года гегемонии либеральной буржуазии, и в основе ее у меньшевиков лежало соглашение с буржуазией в интересах последней.

Большевики выделили особое понятие буржуазно-демократической революции, которой гегемония пролетариата и пролетарские средства борьбы придают в то же время пролетарский характер, где наличие «двух войн» определяет и возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В приведенном выше отрывке из «Государства и революции» Ленин дает и конкретное понятие народной, демократической революции. Главным признаком такой революции является то, что в ней выступает «масса народа, громадное большинство его, активно, самостоятельно со своими собственными экономическими и политическими требованиями».

Была ли, с этой точки зрения, буржуазно-демократической революцией революция 1820 года в Испании? Конечно, нет. И попытка декабристов («Северного общества») во главе с Никитой Муравьевым совершить буржуазную революцию по образцу революции в Испании и Португалии, без народных масс, не была бы буржуазно-демократической революцией даже в том случае, если бы удалось провести в жизнь куцую конституцию Никиты Муравьева. Декабристы (особенно «Северное общество» во главе с Н. Муравьевым), которые революцию представляли себе как военный переворот считали для себя образцом организаторов военного переворота 1820 года в Португалии, где офицеры одного из полков, Квироса и Риеги, без участия рабочих и крестьянских масс, подняв военное восстание, принудили короля созвать кортесы. Испанская революция 1820 года мало чем отличалась от революции в Португалии.

При этом надо со всей силой подчеркнуть, что Ленин рассматривал тот или иной исход революции прежде всего в зависимости от направления деятельности партии; а меньшевики в исторических событиях видели главным образом результат стихийно действующих классовых сил.

Что нужно было сделать для того, чтобы революция в России была не ублюдком, не буржуазной революцией «вообще», а чтобы она была действительно демократической революцией? На это Ленин отвечает тем, кто говорил о необходимости оказывать давление на правительство:

¹ Ленин имел в виду революцию 1908 года в Турции.

«Вы хотите теперь же оказывать давление? — готовы вы восстание, проповедуйте его, организуйте его. Только в нем возможность того, чтобы комедия Думы не была концом русской буржуазной революции, а стала началом полного демократического переворота, зажигающего пожар пролетарских революций во всем мире. Только в нем залог того, что наш «соединенный ландтаг» станет прелюдией к учредительному собранию не-франкфуртского типа, что революция не кончится одним 18-м марта (1848), что у нас будет не только 14 июля (1789), но и 10 августа (1792). Только в нем, а не в подписках, взятых с освобожденных, порука, за то, что из их рядов могут выйти отдельные Иоганны Якоби, которых оттолкнет, наконец, мерзость головинского пресмыкательства, которые в последнюю минуту пойдут сражаться за революцию в рядах пролетариата и крестьянства»¹.

Здесь Ленин опять-таки противопоставляет два понятия, две возможности. Одна возможность: в России произойдет буржуазная революция, которая закончится комедией Думы. Но есть и другая возможность: революция станет началом полного демократического переворота, зажигающего пожар пролетарских революций во всем мире.

В отчете о IV объединительном стокгольмском съезде Ленин опять возвращается к определению буржуазно-демократической революции. Излагая споры с Плехановым по вопросу о захвате власти, Ленин рассказывает о выступлении Плеханова на съезде:

«Я против заговорщического захвата власти, — восклицал он (Плеханов. — *Им. Я.*), — но я всецело за такой захват власти, каким был, например, Конвент в великой французской революции».

Большевики поймали Плеханова на слове, потому что они стояли именно за такой захват власти, каким был (в иных исторических условиях) Конвент. Ленин заявляет:

«В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство»... А большевики всегда и все время говорили о завоевании власти именно массой народа, именно пролетариатом и крестьянством, отнюдь не тем или иным «сознательным меншинизмом»².

Ленин выделяет в буржуазной французской революции, 1789 года особые ее моменты — август 1792 года, — когда революция приняла подлинно демократический характер, выразившийся в создании Конвента и в той роли, какую в ней играли городская и сельская беднота.

В 1908 году Ленин, давая оценку первой русской революции в ее отношении к буржуазным и буржуазно-демократическим революциям Запада, указывал, что общее понятие буржуазной революции еще не достаточно определяет силы, которые могут одержать победу в такой революции:

«Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торговопромышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции

¹ Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 215.

² Ленин. Соч. Т. IX, стр. 217.

у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (на половину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обусловливает лишь контр-революционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая победу в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»¹.

Ленин здесь четко разграничивает две возможности.

Те, кто не делает различия между буржуазными революциями Запада и буржуазно-демократической революцией 1905 года в России, совершенно игнорируют замечательные указания товарища Сталина об особенностях русской революции. Главное в этих указаниях то, что в России в революции 1905 года роль вождя играл пролетариат, а не буржуазия, как было в буржуазных революциях Запада; что пролетариат в России к этому времени вырос в самостоятельную политическую силу; что пролетариат имел уже свою партию, свою программу.

В своей работе «Об основах ленинизма» товарищ Сталин дал важные указания по вопросу о различии между русской буржуазно-демократической революцией и буржуазными революциями Запада. Говоря о периоде между первой русской революцией (1905 года) и второй (февраль 1917 года), товарищ Сталин указал:

«Характерной чертой этого периода является высвобождение крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии, отход крестьянства от кадетов, поворот крестьянства в сторону пролетариата, в сторону партии большевиков. История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырех Дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие, пролетариат. Империалистская война лишь подтвердила уроки думского периода, завершив отход крестьянства от буржуазии, завершив изоляцию либеральной буржуазии, ибо годы войны показали всю тщетность, всю обманчивость надежд получить мир от царя и его буржуазных союзников. Без наглядных уроков думского периода гегемония пролетариата была бы невозможна.

Так сложился союз рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Так сложилась гегемония (руководство) пролетариата в общей борьбе за свержение царизма, гегемония, приведшая к Февральской революции 1917 г.

Буржуазные революции Запада (Англия, Франция, Германия, Австрия) пошли, как известно, по другому пути. Там гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представ-

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 209.

лял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии. Там освобождение от крепостнических порядков получило крестьянство не из рук пролетариата, который был малочислен и неорганизован, а из рук буржуазии. Там крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, ввиду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии.

В России, наоборот, буржуазная революция дала прямо противоположные результаты. Революция в России привела не к усилению, а к ослаблению буржуазии, как политической силы, не к умножению ее политических резервов, а к потере ею основного резерва, к потере крестьянства. Буржуазная революция в России выдвинула на первый план не либеральную буржуазию, а революционный пролетариат, сплотив вокруг него многомиллионное крестьянство.

Этим, между прочим, и объясняется тот факт, что буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок. Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата.

Чем объяснить это своеобразное явление в русской революции, не имеющее прецедентов в истории буржуазных революций на Западе? Откуда взялось это своеобразие?

Объясняется оно тем, что буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе, что русский пролетариат успел уже превратиться к этому времени в самостоятельную политическую силу, между тем как либеральная буржуазия, напуганная революционностью пролетариата, растеряла подобие всякой революционности (особенно после уроков 1905 г.) и вступила в союз с царем и помещиками против революции, против рабочих и крестьян¹.

Таким образом, для характеристики буржуазно-демократической революции необходимо прежде всего анализировать движущие силы революции. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин придают громадное значение активному, самостоятельному участию крестьянства в демократических революциях. Но чем больше возрастает роль городского пролетариата, тем большее значение приобретают участие и руководство пролетарских масс в демократической революции. Буржуазно-демократическая революция в России имеет особое значение вследствие той руководящей роли, которую в ней играл пролетариат, наложивший социалистический отпечаток на всю борьбу.

Второй признак буржуазно-демократической революции — наличие самостоятельных требований народных масс, пролетариата и крестьянства в демократической революции.

Марксистская, ленинская, сталинская истина, марксистские, ленинские, сталинские определения всегда конкретны. Нельзя, как это нередко делали до сих пор историки-марксисты, сваливать в одну кучу понятия революции «вообще», революции буржуазной и революции буржуазно-демократической. Историк-марксист обязан четко разграничивать эти понятия, каждый раз давая ясную характеристику той или иной революции. Работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина дают достаточный материал и исчерпывающие указания для такого разграничения.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 35—36. 10-е изд.

Новые материалы из литературного наследства Маркса

*Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) «Архив Маркса и Энгельса»,
под редакцией В. Адоратского. Т. IV. Партиздат ЦК ВКП(б). 1935. IV + 274 стр.
3 руб. 75 коп.*

В IV томе «Архива Маркса и Энгельса» опубликована экономическая рукопись Маркса, представляющая собой новый, огромной важности вклад в сокровищницу марксистско-ленинской теории. Это одна из рукописей Маркса, относящихся к 1857—1858 годам. Она является как бы предварительным наброском его работы «К критике политической экономии» и охватывает главу, посвященную деньгам.

На вопросе о деньгах особенно ярко обнаруживается убожество буржуазной и мелкобуржуазной экономической науки. Маркс в своей работе «К критике политической экономии» приводит слова Гладстона о том, что «даже любовь не сделала большего числа людей дураками, чем мудрствования по поводу сущности денег».

Только Марксу удалось впервые вскрыть сущность и значение денег. Он сделал это, показав процесс возникновения денег из товара и раскрыв те противоречия, которые заложены в товаре. «Главная трудность в анализе денег, — писал Маркс, — преодолена с того момента, когда понято происхождение их из самого товара»¹. Вот почему анализ денег, данный Марксом, как и все его экономическое учение, носит глубоко исторический характер.

Эту характернейшую черту марксова анализа денег резко подчеркивал Ленин. Он говорил, имея в виду учение Маркса о развитии формы стоимости и денег: «Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена...»². «Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь... в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства»³.

Маркс указывает, что превращение продуктов в товары, развитие стоимости и денег происходят вместе с развитием общественного разделения труда:

«Потребность в обмене и превращение продукта в чистую меновую стоимость идет вперед в той же мере, как и разделение труда, т. е. вместе с общественным характером производства. Но в той же мере, как возрастает последний, возрастает власть денег, т. е. закрепляется меновое отношение как внешняя по отношению к производителям и независимая от них сила»⁴.

¹ Маркс «К критике политической экономии», стр. 73. Партиздат. 1935.

² Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 16. 3-е изд.

³ Там же, стр. 17.

⁴ «Архив Маркса и Энгельса». Т. IV, стр. 65—67. В дальнейшем сноски по «Архиву» даются в тексте.

В своих записях Маркс отмечает необходимость в дальнейшем рассмотреть «подробнее влияние превращения всех отношений в денежные», превращения всех натуральных повинностей (налогов, ренты и т. п.) в денежные повинности, «превращение патриархального, рабского, крепостного, цехового труда в чисто наемный труд» (стр. 67).

Проследившая детальнейшим образом исторический процесс возникновения и развития денег, Маркс указывает:

«Первоначально деньгами служит... тот товар, который чаще всего принимается в обмен, обращается как предмет потребления... Таковы соль, кожи, скот, рабы...

В дальнейшем ходе развития наступит как раз обратное, т. е. товар, который меньше всего является непосредственно предметом потребления или орудием производства, лучше всего будет представлять именно ту сторону, что он служит потребности обмена как такового» (стр. 105).

Рассматривая процесс выделения металлов, а затем специально благородных металлов как всеобщего эквивалента, Маркс детально изучает природные свойства разных металлов, в особенности золота и серебра, выясняет, какие их свойства благоприятствовали закреплению за ними роли денег. Он останавливается на твердости различных металлов, на их ковкости, на температуре их плавления, на том, в каком виде они встречаются, и т. д. При этом Маркс делает огромнейшей важности принципиальное указание о необходимости изучения в политической экономии свойств денежного материала:

«... Исследование благородных металлов как субъектов денежного отношения, как воплощения последнего, вовсе не лежит вне области политической экономии, как полагает Прудон, — так же как физические свойства красок и мрамора не лежат вне области живописи и скульптуры» (стр. 123).

Это замечание бьет не только по Прудону, но и по современным меньшевистско-идеалистическим фальсификаторам учения Маркса, вроде Рубина, стремившегося вытравить из политической экономии все материальное, выводящее и производительные силы и потребительскую стоимость за пределы экономического исследования.

Изучая роль благородных металлов как денежного материала, Маркс, разумеется, не ограничивается определением их природных (физических, химических, минералогических) свойств. Он подробно рассматривает историю добычи этих металлов в отдельных странах с древнейших времен (Рим, Греция) до нового времени.

Также подробно останавливается он на вопросах производительности труда в добыче благородных металлов на различных исторических этапах, на изменениях пропорций, в которых обменивались золото, серебро и другие металлы.

Маркс проследивает исторический процесс развития функции денег.

Как известно, в I томе «Капитала», анализируя функции денег, Маркс подчеркивает, что «особенные формы денег — просто товарный эквивалент, или средство обращения, или платежное средство, сокровище и мировые деньги — указывают, в зависимости от различного объема и относительного преобладания той или другой из этих функций, на очень различные ступени развития общественного процесса производства»¹.

В опубликованной ныне рукописи приведен богатейший конкретно-

¹ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 196. Изд. 1934 года.

исторический материал, обосновывающий это положение. Привлекая многочисленные исторические данные (Гомер, Гесиод, данные о торговле с африканскими племенами и т. д.), Маркс показывает, что исторически первой функцией денег была функция меры стоимости, причем эта функция возникла еще до появления металлических денег: «Деньги выступают раньше как мера (например у Гомера — волю), чем как средство обмена...» (стр. 121). Лишь потом деньги становятся средством обмена, орудием обращения. Третья функция денег — функция сокровища — возникает на еще более высокой ступени общественного развития: «... деньги как универсальный материальный представитель богатства происходят из обращения и в качестве такового сами суть продукт обращения» (стр. 211).

Маркс особенно подробно останавливается на роли денег, как сокровища, на разных исторических ступенях:

«У всех древних народов накопление золота и серебра первоначально является привилегией жрецов и царей, ибо бог и царь всех товаров должен принадлежать лишь богам и царям» (стр. 237).

На этой ступени исторического развития накопление денег производится для того, чтобы демонстрировать изобилие, для обеспечения на случай чрезвычайной нужды, для закупки оружия, для охраны богатства от всяких превратностей. Это, как замечает Маркс, «повторяется при всех потрясениях, войнах и т. д. в буржуазном обществе, которое в этих случаях возвращается в варварское состояние» (стр. 237). Это положение Маркса не потеряло своей свежести и остроты и в настоящее время.

Далее, деньги выступают в своей следующей функции как средство платежа. Эта функция, как правило, возникает позже предыдущих.

«Деньги должны быть уже весьма развиты в своих двух первых назначениях (т. е. как мера стоимости и средство обмена. — И. Л.), для того, чтобы, как правило, выступать в третьем назначении в этой роли» (стр. 249).

Записи Маркса дают возможность глубже понять положения соответствующих глав «Капитала» и содержат вместе с тем ряд интересных дополнительных положений (например по вопросу об идеальных и реальных деньгах, о деньгах как знаке стоимости, о счетных деньгах и т. д.).

Маркс в своих записях (как и в «Капитале») особенно резко подчеркивает, что развитие денег и их функций ведет к развитию и обострению противоречий товарного производства, уже заложенных в товаре. Особенно интересны в этом отношении страницы 67—71 (страницы 66—70 по немецкому оригиналу) книги. Маркс показывает здесь, что развитие противоречий товара с развитием денег проходит три ступени.

Во-первых, с того момента, как появляются деньги, внутреннее противоречие товара выражается уже во внешнем противоречии между товаром и деньгами. С тех пор как товар обменивается на деньги, способность товара к обмену, по выражению Маркса, «отдана во власть внешних условий» (стр. 69). Будет или не будет товар обменян на деньги, зависит от внешних условий, от случайности.

Во-вторых, при обмене товара на деньги акт обмена распадается на два независимых акта: купли и продажи. Между этими актами может возникнуть несоответствие. Таким образом возникает возможность кризисов.

В-третьих, с развитием товарного производства и распадом обмена на отдельные акты купли и продажи между производителями может вклиниться и вклинивается посредник — купец. Акт купли-продажи делается еще сложнее и противоречивее, так как обмен совершается не прямо между потребителями, а между потребителями и купцами, между производи-

быть уничтожены свойственные им кредит и денежная система. Ни денежные реформы, ни изменения формы денег сами по себе не могут уничтожить противоречий, выраженных в деньгах.

«... Недуг буржуазного общества нельзя излечить «преобразованием» банков или основанием рациональной «денежной системы» (стр. 41).

Маркс показывает, что прудонистские планы реформы денег и банков, проекты «трудовых денег», дарового кредита, выражают жалкие реакционные мечты о возврате от капитализма к простому товарному производству.

«Даровой кредит, — замечает Маркс, — ...есть лишь лицемерномещанская и трусливая форма для положения: собственность — это кража. Вместо того, чтобы рабочие отобрали у капиталистов капитал, пусть капиталисты будут вынуждены отдать его рабочим» (стр. 21).

Критика прудонистов в работах Маркса и, в частности, в опубликованной ныне рукописи бьет не только по современным ему мелкобуржуазным экономистам: она метко разит и современных нам представителей буржуазной и мелкобуржуазной экономической «науки». Если во времена Маркса мелкобуржуазные экономисты вроде Прудона подменяли революционную критику капитализма и революционную борьбу с господством буржуазии «критикой» денежного обращения и кредита, мечтая при этом о возврате к мелкому товарному производству, то в настоящее время критику «власти золота», «процентного рабства» с демагогическими целями пускают в ход фашистские башибузуки: эта «критика» нужна им для обмана масс, для того, чтобы создать видимость, будто они являются противниками капитализма.

Вооружая нас для разоблачения фашистской демагогии, указания Маркса бьют также и по контрреволюционным меньшевистским теориям «социализации» через обращение Реннера и К^о.

Критикуя утопический прудоновский проект «часовых бонов», Маркс показывает, что эти проекты основаны на полном непонимании противоречий товарного производства.

Прудонисты, предлагая измерять стоимость товаров прямо в рабочем времени, не понимают того, что «товар не есть рабочее время как таковое, а есть материализованное рабочее время; рабочее время не в форме движения, а в состоянии покоя; не как процесс, а как результат» (стр. 61), что каждый товар является продуктом определенного труда, качественно отличного от других видов труда, и что поэтому стоимость одного товара можно выявить только через приравнивание его к другому товару.

Деньги являются в развитом товарном производстве тем особым товаром, через посредство которого определяется стоимость всех товаров. «... Невозможно уничтожить самые деньги, пока меновая стоимость остается общественной формой продуктов» (стр. 65).

Маркс в своей рукописи показывает, почему цена как денежное выражение стоимости товара никогда не может точно совпадать со стоимостью, а постоянно отклоняется от нее:

«... Стоимость выступает как закон тех движений, которые проходит цена. Но они всегда различны и никогда не совпадают или же совпадают лишь совершенно случайно, в виде исключения» (стр. 49).

Но это опять-таки доказательство невозможности измерения стоимости прямо в рабочих часах, невозможности замены металлических денег бонами. Маркс доказывает, что введение этих бонов не устранило бы противоречия товара и денег...

«...Затруднения, вытекающие из существования особого орудия обмена, особого, но вместе с тем всеобщего эквивалента, должны были бы вновь возникнуть при всякой форме, хотя бы различным образом» (стр. 27).

Трудовые боны неизбежно должны были бы дешеветь или дорожать в зависимости от производительности общественного труда, от колебаний спроса и предложения. Например при росте производительности труда бумажки дорожали бы, и, таким образом, «рост производительности труда пошел бы на пользу нетрудовым элементам» (стр. 45). Трудовые боны не могут уничтожить процесса разложения мелких товаропроизводителей, скопления богатств в руках одних людей и разорения других.

Острым оружием диалектического анализа Маркс разит реакционную теорию трудовых денег, разоблачает утопии об увековечении мелкого производства. Этот анализ имеет огромное политическое значение и в настоящее время для разоблачения вредительских «теорий» устойчивости мелкого производства, для борьбы против демагогии фашистов, лживо обещающих ремесленникам и мелким крестьянам обеспечить их «самостоятельность».

Заметим также, что марксова критика трудовых денег бьет по всяким утопическим проектам «реформы» денег, которые в огромном количестве выдвигались и выдвигаются за последние годы новоявленными «лекарями» и «реформаторами» капитализма как из фашистского, так и из либерально-буржуазного лагеря (вспомним нашумевший несколько лет назад проект «энергодоллара» в Америке, проект замены металлических денег энергетическими единицами, выдвинутый германским фашистом Клятессом, и т. д.).

Только в условиях пролетарской диктатуры, как блестяще показал опыт нашей революции, функции и назначение денег «меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму» (С т а л и н). Только в этих условиях кредит и банки становятся в руках пролетариата мощными рычагами социалистического строительства.

Критика Марксом Даримона имеет также огромное значение для понимания марксистско-ленинской теории кризисов и для критики современных буржуазных теорий кризисов. Критикуя Даримона, объяснявшего кризис отливом денег из Франции в 1855 году, Маркс замечает, что не вывоз золота — причина хлебного кризиса, а хлебный кризис — причина вывоза золота:

«...Кризис, обусловленный недородом хлеба, отнюдь не создан отливом металла, хотя и может обостриться из-за попыток воспрепятствовать этому отливу» (стр. 33).

В другом месте (стр. 241) Маркс ядовито высмеивает буржуазных экономистов за «ту боязнь, которая обнаруживается специально в учении о деньгах, и тот панический страх, с которым наблюдают за отливом и приливом денег в периоды кризиса». Ослепленные денежным фетишизмом, буржуазные экономисты в паническом страхе принимают за причину и сущность кризиса его вторичные проявления. Саркастические замечания Маркса по адресу буржуазных экономистов попадают не в бровь, а в глаз и современным буржуазным экономистам, объясняющим экономический кризис последних лет отливом золота и советовавшим лечить кризис регудированием золотого потока!

* * *

Особо следует остановиться на ряде глубочайших, интереснейших мыслей о социалистическом обществе, высказанных Марксом в опубликованной работе. Рассматривая вопрос о происхождении и развитии товара и денег, Маркс неоднократно сопоставляет докапиталистические и капиталистические отношения с социалистическими.

В товарно-капиталистическом обществе люди, как указывает Маркс, работают друг на друга. Труд их носит общественный характер, но общество раздроблено на ряд самостоятельных производств, находящихся в руках частных собственников. Хотя эти производства и связаны с самого начала друг с другом, но обнаружиться эта связь может лишь задним числом, через обмен продуктов труда на рынке, через деньги. Здесь, как говорит Маркс, «общественный характер производства полагается лишь задним числом путем превращения продуктов в меновые стоимости и обмена этих стоимостей» (стр. 117—119).

При социализме же, где нет частной собственности,

«труд отдельного лица с самого начала положен как коллективный труд. Каков бы ни был особенный материальный образ продукта, который это лицо создает или помогает создать, — оно купило своим трудом не определенный особенный продукт, а определенное участие в коллективной продукции... Его продукт — не меновая стоимость» (стр. 117)¹.

Эти ясные и недвусмысленные высказывания Маркса еще раз подчеркивают антимарксистский, антинаучный характер попыток Богданова и других механистов превратить закон стоимости в универсальный «над-исторический» закон для всех времен и народов, разоблачают право-оппортунистический «закон трудовых затрат» и т. п. В свете этих высказываний еще ярче выступают несостоятельность и клеветнический характер всяких попыток перенесения закона стоимости на наше советское хозяйство, где труд людей в социалистическом производстве «с самого начала положен как коллективный труд», где товар и деньги в корне принципиально отличны от товара и денег при капитализме.

Замечательны высказывания Маркса о соотношении личного и общественного, людей и вещей на разных этапах развития общества². В докапиталистических формациях отношения людей базировались на личной зависимости. Следующей ступенью является товарно-капиталистическое производство.

«Личная независимость, основанная на вещи о й зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые создается система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных способностей» (стр. 89).

Эта вторая ступень подготавливает революционный переход к более высокой ступени общественного развития — коммунизму.

«Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на подчинении их коллективной общественной производительности в качестве их общественного достоинства, — такова третья ступень» (стр. 89—91).

¹ Термин «меновая стоимость» (Tauschwert) Маркс употребляет здесь в том смысле, в каком он в «Капитале» употребляет слово «стоимость» (Wert).

² Высказанные Марксом в данной работе мысли являются продолжением и развитием положений, ранее обоснованных Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии».

При капитализме люди зависят друг от друга и работают друг на друга, но частная собственность их разделяет, обособляет и противопоставляет друг другу.

«Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к личностям, доказывает, что они еще находятся в процессе создания условий своей социальной жизни, а не начали этой жизни на основе этих условий» (стр. 97).

Лишь при коммунизме создаются условия для всестороннего развития личности, тесно связанной с обществом, творящей для общества. Маркс высмеивает мелкобуржуазных идеологов, которые, возмущаясь угнетением личности при капитализме, мечтают о возврате к первобытной жизни, «к природному состоянию» с характерной для него «полнотой» личности. Маркс указывает (стр. 99), что «полнота» личности на первых ступенях развития общества является продуктом неполноты развития общественных отношений между людьми.

В коммунистическом обществе, идущем на смену капитализму, всестороннее развитие личности будет достигнуто не «возвратом к природе», а всесторонним развитием общественных связей людей.

«Универсально развитые индивиды, чьи общественные отношения подчинены их собственному коллективному контролю в качестве их собственных коллективных отношений, суть продукт не природы, а истории» (стр. 99).

Замечательные положения Маркса, бьющие по мелкобуржуазным утопиям Штирнеров, Прудонов и им подобных, разоблачают в то же время буржуазную клевету на коммунизм как «казарменный строй», буржуазные измышления о «подавлении личности» при коммунизме.

Гениальные предсказания Маркса претворяются в жизнь в нашей социалистической стране, где под руководством большевистской партии во главе с великим Сталиным растут новые люди, героические строители социализма. Слова Маркса перекликаются с замечательными словами товарища Сталина о кадрах, со сталинским лозунгом заботы о человеке, о новых замечательных людях, которых возвращает стахановское движение.

В тех частях опубликованной рукописи, которые специально посвящены анализу исторического процесса возникновения и развития денег, особенно ярко и четко выражен конкретно-исторический характер всего экономического учения Маркса. Опубликование этих материалов в настоящее время имеет особенно важное значение: они еще раз блестяще подтверждают, как глубоко права наша партия, во главе с ее вождем, гениальным продолжателем Маркса—Энгельса—Ленина товарищем Сталиным, ведущая беспощадную борьбу против отрицания и игнорирования исторического характера марксистско-ленинской политической экономии, против ее подмены абстрактно-схоластической, чисто «логической» системой категорий, против дурного «социологизирования», до последнего времени еще частенько проявляющегося у нас в преподавании политической экономии, в программах и учебных пособиях.

В книге приведен как немецкий текст работы, так и русский его перевод. В конце даны предметный и именной указатели.

И. ЛАПИДУС

Воспоминания рабочих о молодом Сталине

«ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ», Рассказы старых рабочих о работе товарища СТАЛИНА в Закавказье. Издательство Закрайкома ВКП(б) «Заря Востока». 1936. 30 стр.

Облик молодого Сталина, непреклонного ленинца, организатора и руководителя большевистских организаций, встает перед нами в рассказах старых рабочих о работе товарища Сталина в Закавказье. Выпущенная издательством Закавказского крайкома ВКП(б) книга содержит воспоминания старых рабочих об отдельных моментах работы товарища Сталина на заре революционного движения в Закавказье. Материалы эти являются откликами на доклад тов. Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

Сталин вместе с Лениным с первых же шагов своей революционной борьбы выступает как строитель партии нового типа, партии революционного пролетариата, основанной на гранитной базе марксизма. В непримиримой борьбе с врагами марксизма-ленинизма, в первую очередь с грузинскими «дегальными марксистами» (с большинством «Месаме-даси» во главе с Н. Жордания и др.), зародились и выросли под руководством товарища Сталина большевистские организации в Грузии и Закавказье. Товарищ Сталин, вместе с тт. А. Цулукидзе и Ладом Кецихели и русскими социал-демократами, находившимися в Тифлисе (Курнатовский и др.), является основоположником ленинско-искровской социал-демократической организации в Грузии и Закавказье. Старые рабочие рассказывают о громадной большевистской работе, которую провел товарищ Сталин в Тифлисе, Батуме, Баку и других пунктах, о том, как неразрывно он был связан с промышленными центрами Закавказья и с отдельными рабочими.

Уже тогда товарищ Сталин умел не только учить массы, но и учиться у передовых рабочих; уже тогда он обладал этой замечательной чертой, без которой нет настоящего большевистского руководителя.

Товарищ Сталин начал руководить кружком из рабочих тифлиских железнодорожных мастерских с 1898 года.

«Его руководство, — рассказывает рабочий Тифлиских мастерских А. Г. Окуашвили, — быстро сказалось на работе кружков. В этот период оформилась руководящая социал-демократическая группа тифлиской организации» (стр. 9).

Красной нитью в воспоминаниях рабочих проходит та непримиримая борьба, которую вел товарищ Сталин с грузинскими меньшевиками, националистами, анархистами и др. Со всей страстностью пролетарского революционера товарищ Сталин обрушивался на тех, кто не шел дальше «мирной», «дегальной» пропаганды идей марксизма, кто не понимал и не хотел понять необходимости доведения идей классовой борьбы до уровня борьбы за диктатуру пролетариата. Грузинские «дегальные марксисты» Н. Жордания, Рамисвили и другие хотели ограничиться в «воспитании» рабочих буржуазным просветительством.

«В течение нескольких лет, — рассказывает тбв. Тодрия, — я читал журнал «Квали», приблизительно полтора года ходил в организованную «месамедасистами» воскресную школу, слушал там Рамшвили и Чхеидзе.

Чему они учили нас? Они учили нас тому, как движутся звезды, луна, солнце, земля, но никогда не говорили нам о том, как все-таки движется вперед революционный рабочий класс. Этого мне не удавалось от них услышать, не удалось вычитать в течение нескольких лет общения с ними.

Но явился Сталин.

Он нашел меня, как и других рабочих, собрал нелегально в маленький кружок и на двух—трех собраниях этого кружка снял повязку с моих глаз — тогда еще сравнительно темного рабочего, и показал, как движется пролетарская революционная борьба.

Однажды товарищ Сталин спросил меня: «Чему учат вас в воскресной школе?» И когда я ему сказал, что там учат тому, как движется солнце, он с улыбкой сказал:

— Слушай! Солнце, не бойся, не собьется с пути. А вот ты учись, как должно двигаться революционное дело, и устрой мне маленькую нелегальную типографию» (стр. 7).

Товарищ Сталин уже в ранней молодости был великим мастером учить тому, «как должно двигаться революционное дело». Он воспитывал железную когорту профессиональных революционеров, учил рабочих владеть оружием марксизма. В борьбе с врагами марксизма товарищ Сталин с первых же шагов выступает как непреклонный ленинец.

«Он мне сказал, — пишет С. Тодрия: — «Если «Искра» попадет тебе в руки, читай ее внимательно, особое внимание обращай на статьи «Н. Л.» (стр. 8)»¹.

Товарищ Сталин беспощадно бил не только грузинских меньшевиков, но и анархистов. В 1906—1907 годах товарищ Сталин в связи с наплывом в Закавказье анархистов-кропоткинцев выступил с рядом теоретических статей об анархизме и марксизме. А. Г. Окуашвили красочно рассказывает о дискуссии по вопросу об анархизме, которая была организована среди рабочих железнодорожных мастерских, где одно время анархистам удалось завербовать себе сторонников.

«Уже тогда товарищ Сталин у нас пользовался славой сильного оратора, умевшего действовать силой убеждения.

И вот вечером в Нахаловке, в двух комнатах, битком набитых рабочими, стали выступать лидеры анархизма... Они говорили красноречиво, их слушали...

Мы с надеждой смотрели на товарища Сталина, спокойно и невозмутимо сидевшего среди нас и только изредка подававшего реплики.

Но вот он встал... В этой дискуссии он показал всю огромную свою эрудицию и начитанность, все глубокое знание марксизма. Товарищ Сталин, цитируя Бакунина и Маркса, показал полную несостоятельность учения анархизма. Рабочие единогласно поддержали тов. Коба» (стр. 10).

Товарищ Сталин наряду с Лениным уже тогда был образованнейшим марксистом.

¹ Речь идет о В. И. Ленине, нередко подписывавшем свои статьи «Н. Л.», т. е. Н. Ленине.

Тов. Г. И. Елисабедашвили, вспоминая Сталина в школьные годы, говорит о нем как об одном из «самых способных учеников» (стр. 25). Молодой Сталин — яркий пример для нашей молодежи, образец того, как надо бороться за глубокое знание марксизма, за культуру.

С великой любовью и пропагандистским умением нес товарищ Сталин семена марксизма в массы. Он показывал блестящий образец понимания всей серьезности, ответственности задач большевистской партийной пропаганды. Не даром вспоминают рабочие, как просто, увлекательно товарищ Сталин вел занятия в кружках, воспитывая великое чувство беззаветной преданности делу рабочего класса.

«Не было случая, чтобы тов. Сосо пропустил занятия: с большой аккуратностью он появлялся ровно в назначенное время и без лишних слов приступал к делу, дорожа и своим и чужим временем» (стр. 18).

Будучи сам первоклассным пропагандистом, товарищ Сталин умел воспитывать пропагандистов из рабочих: он обязал участников кружка выявлять и подбирать в кружок других надежных рабочих, требовал, чтобы участники кружка вели на заводе беседы с остальными рабочими.

Теоретическую борьбу и пропагандистскую работу товарищ Сталин неразрывно соединял с руководством повседневной экономической и политической борьбой рабочего класса. Под его непосредственным руководством была организована и блестяще проведена забастовка рабочих завода Манташева.

«Мы тогда поняли, что слова товарища Сталина не расходятся с делом и что он далеко не похож на тех учителей и пропагандистов (будущих меньшевиков), которые до него учили нас одной лишь географии, астрономии. Мы поняли, что под руководством Сталина можно одержать победы значительно более и крупнее, чем победа над одним заводчиком» (стр. 18).

Роль товарища Сталина как руководителя забастовки ярко передает тов. Д. А. Вадачкория. Он рассказывает, что рабочие завода Манташева предъявили администрации завода вначале скромные требования: отказ от ночных работ, еженедельный день отдыха, вежливое обращение. Администрация начала увольнения, кое-кого арестовали. Рабочие ответили на это забастовкой. Видя, что репрессиями ничего не добьешься, администрация вступила в переговоры с бастовавшими.

Тогда товарищ Сталин предложил рабочим дополнительно включить в свои требования оплату вынужденного прогула, возвращение всей штрафной суммы, взысканной с рабочих, и 30-процентную прибавку заработной платы.

«Сталин подбадривал рабочих, уверяя, что администрация вынуждена будет пойти на уступки. Так и случилось. Мы выиграли забастовку, одержали победу над капиталистом!..»

Весть о победе манташевских рабочих над хозяйчиком быстро облетела все предприятия Батума. Рабочие стали волноваться на заводах Ротшильда, Сидеридеса и других, предъявляя хозяйщикам политические и экономические требования» (стр. 20).

Изучение блестящего опыта сталинского руководства забастовочной борьбой в Закавказье даст много поучительного нашим зарубежным товарищам. Этот опыт наглядно показывает, как находить «зацепку» для мобилизации масс, как заострять борьбу, переходя к все более высоким ее формам.

Товарищу Сталину как прекрасному организатору революционных демонстраций посвящены воспоминания тов. Вадачкории и других товарищей.

Рабочий И. Вацек рассказывает, как Сталин превратил похороны тов. Ханлара в крупную политическую демонстрацию: по пути похоронной процессии заводы давали непрерывные гудки, а когда полиция запретила оркестр, — Сталин организовал спереди и сзади гроба два хора, которые пели похоронный марш.

Товарищ Сталин был организатором большевистской подпольной техники. Вместе с Ладом Кецховели и другими он много работал над организацией подпольных типографий, печатавших прокламации и большевистские нелегальные газеты, созданные в противовес легальному органу большинства «Месаме-даси» — «Квали». Тов. И. Дарахвелидзе вспоминает, как в январе 1902 года товарищ Сталин ездил в Тифлис за частями типографского станка и шрифтами на трех языках: русском, грузинском и армянском. С помощью рабочих завода Ротшильда станок был собран, и типография пущена в ход. Прокламации писал Сталин.

Воспоминания рабочих дают богатый материал, освещающий роль товарища Сталина как организатора революционной борьбы закавказского крестьянства. Тов. Г. И. Елисабедашвили приводит яркий эпизод из раннего периода революционной деятельности Сталина.

Сталин завязывает беседу с отдыхающими в поле пахарями. «Почему так плохо питаетесь? — спрашивает он их, видя кусок хлеба с лобом у одного из крестьян. — Ведь вы же сами пашете, сеете, собираете урожай...» И шаг за шагом товарищ Сталин разъясняет им, почему крестьянину плохо живется, кто его друзья и кто враги. «Он говорил так понятно и увлекательно, что крестьяне просили его притти еще поговорить с нами» (стр. 25 — 26).

Революционное движение рабочих оказывало непосредственное влияние на борьбу крестьян. Революционная борьба батумских рабочих в 1902 году, высылка рабочих в деревню и другие репрессии еще больше усилили аграрное революционное движение в Гурии. Передовые батумские рабочие разъясняли гурийским крестьянам значение революционной борьбы рабочих и широко распространяли прокламации. И это революционное движение гурийских крестьян было тесно связано с именем товарища Сталина. «Сталинские прокламации проникали в гурийские села» (стр. 28).

Чтобы оценить все значение работы товарища Сталина по организации революционной борьбы крестьян, надо вспомнить, что грузинские меньшевики проповедывали невозможность революционной борьбы крестьян. Товарищ Сталин еще на заре революционного движения, вопреки меньшевистскому отрицанию революционной роли крестьянства, борясь за гегемонию пролетариата, выковывал крепкий союз рабочего класса и трудящегося крестьянства.

В рассказах старых рабочих запечатлено еще много ярких эпизодов революционной борьбы Сталина и закавказских большевиков.

И в тяжелые дни заключения в Кутаисской тюрьме товарищ Сталин показал образцы большевистской борьбы. Рабочие, которые сидели с ним в тюрьме в это время, вспоминают, как он организовал политическую демонстрацию заключенных. И в тюрьме Сталин ни на минуту не ослаблял своей революционной работы. Умело воспользовавшись тем, что всех «политических» после демонстрации согнали в одну камеру, товарищ Сталин организовал кружок. Началась упорная политическая учеба под его руководством. Сталин ободрял, вдохновлял заключенных товарищей. Он никогда не поддавался унынию, первым запевал «Марсельезу».

«Мы, заключенные в тюрьме в то время, не чувствовали, что находились в тюрьме» (стр. 29).

Как самого родного, близкого провожали бакинские пролетарии товарища Сталина в далекую сибирскую ссылку.

«Однажды товарищи дали нам знать из тюрьмы, что такого-то числа отправляется этапом в ссылку группа товарищей, в составе которой будет и Сталин.

Это было осенью.

Мы знали, что у Сталина нет зимней одежды, обуви.

Он был в сатиновой рубашке и чустах.

Мы купили полушубок, сапоги и еще кое-какие вещи, которые он взял после долгих уговоров.

Я вышел провожать товарища Сталина.

Хотелось проститься с любимым руководителем и посмотреть, одел ли он нашу одежду.

Под Баиловым шел этап.

Сталин скован ручными кандалами с одним товарищем.

Заметив меня, он улыбнулся.

... В ссылку отправлялся любимец бакинского пролетариата, организатор и руководитель большевиков Закавказья...» (рассказ И. Вацеха, стр. 14).

Эта забота о Сталине была ответом рабочих на ту исключительную заботливость, которую проявлял Сталин ко всем товарищам, к революционерам-подпольщикам. Заботе о кадрах и сегодня учит нас товарищ Сталин, великий вожьд и учитель, гениальный продолжатель дела Ленина.

Выпущенный сборник воспоминаний рабочих о революционной, большевистской деятельности молодого Сталина найдет самое широкое распространение среди партийных и непартийных большевиков, среди всех борющихся за дело Ленина — Сталина, за победу социализма.

АЛ. ГРЮН

Уполномоченный Главлита № Б—19590

Тираж 550 000 экз.

В 1 п. л. 62 000 зн. 6 печ. лист.

Изд. № 263

Редакция

А. Стецкий (редактор).

В. Кнорин

П. Поспелов

Б. Таль.

Материал слан в набор 29/II 1936 г. Подписан к печати 2/III 1936 г. Заказ 423.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24